

Мюррей Лейнстер

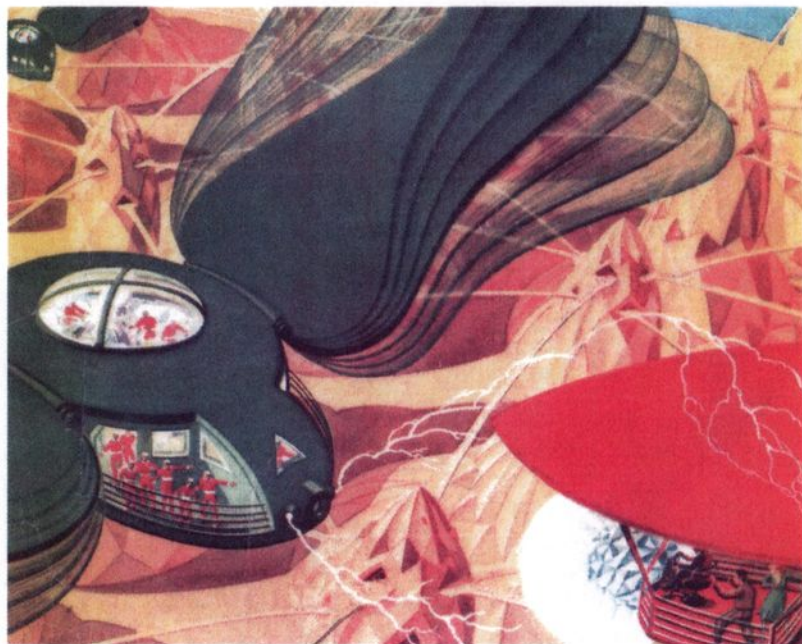

ПРОГУЛКИ В ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Библиотека англо-американской классической фантастики

ПРОГУЛКИ В ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Мюррей
Лейнстер

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Библиотека англо-американской классической фантастики

ПРОГУЛКИ В ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Мюррей Лейнстер

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2014

БААКФ-4 (2014)

Мюррей Лейнстер. ПРОГУЛКИ В ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ.
Сборник фантастики о времени и параллельных мирах.
(а.л.: 10,28)

Составление и перевод Андрея Бурцева.

Некоммерческий проект для ознакомления.
Предназначено исключительно для
культурно-просветительских целей.
Не для продажи.

© Бурцев А.Б., перевод, состав
© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека
англо-американской классической фантастики»

Лейнстер, Мюррей (Leinster, Murray), псевдоним, наст. имя Дженкинс Уильям Фитцджеральд (1896 – 1975)

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

ИГРЫ С ПРОСТРАНСТВОМ-ВРЕМЕНЕМ

На протяжении всей истории фантастики, многих авторов, как наших, так и зарубежных, интриговали загадки времени и так называемых параллельных миров. Немного неправильно будет думать, будто все началось с классического романа Г. Дж. Уэллса «Машина времени». В прошлое отправляли своих героев и Марк Твен, и многие другие писатели девятнадцатого, восемнадцатого и более ранних веков. Идея путешествий во времени, очевидно, стара, как сама человеческая цивилизация. Новаторство Уэллса было в том, что он «механизировал» эти путешествия, поставил их на научную основу, а заодно подтолкнул своих коллег-последователей поразмыслить о том, что же такое само время. И преуспел в этом. «Что может быть проще времени?» - восклицает один из героев Клиффорда Саймака. С его – странной инопланетной – точки зрения это, наверное, так и есть. А вот люди сломали немало голов, пытаясь понять это загадочное, неуловимое время. И немалую лепту в этом благородном стремлении внес Мюррей Лейнстер, написав столько произведений о времени и параллельных мирах (а эти две темы неотделимы друг от друга, это как у классика: упомяни одно, и тут же появится другое), что их хватило бы не на один сборник.

Многие его произведения на эти темы давно уже переведены на русский язык, но Лейнстера не зря называют патриархом американской фантастики. Первый рассказ его вышел в 1918 году, последнее произведение – в 1969. Пятьдесят один год в строю, пятьдесят один год творчества, да еще какого творчества! За это время он успел охватить множество тем, писал в разных ключах, от юмористической фантастики до мрачных антиутопий, от фэнтези до строгой НФ. На множество тем написал он, но одной из постоянных была тематика пространства-времени.

Дилогия о Пятом измерении («Катапульта Пятого измерения» и «Труба Пятого измерения») была написана в начале тридцатых годов, но, что удивительно, совершенно не устарела и прекрасно читается ныне. Эти две повести связаны с собой не только одними героями, но имеют единый сюжет и место действия. Герои ее – ученые – совершили прорыв в иное измерение. Они не знают, попали в параллельный мир или далекое будущее Земли. Мир, где они очутились, с одной стороны, очень похож на земной, с другой – разительно отличается от него. Там не только есть жизнь, там есть люди и цивилизация. Но какая же странная эта цивилизация, совершенно непохожая на то лучезарное будущее, которое любили описывать в те далекие годы.

Я не стану пересказывать сюжет дилогии – не люблю это делать, (всегда нужно читать произведение, а не его пересказ), - хочу лишь сказать, что она может занять вполне достойное место среди лучших произведений на эту тематику.

Повесть (а в то время произведения объема от двух авторских листов считались повестями) «Вечное «сейчас», истоки берет, пожалуй, от еще одного произведения Г. Уэллса – рассказа «Новейший ускоритель». Идея его – возможность управлять скоростью самого временного потока, ускорять его, - это идея Уэллса. Но как же оригинально и интересно освещена она у Лейнстера.

Рассказ «Карманные вселенные», возможно, подтолкнул Фармера к созданию своей эпопеи о Творцах Вселенных и их мини-мирах. А рассказ «Дело всей жизни профессора Мунца», одновременно смешной и грустный, стоит на позиции, выстроенной многими другими фантастами, что будущее можно менять, и существует возможность вмешиваться в «естественный» ход времени, даже если ты и не подозреваешь об этом.

Многообразно творчество Лейнстера, но одно из весьма важных, если не главных, качеств его произведений, является то, что, на какую бы тему он ни писал, он никогда не забывает о настоящем, о людях разных профессий и их месте в обществе, а так же о самом обществе с его неиссякаемыми проблемами. И это самое ценное, потому что фантастика, какие бы далекие и странные миры она ни описывала, является частью Культуры, создаваемой людьми и для людей.

Андрей Бурцев

20¢

ASTOUNDING

STORIES OF SUPER-SCIENCE

THE FIFTH-DIMENSION CATAPULT

*A Complete Novelette
of an Extraordinary
Intordimensional Rescue*

By MURRAY LEINSTER

THE GATE TO XORAN

By Hal K. Wells

КАТАПУЛЬТА ПЯТОГО ИЗМЕРЕНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

У этой истории нет начала в обычном смысле этого слова, потому что у нее, можно сказать, слишком много начал. Можно было бы начать с того момента, когда профессор Денхэм, доктор наук, профессор Массачусетского Технологического Университета и т.д., выделил металл, о котором много лет болтали ученые, понятия не имевшие, как его получить. Или она могла бы начаться с первых экспериментов с этим металлом, когда были получены совершенно невозможные результаты. Или она могла бы очень правдоподобно начаться с беседы между знаменитым главой гангстеров в городе Чикаго и молодым лаборантом в очках, который передал ему тяжелый предмет из чистого золота и, сильно нервничая, объяснил, где он его взял. Также с невозможными результатами, потому что это превратило Джекаро, короля шантажа и бутлегеров в восторженного энтузиаста неевклидовой геометрии. Эта история, как уже сказано, могла бы начаться с этой беседы.

Но это оставляет вне поля зрения Смизерса и особенно Томми Римеса. Так что лучше всего начать рассказ с первого появления Томми.

ГЛАВА I

Он остановился в облаке пыли, поднятой спортивным автомобилем, и внимательно посмотрел на ворота, закрывающие въезд на частную дорогу. Ворота были внушительные. На самом верху висел знак «ПРОЕЗД ЗАПРЕЩЕН». Немного ниже была надпись: «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. НАРУШИТЕЛИ БУДУТ ПРЕСЛЕДОВАТЬСЯ ПО СУДУ». На правом столбе ворот было уведомление: «ПРОВОЛОКА ПОД ТОКОМ», а на левом плакат: «ЗА ОГРАДОЙ ЗЛЫЕ СОБАКИ».

Сама ограда была семь футов в высоту и сделана из самых толстых металлических прутьев. Поверху ее была протянута колючая проволока, а ограда тянулась в обе стороны от узкого проезда, пока не исчезала из поля зрения.

The Fifth-Dimension Catapult

A COMPLETE NOVELETTE

By Murray Leinster

Томми вышел из автомобиля и открыл ворота. Они соответствовали описанию, которое ему дал мускулистый рыжеволосый дежурный на заправке в деревне в двух милях отсюда. Томми проехал через ворота, вышел, аккуратно закрыл их, вернулся в автомобиль и поехал дальше.

Он ехал по узкой частной дороге со скоростью сорок пять миль в час, напевая себе под нос. Таков был Томми Римес. Он не походил на обычного ученого так же, как его мощный спортивный автомобиль не походил на машину, которую предпочитают обычные ученые — и поступал Томми всегда не так, как обычные ученые. Фактически, у большинства людей, с которыми он общался, не закрадывалось ни малейшего подозрения, что он вообще имеет какое-то отношение к науке. Например, Питер Дэйзелл, который начнет в ужасе отмахиваться, если кто ему скажет, что Томми Римес является автором статьи в «Философском жур-

"The globe leaped upward into the huge coil, which whirled madly."

нале» «О массе и инерции тессеракта»¹, вызвавшей такие споры.

И была некая Милдред Холмс – не играющая никакой роли в деле о Катапульте Пятого Измерения, – которая подняла бы изыщно изогнутые брови в скучающе-недоверчивой манере, если бы кто-то при ней предположил, что Томми Римес именно тот самый Томми Римес, чьи «Дополнения к механике континуумов Херцлога» произвели такой фурор в научных кругах. Она надеялась рано или поздно заставить Томми сделать ей предложение, поэтому считала, что знает о нем все.

Ведя машину по узкой дороге, Томми слегка сомневался, что

¹ Тессеракт – куб, обладающий четырьмя пространственными измерениями (прим. пер.)

поступает правильно. Телеграмма на желтом бланке в его кармане походила, скорее, на розыгрыш, но все же имелась слабая вероятность, что она была важнее пропущенного теннисного матча. В телеграмме было написано:

**ПРОФЕССОР ДЕНХЭМ В ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ОПАСНОСТИ
ИЗ-ЗА ЭКСПЕРИМЕНТА ОСНОВАННОГО НА ВАШЕЙ СТА-
ТЬЕ О ДОМИНИРУЮЩИХ КООРДИНАТАХ И ТОЛЬКО ВЫ
МОЖЕТЕ ПОМОЧЬ ЕМУ ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ ПРИЕЗ-
ЖАЙТЕ НЕМЕДЛЕННО**

А. ФОН ХОЛТЦ

Ограда тянулась по обе стороны от дороги. Миля или полторы узкого проезда, огороженного и защищенного от злоумышленников, как только возможно.

Интересно, подумал Томми Римес, а что бы я сделал, если бы навстречу поехал другой автомобиль?

Он старался больше не думать о телеграмме. Он ей не верил. Он не мог ей поверить. Но он, также, не мог и проигнорировать ее. И никто бы не смог, ни ученые, ни обычные люди со средне-развитым любопытством. Статья о доминирующих координатах была напечатана в Физическом Журнале и описывала мир, в котором нормальные координаты каждодневного существования изменили свои функции. Координаты времени, вертикального, горизонтального и бокового направлений поменялись местами, и человек пошел на восток вместо того, чтобы пойти на запад, причем в конец улицы, а не в начало. С одной точки зрения, это была математическая шутка, но она приводила к некоторым захватывающим, глубокомысленным заключениям.

Но Томми не мог не думать о телеграмме даже тогда, когда на дороге появился цыпленок и пошел, дико размахивая крыльями, прямо на автомобиль. Цыпленок все же поднялся в воздух перед самым автомобилем, пролетел над капотом, как кучка верещащих перьев, ударился о наклонное ветровое стекло, скользнул по нему вверх, пролетел над головой Томми, теряя перья, и с пронзительными криками упал на дорогу позади автомобиля. В зеркало заднего вида Томми увидел, как он поднялся и побежал назад по дороге.

Идея моя заключалась в том, раздосадовано сказал себе Томми по поводу статьи, упомянутой в телеграмме, что человек может распознать лишь три пространственных и одно времен-

ное измерение. Так что, даже если бы его зафитилить во многомерный космос, он все равно не увидел бы разницы. Он все равно оказался бы в плену трех пространственных измерений Вселенной. И что тут такого, от чего у Денхэма могли бы возникнуть проблемы?

Впереди появился дом, низенький, хаотичный на вид бунгало с огромным кирпичным сараем позади. Дом профессора Денхэма, а сарай, конечно же, был лабораторией, в которой он производил свои эксперименты.

Томми инстинктивно нажал на педаль газа. Автомобиль прыгнул вперед. И тут произошла авария. Перед ним внезапно появились еще одни ворота, сделанные из тонких труб с натянутой на них непокрашенной проволоочной сеткой. Томми заметил их слишком поздно и не успел затормозить. Автомобиль содрогнулся от удара, раздался скрежет и звон стекла. Томми инстинктивно пригнулся, поскольку одна из труб ударила прямо в ветровое стекло. Двойное стекло раскололось пополам, покрылось трещинами и прогнулось, но не разлетелось на кусочки. Автомобиль остановился, запутавшись колесами в проволоке, сорванной с ограды. Ворота вырвались из петель и аккуратно накрыли капот автомобиля. Завизжали шины. Томми Римес выругался шепотом и вылез из автомобиля, чтобы осмотреть повреждения.

Он уже решил, что не случилось ничего непоправимого, когда из кирпичного сарая позади дома появился человек. Это был высокий, худощавый молодой человек, который пошел к нему, размахивая руками и крича:

– Вы не имеете никакого права здесь ездить! Вы должны сразу уехать! Вы повредили частную собственность! Я сообщу профессору! Вы должны заплатить за повреждения! Вы должны...

– Черт побери! – сказал Томми Римес, увидел, что радиатор пробит. Струйка ржавой воды уже бежала по траве.

Молодой человек подошел ближе. Бледный молодой человек, как отметил Томми. Молодой человек со щетиной коротко подстриженных волос и с очками в роговой оправе на близоруких глазах. Губы его были толстые и очень красные по контрасту с бледностью щек.

– Разве вы не видели знаки на воротах? – сердито спросил он с любопытным акцентом. – Разве вы не видели, что нарушителям запрещают... входить? Вы должны уйти сразу! Вы будете преследоваться судом! Вы будете заключены в тюрьму! Вы будете...

– Вы фон Хольц? – раздраженно спросил Томми. – Меня зовут

Римес. Вы мне телеграфировали.

Размахивающие руки замерли посреди взволнованного жеста. Близорукие глаза за толстыми линзами расширились. Розовый язык облизнул красные губы.

— Римес? Герр Римес? — запинаясь, спросил фон Хольц и подозрительно заявил: — Но вы не... Вы же не можете быть герром Римесом, автором статьи о доминирующих координатах!

— Это еще почему? — сердито спросил Томми. — Я также герр Римес, автор других статей, таких, как «Механика континуума» или «Масса и инерция тессеракта». И согласно последнему выпуску журнала философии... — Он посмотрел на красную струйку, бегущую из радиатора, и с сожалением пожал плечами. — Я хочу, чтобы вы позвонили в деревню и прислали кого-нибудь, кто отремонтирует мой автомобиль, — коротко продолжал он. — А затем объясните мне, что это за телеграмма — шутка или нет?

Он вытащил желтый бланк и протянул его, ощущая инстинктивную неприязнь к худощавому человеку перед ним, но стараясь подавить свои чувства.

Фон Хольц взял телеграмму, прочитал ее, бережно разгладил и возбуждено сказал:

— Но я думал, что герр Римес... что он почтенный джентльмен! Я думал...

— Вы послали эту телеграмму, — сказал Томми. — Она озадачила меня ровно настолько, чтобы заставить примчаться сюда. Из-за этого я чувствую себя круглым дураком. В чем дело? Это что — действительно розыгрыш?

Фон Хольц яростно покачал головой.

— Нет! Нет! — выкрикнул он. — Герр профессор Денхэм находится в ужасной, в смертельной опасности! Я... Я почти обезумел, герр Римес! Оборванцы могут схватить его!.. Я телеграфировал вам. Я четыре ночи не спал. Я работал! Я сломал свою голову! Я почти обезумел, пытаюсь вернуть герра профессора! И я...

Томми уставился на него.

— Четыре дня? — спросил он. — Что бы там ни случилось, но это продолжается четыре дня?

— Пять, — нервно сказал фон Хольц. — Но только сегодня я подумал о вас, герр Римес. Герр профессор Денхэм чрезвычайно хвалил ваши статьи. Он говорил, что вы единственный человек, способный понять его работу. Пять дней назад...

— Раз он уже пять дней находится в опасности, — скептически

проворчал Томми, — значит, не в таком уж он затруднительном положении, иначе все бы уже кончилось. Так вы позвоните механику? А потом поглядим, что тут у вас происходит.

Фон Хольц снова замахал руками и отчаянно сказал:

— Но это срочно, герр Римес! Герр профессор в смертельной опасности!

— Да что с ним такое?

— Он там остался, — сказал фон Хольц, снова облизывая губы. — Он там застрял, герр Римес, и вы единственный...

— Застрял? — еще более скептически сказал Томми. — Посреди штата Нью-Йорк? И я один могу ему помочь? Это все больше и больше похоже на тщательно продуманный, но не очень забавный розыгрыш. Я проехал шестьдесят миль. Хорошая шуточка, верно?

— Но это правда, герр Римес, — в отчаянии сказал фон Хольц. — Он там застрял. Он изменил систему координат. Это был эксперимент. И он остался в пятом измерении!

Наступила мертвая тишина. Томми Римес тупо глядел на него, затем откашлялся. Он снова ощутил инстинктивную неприязнь к этому молодому человеку. Бесспорно, он так рассердился, что, когда ему починят автомобиль, он тут же сядет и уедет подальше отсюда, если не сделает это раньше. Но пока что сбежать было не так-то легко. Одна шина автомобиля совсем спустила, так что колесо стояло на ободе, а из радиатора медленно капали на траву последние капли. Так что Томми достал портсигар, закурил сигарету и сардонически сказал:

— Пятое измерение? Не слишком ли шикарно? Большинство из нас отлично проживают в трех измерениях. Четыре уже являются роскошью. Так зачем же пятое?

Фон Хольц в свою очередь побледнел от гнева. Он замахал руками, остановился и произнес с подчеркнутой вежливостью:

— Если герр Римес соизволит последовать за мной в лабораторию, я покажу ему герра профессора Денхэма и стану убеждать, что герр профессор в чрезвычайной опасности.

У Томми возникло внезапно впечатление, что фон Хольц говорил все это всерьез. Он мог быть безумцем, но он был серьезен. И, несомненно, существовал профессор Денхэм, и это был его дом и его лаборатория.

— Ладно, давайте, я посмотрю, — менее скептично сказал Томми. — Но, знаете ли, это весьма невероятно.

— Это невозможно, — натянуто ответил фон Хольц. — Вы правы, герр Римес, это весьма невозможно. Но это — факт.

Он повернулся и пошел к большому кирпичному сараю позади дома. Томми последовал за ним, совершенно не верящий, но все же начинающий сомневаться достаточно для того, чтобы задаться вопросом, какой именно ужасной природы могла быть чрезвычайная ситуация в таком тихом месте? Конечно, фон Хольц мог быть сумасшедшим. Мог быть.

Странные, ужасные мысли пробегали у Томми в голове. Сумасшедший, балующийся наукой, мог совершить невероятные вещи, ужасные вещи, а затем потребовать помощи, чтобы уничтожить следы невообразимого убийства.

Томми был напряжен и встревожен, когда фон Хольц открыл дверь похожей на сарай лаборатории.

— После вас, — кратко сказал Томми.

Он почти что дрожал, когда ступил внутрь. Но в интерьере лаборатории не было ничего ужасного. Это было огромное помещение с высоким потолком и бетонным полом. В одном углу стояла динамо-машина, соединенная с четырехцилиндровым двигателем внутреннего сгорания, с которым был также соединен сцеплением непонятный большой барабан с несколькими сотнями футов цепи, обернутой вокруг него. На пульте управления были амперметры и вольтметры, и очень чувствительный динамометр на собственном стенде, а также электрический токарный станок и комплексное оборудование для работы с металлами. Еще была электрическая печь с застывшими на полу возле нее брызгами металла, так же были миниатюрные формы для отливок, и в конце комнаты — гигантский соленоид, который, очевидно, когда-то висел на балках, а теперь был явно поломан, потому что валялся на боку, ничем не поддерживаемый.

Единственным неопознанным аппаратом было странное приспособление у одной стены. Частично оно походило на пулемет из-за длинной латунной трубки, напоминающий ствол, торчавший из него. Но ствол уходил в полностью закрытый алюминиевый корпус, в котором не было видно никаких отверстий для подачи патронных лент.

Фон Хольц двинулся прямо к нему, снял крышку с конца медного ствола, поглядел в него и взмахом руки подозвал Томми.

У Томми снова вспыхнули подозрения, и он подождал, пока фон Хольц отойдет от аппарата. Но в тот момент, когда он взглянул в латунную трубку, он забыл обо всех сомнениях, подозрениях и предосторожностях. От изумления он забыл все на свете.

На конце латунной трубки была линза. Трубка оказалась чем-то вроде телескопа, направленного в закрытую алюми-

вую коробку. Но Томми даже на долю секунды не мог поверить, что видит отлично сделанную и удачно освещенную миниатюру. Он смотрел в телескоп и видел нечто, находящееся на открытом воздухе. Несмотря на то, что другой конец трубки уходил в алюминиевую коробку. Несмотря на толстые кирпичные стены лаборатории. Он смотрел и видел пейзаж, который не должен был – и который не мог – существовать на Земле.

Там были чудовищные, размером с деревья перистые папоротники, едва колышущие широкими листьями. Телескоп, похоже, глядел на пологий откос, и деревья-папоротники, похоже, скрывали более далекий горизонт, но между инструментом и откосом обзор закрывала путаница листьев, сквозь которую с трудом просматривался лежащий на откосе огромный стальной шар.

Томми глядел на него. Шар, несомненно, был искусственным. Томми отчетливо видел места соединения болтами. И в шаре была дверь, а по бокам от нее застекленные окна.

И пока Томми смотрел на нее, дверь приоткрылась и чуть-чуть заколебалась, словно кто-то внутри не решался выйти, а затем распахнулась, и наружу вышел человек. И Томми изумленно воскликнул:

– Боже мой!

Человек был совершенно обычного вида, одетый в обычную одежду, и в руке держал совершенно обычную вересковую трубку. Томми сразу же узнал его. Он достаточно часто видел его фотографии. Это был профессор Эдвард Денхэм, у которого было столько открытий, что их названия начинались со всех букв алфавита, автор «Полимеризации псевдо-металлического нитрида», а также владелец этой лаборатории и всего ее содержимого. Да, но Томми видел его на фоне деревьев-папоротников, которые считались ископаемыми уже много миллионов лет назад, с каменноугольного периода.

Профессор посмотрел на свою вересковую трубку, нагнулся и стал что-то подбирать с земли. Когда он выпрямился, у него в руке была горстка коричневых сушеных листьев. Он набил ими трубку, зажег спичку и закурил. Он мрачно пускал клубы дыма, окруженный чудовищной растительностью. Над огромным цветком затрепетала бабочка с размахом крыльев в целый ярд. Она порхала над ним, словно чего-то ждала, расцветка у цветка была пунцовой, слишком яркой, какой не бывает в современной природе.

Денхэм с любопытством глядел на нее и с отвращением на лице курил сухие листья. Затем повернул голову и что-то ска-

зал через плечо. Дверь в шаре снова открылась. И Томми Римес снова был ошеломлен.

Потому что из шара вышла девушка – самого современного, самого обычного вида девушка. Аккуратное спортивное платье, стройные ножки, коротко подстриженные волосы...

Томми не видел ее лица, пока она не повернулась и улыбнулась, что-то отвечая Денхэму. И тогда Томми увидел, что она завораживающе красива. Он шепотом выругался.

Бабочка зависла над гигантским цветком, потом полетела дальше, сверкая разноцветными крыльями. И громадный красный цветок медленно закрылся.

Денхэм смотрел бабочке вслед. Потом посмотрел на девушку, которая улыбалась бабочке, уже исчезнувшей из поля зрения телескопа. И во всей фигуре Денхэма было явно видно уныние. Томми смотрел, как девушка протянула руку, положила ее на плечо Денхэма и похлопала, явно пытаясь его ободрить. Она улыбнулась и о чем-то заговорила, Денхэм сделал странный жест и, сгорбившись как арестант, пошел обратно в стальной шар. Девушка последовала за ним, на ее лице теперь, когда Денхэм не видел ее, была написана усталость и беспокойство.

Томми забыл про фон Хольца, лабораторию и все на свете. Если бы его первоначальные подозрения фон Хольца хоть как-то оправдались, тот был бы уже полдюжины раз убит. Но Томми забыл обо всем, кроме зрелища в телескопе.

Почувствовав прикосновение к плечу, он резко поднял голову. Фон Хольц глядел на него, бледный, с усталыми, встревоженными глазами.

– С ними все еще в порядке? – спросил он.

– Да, – изумленно ответил Томми. – Кто эта девушка?

– Это дочь герра профессора Эвелин, – встревоженно сказал фон Хольц. – Я думал, герр Римес, что вы все уже рассмотрели в дименсиоскопе.

– В чем? – спросил Томми, все еще ошеломленный увиденным.

– В дименсиоскопе, – ответил фон Хольц. – Это вроде телескопа, только в нем можно наблюдать другие измерения². Она, – фон Хольц тронул латунную трубку, – легко поворачивается в любом направлении, как и у обычного телескопа.

Томми тут же снова уставился в окуляр.

На этот раз он увидел целый лес папоротниковых деревьев. По их листьям прыгали маленькие, напоминающие белок суще-

2 Дименсиоскоп: от dimension (англ.) – измерение.

ства. Томми направил трубку еще дальше, и перед его глазами возник теперь весь пейзаж. Лес папоротников отступил. Томми увидел край большого, зловещего болота, над которым струился густой туман. Что-то двигалось в этом тумане, что-то огромное и ужасное, с длинной, точно змея, шеей и крошечной головкой на ее конце. Но из-за тумана Томми плохо разглядел ее.

Он направлял дименсиоскоп в разные стороны и просмотрел много миль окружающего ландшафта. Там были обширные рощи зарослей, перемежаемые пустошами. Раза три-четыре он видел в болоте неуклюже ворочающиеся чудовищные фигуры.

Затем он заметил на горизонте что-то сверкающее и наклонил трубку, чтобы получше это рассмотреть, и тут у него сперло дыхание. Потому что там, далеко, на самом горизонте, был город. Город был высоким, сверкающим и очень странным. Ни у каких земных городов не было таких высоких сверкающих башен. Ни у каких городов, построенных человеком, не струился золотистый свет со всех стен и вершин зданий. Это скорее походило на мечту художника, воплощенную в драгоценных металлах, с прячущимися в дымке расстояния подробностями.

И что-то летело по воздуху около города. Пристально и одновременно недоверчиво Томми напряг глаза и увидел, что это машина. Самолет, аэроплан, совершенно не похожий ни на что, созданное когда-либо на Земле. Он стремительно неся к городу, полетел прямо на один из величественных шпилей и исчез в золотом сиянии.

В состоянии шока, настоящего физического шока, Томи вернулся к осознанию окружающего настолько, чтобы почувствовать прикосновение фон Хольца к плечу и услышать его резкий голос:

– Ну, герр Римес? Теперь вы убедились, что я вам не лгу? Теперь вы убедились, что герр профессор Денхэм нуждается в помощи?

Томи несколько раз мигнул и снова осмотрел лабораторию. Кирпичные стены, испачканный горячим двигатель в углу, бетонный пол и электропечь с опоками для отливок...

– Ну, да... – ошеломлено сказал Томми. – Да, конечно!

Мысли его внезапно прояснились. Сам не зная, почему, он поверил всему, что увидел. Денхэм и его дочь были где-то в другом измерении, в каком-то непонятном пока что устройстве в форме шара. И они были в беде. Это было очевидно по их позам и манере держаться.

– Конечно, – повторил он. – Они, там... ну, где бы то ни было,

и не могут вернуться. Но как мне кажется, над ними не нависла никакая опасность...

Фон Хольц облизнул губы.

— Оборванцы еще не нашли их, — сказал он резким тоном. — Но прежде, чем профессор отправился в шар, мы видели оборванцев. Мы наблюдали за ними. Если они найдут профессора с дочерью, то станут убивать их медленно, наслаждаясь их мучениями, заставляя молить о смерти. Вот чего я боюсь, герр Римес. Оборванцы бродят по папоротниковым лесам. Если они найдут герра профессора, то станут вытягивать из него все жилы по одной, пока он не умрет. А мы сможем только смотреть...

ГЛАВА II

— Послушайте, — лихорадочно сказал Томми, — мы должны найти способ вернуть их. Неважно, продублируем мы результаты Денхэма или пойдем своим путем. Насколько они далеко от нас находятся?

— Может, за несколько сотен ярдов, — устало ответил фон Хольц. — А может, за десять миллионов миль. Это одно и то же. Они же в том месте, где пятое измерение — доминирующая координата.

Томми зашагал взад-вперед по лаборатории. Остановился и посмотрел в окуляр чудесного аппарата. Заставил себя оторваться от него.

— И как это работает? — спросил он.

Фон Хольц стал откручивать две гайки с барашками, крепившие верх алюминиевой коробки.

— Это — первая часть аппарата, созданного профессором Денхэмом, — сказал он. — Я знаю теорию, но не могу продублировать аппарат. Измерением считается прямая, проведенная под прямым углом ко всем остальным, как вы знаете. У герра профессора где-то здесь есть записки...

Он бросил откручивать гайки и стал рыться в грудe бумаг на столе и через какое-то время вручил Томми листок. Тот прочитал:

«Если бы существо, которое знало только два измерения, сделало два квадрата и разместило их так, чтобы все углы, образованные ими, были прямые, то оно изобрело бы фигуру, представляющую собой угол коробки, и открыло бы третье измерение. Точно так же, если бы человек, знающий три измерения, сделал бы три одинаковых куба и разместил их так, чтобы все углы, образованные ими, были прямыми, то он открыл бы четвертое

измерение. Вероятно, это было бы измерение времени, а путешествия во времени могут кончиться гибелью. Но с четырьмя такими фигурами можно открыть пятое измерение, с пятью — шестое...»

Томми Римес нетерпеливо положил листок на место.

— Конечно! — резко сказал он. — Я знаю все это. Но до настоящего времени никому не удалось соединить так даже три куба.

Фон Хольц отвинтил, наконец, гайки и снял верх дименсиоскопа.

— Вот то, что герр профессор мне не доверил, — с горечью сказал он. — Тайна. Настоящая тайна! Загляните сюда.

Томми заглянул.

Трубка объектива была укреплена перед зеркалом, наклоненным под углом в сорок пять градусов. Луч света отражался от него к другому зеркалу, странным образом искривленному. А от него свет отражался на третье зеркало...

Томми посмотрел на третье зеркало, и глаза его тут же заболели. Он закрыл их, открыл и опять получил по ним световой удар. Вид был такой, словно линза вышла из фокуса, или словно он глядел через странные очки. Томми видел третье зеркало, но от его вида тут же начинали болеть глаза, создавалось впечатление, будто оно искажено невозможным образом. Томми вынужден был отвести взгляд. Но, тем не менее, он увидел, что третье зеркало отражало свет в четвертое, у которого он видел лишь ребро. Он по-разному наклонял голову, но все равно видел только ребро этого зеркала. В этом он был совершенно уверен, потому что различал волнистый, полупрозрачный обрез стекла и тонкую серебряную подложку под ним. Но он не мог найти положение, из которого было бы видно не ребро, а поверхность этого зеркала.

— О, господи! — возбужденно сказал Томми Римес. — Это зеркало...

— Это зеркало, — сказал фон Хольц, — отражает свет под прямым углом к остальным. Здесь четыре зеркала, и каждое поворачивает луч света под прямым углом. И в результате дименсиоскоп видит то, что является пятым измерением, которого человек никогда прежде не видел. Но у меня не получается поставить зеркала так, как в этом инструменте. Я не могу понять, как это сделать.

Томи покачал головой, не сводя глаз с такого простого — и в то же время невероятного устройства, — существование которого было математически доказано давным-давно, но которое никто

еще не мог создать на практике.

— Закончив это устройство, — сказал фон Хольц, — профессор пошел дальше и построил то, что назвал катапультой. Это вон тот соленоид, представлявший собой электромагнит. Он резко бросал стальной шар вертикально, затем горизонтально, потом в третьем направлении, потом в четвертое измерение и, наконец, в пятое. Профессор сделал маленькие полые шары и послал в тот мир бабочку, воробья и кошку. По прибытии стальные шары открывались и освобождали животных. И те чувствовали себя хорошо. Тогда профессор решил, что безопасно будет пойти ему самому. Но дочь не позволила ему идти одному, а он был настолько уверен в безопасности, что разрешил ей отправиться с ним. Что она и сделала. Я работал с катапультой, которая забросила шар в пятое измерение, но возвратить его почему-то не смогла. И он остался там.

— Но сама катапульта...

— Вы же видите, что катапульта поломалась, — горько сказал фон Хольц. — Для недостающих частей требуется специальный металл. Я знаю, как его сделать. Да. Я могу сделать металл, но не могу связать все части между собой. Я не могу построить второй дименсиоскоп! Герр Римес, я не могу понять, как соединить все четыре фигуры под прямыми углами друг к другу! Я это не в силах понять! Именно поэтому я обратился к вам. Теперь вы знаете, что это можно сделать. Я знаю, что это можно сделать. Я могу получить металл и сделать из него необходимые детали. Но если вы сумеете соединить их, как надо, герр Римес, тогда мы, возможно, спасем герра профессора Денхэма. Если и вы не сумеете... Майн Готт! Он умрет ужасной смертью, страшно даже подумать об этом!

— И его дочь, — мрачно сказал Томми. — Его дочь тоже умрет!

Он опять зашагал взад-вперед по лаборатории. Фон Хольц отошел к рабочему столу Денхэма. Там была груда записок, которые он перечитал уже много раз. И были пометки, оставленные его угловатым, четким почерком. Вычисления, предположения, безумные усилия как-то решить тайну, как разместить третье зеркало так, что на него больно глядеть, а четвертое так, чтобы со всех сторон было видно лишь его ребро.

— Я работал, герр Римес, — мрачно сказал фон Хольц. — Готт! Как я работал! Но герр профессор держал кое-какие вещи в секрете, и эта — одна из них. Улетевший в пятое измерение шар построен в этой лаборатории, — устало сказал он. — Он был установлен здесь, — фон Хольц махнул рукой. — Герр профессор сме-

ялся и был взволнован во время отбытия. Его дочь улыбнулась мне из окна шара. У него есть шасси с колесами – их не видно через дименсиоскоп. Они вошли в шар и закрыли дверь. Герр профессор кивнул мне из окна. Я включил динамо-машину на полной скорости. Запахло горячей смазкой и озоном от электро-разрядов. Я поднял руку, герр профессор снова кивнул, и я щелкнул выключателем. Вот этим выключателем, герр Римес. Все вспыхнуло, когда я включил его, и эта вспышка ослепила меня. Но я увидел, как шар помчался к гигантской катапульте вон туда. Он прыгнул вверх к безумно крутившейся катушке. Ошеломленный, я увидел, как шар повис в воздухе в двух футах от пола. Он дрогнул. Раз! Два! Три! Затем внезапно стал туманным и искаженным, так что на него стало больно глядеть. И затем он исчез! – Фон Хольф мелодраматично взмахнул руками. – Я помчался к дименсиоскопу и посмотрел через него в пятое измерение. И увидел, что шар плывет в воздухе вон в те заросли глянцевого папоротника. Он опустился на землю, покатился, затем остановился. Герр профессор вышел из него. Я смотрел, как он машет мне рукой. Его дочь присоединилась к нему, осматривая странную местность, в которой они очутились. Герр профессор взял образцы папоротника, сделал фотографии и вернулся в шар. Я ждал его возвращения в наш мир. Я видел, как шар слегка качался, когда аппарат заработал в полную силу. Я знал, что когда шар исчезнет из поля зрения дименсиоскопа, он вернется в наш мир. Но он оставался на месте. Он не переместился. Через три часа мучительного ожидания герр профессор вышел из шара и принялся отчаянно жестикулировать. Жестами, потому что дименсиоскоп не передает звуки, он просил меня о помощи. А я был беспомощен! Беспомощен, потому что герр профессор не открыл мне свою тайну! Четыре дня и ночи я трудился, отчаянно надеясь вновь открыть то, что утаил от меня герр профессор. И, наконец, я подумал о вас. Я телеграфировал вам. Если вы сумеете мне помочь...

– Конечно, я попробую, – коротко ответил Томми.

Он зашагал назад-вперед, затем остановился и посмотрел в медную трубку дименсиоскопа. Гигантские деревья-папоротники, невероятные, но реальные. Стальной шар, лежащий на поломанных папоротниках...

Пока Томми говорил и слушал, то и дело то один, то другой обитатель шара выходили наружу. Дверь шара была распахнута. Потом вышла девушка и внезапно пошла в папоротники. Она что-то говорила, Томми казалось, что воздух звенел от ее слов. И

она была очень взволнована.

Затем из шара вышел Денхэм с неуклюжей дубинкой в руке. Но Эвелин схватила его за руку и показала в небо. Денхэм взглянул туда и тоже стал дико, отчаянно жестикулировать, словно пытался привлечь к себе внимание.

Томми смотрел на них, затем стал поворачивать трубку дименсиоскопа, осматривая окрестности. Было дико сидеть в обычной лаборатории с кирпичными стенами и через латунную трубку изучать невероятный пейзаж чужой вселенной.

Лес папоротниковых деревьев отступил, и в поле зрения снова возникло болото. Вдали сиял ярким золотистым светом сказочный город. Томми обшаривал небо, надеясь увидеть в нем то, что заставило жестикулировать профессора с дочерью.

И он нашел это. Это был самолет, странно выглядевший из дименсиоскопа. Его вел один человек, неподвижно сидевший, словно скучающий, как будто утомленный водитель грузовика, ведущий машину по шоссе. Томми видел самолет достаточно ясно, чтобы разглядеть позу пилота. Он был не похож на земной самолет. Его держало в воздухе большое широкое крыло. Но это крыло было угловатым и неуклюжим, лишенным изящества крыльев земных самолетов. И у него не было никакого хвоста. Было лишь длинное прямоугольное крыло с кабиной внизу и чем-то мерцающим, что явно не было винтом, но все же, казалось, тянуло машину вперед.

Она летела устойчиво и стремительно, с неподвижным пилотом, сидящим на чем-то напоминающем перетянутый веревками тюк. Машина была похожа, скорее, на грузовой самолет, сделанный без всяких излишеств.

Он исчез в тумане над болотом, направляясь прямо к Золотому Городу на горизонте.

Томми смотрел на него, пока он совсем не скрылся из виду. Потом его привлекло какое-то движение на земле у края болота. Он переместил трубку и увидел, что это люди. Четыре человека, потрясая сжатыми кулаками, безумно прыгали, и можно было представить, как они выкрикивают оскорбления вслед улетевшей машине. Томми увидел, что они почти голы, а у одного было копье. Но еще он заметил мимолетную вспышку, отразившуюся от одного из них, когда на мгновение блеснуло на солнце какое-то металлическое снаряжение.

Люди скрылись в зарослях под толстой, перистой листвой, и Томми переместил трубку, чтобы снова увидеть стальной шар. Денхэм с дочерью смотрели туда, где Томми видел людей. Ден-

хэм мрачно стискивал свою неуклюжую дубинку. Лицо у него было вытянутым, все тело напряжено. Внезапно Эвелин что-то сказала, и они оба нырнули в лес папоротников. Через несколько минут они вернулись, таща кучу ветвей папоротника, которыми стали маскировать свой шар. Они работали торопливо, отчаянно. Затем Денхэм напряженно посмотрел вперед, прикрывая рукой глаза от солнца, и они с девушкой снова ушли в лес.

Несколько минут спустя Томми очнулся от прикосновения руки фон Хольца к плечу.

– Что случилось, герр Римес? – встревоженно спросил тот. – Оборванцы?

– Я видел мужчин, – кратко ответил Томми, – которые грозили кулаками вслед летящему самолету. А Денхэм с дочерью замаскировали шар листьями папоротника.

Фон Хольц снова облизнул губы.

– Оборванцы, – почти беззвучно сказал он. – Герр профессор назвал их так, потому что они не похожи на людей из Золотого Города. И они ненавидят жителей Золотого Города. Я думаю, это – бандиты, возможно – отступники. Они живут в папоротниковых лесах и проклинают пролетающие в небе самолеты. Одновременно, они их боятся.

– А сколько времени Денхэм наблюдал за этим миром, прежде чем построил шар?

Фон Хольц задумался.

– Когда прошли успешно первые опыты, – сказал он, наконец, – он начал работать над маленькой катапультой. Ему потребовалась на это неделя. Он поэкспериментировал с ней несколько дней и принялся за работу над большим шаром. Это заняло почти два месяца – шар и большая катапульта. И все это время дименсиоскоп был под рукой. Его дочь провела много наблюдений, и я тоже.

– Но он же должен был знать, что там не безопасно, – нахмурившись, сказал Томми. – По крайней мере, он должен был взять с собой оружие. Он вооружен?

Фон Хольц покачал головой.

– Он собирался сразу же вернуться, – с отчаянием сказал он. – Вы же видите, герр Римес, в каком я положении? Меня могут заподозрить в убийстве! Я помощник герра профессора. Герр профессор исчезает. Разве меня не обвинят в том, что виноват в этом я?

– Нет, – задумчиво сказал Томми. – Не обвинят. – Он снова поглядел в латунную трубку и зашагал по лаборатории. – Так вы

позвоните механику, чтобы он отремонтировал мой автомобиль? – внезапно резко спросил он. – Я собираюсь остаться здесь и работать. У меня появились кое-какие идеи. Но мне нужен автомобиль на ходу на тот случай, если вдруг нам понадобится поехать за какими-нибудь материалами.

Фон Хольц натянуто поклонился и вышел из лаборатории. Томми удостоверился, что он ушел, затем подошел к столу, на котором были разбросаны заметки и вычисления, сделанные фон Хольцем. Но Томми не стал их листать, а сразу отложил в сторону грудку промокательной бумаги. Он еще раньше заметил, что фон Хольц что-то сунул под нее, а Томми с самого начала не доверял фон Хольцу. Кроме того, было совершенно ясно, что и Денхэм не доверял ему. Ведь помощник, которому доверяют, должен был досконально разбираться во всех экспериментах, сделанных в лаборатории.

Найдя сложенный листок бумаги, Томи пробежал его глазами:

«Вы все слишком запутали! Денхэм потерял, а у вас ничего нет. Ни чертежей, ни расчетов. Когда вы раздобудете их, тогда и получите свои денежки. А если не достанете, это плохо для вас кончится. Если этот парень, Римес, не сделает то, что вы хотите, то вам придется не сладко».

В конце не было ни прощания, ни подписи, кроме небрежно написанной «Дж.».

Томми Римес мрачно сжал губы. Потом сложил листок и вернул его обратно под промокательную бумагу.

«Симпатичненько, – сказал он про себя. – Итак, джентльмен по имени «Дж.» заплатит фон Хольцу за чертежи и вычисления, которые должен сделать я! Да еще и угрожает ему. Но, по крайней мере, фон Хольц станет мне помогать, пока считает, что я смогу это сделать. Так что...»

Как и ожидалось, Томми, конечно же, не предполагал, что эта записка была свидетельством интереса, проявленного королем чикагских гангстеров к неевклидовой геометрии, или же что почтенный бутлегер этой бандитской столицы был столь поглощен новейшими разработками в области теоретической физики.

Томми подошел к большому соленоиду, валявшемуся под разрушенными опорами. Значит, этот электромагнит двигал стальной шар туда-сюда, заставлял его вибрировать, пока тот не исчез. Он поочередно передвигал шар в каждом из пяти направлений,

находящихся под прямым углом ко всем остальным. Огромная катушка была десять футов в диаметре и легко могла справиться с шаром. Она вертелась в концентрических кольцах на карданных подвесках подобно тому, как установлен судовой компас на борту корабля.

Там было три кольца, вложенных друг в друга, которые могли двигаться в любом из трех измерений. Эти кольца вертелись так, чтобы придать соленоиду невероятно запутанную серию движений. Но теперь устройство было сломано. Опора отломилась, вал и гнездо исчезли. Томми задумался. Кое-что продолжало его беспокоить.

Он мысленно соединил все вместе и внезапно воскликнул. Было *четыре* металлических кольца! И одно из них исчезло. Внезапно он все понял. Третье зеркало в дименсиоскопе было тем самым, странно искаженным, которое стояло под прямым углом ко всем трем привычным для людей измерениям. И это было третье кольцо, поддерживающее соленоид, которое как раз и исчезло. И Томми, уставившись на гигантский аппарат, вызвал в памяти все свои теоретические знания и, заставив мозг работать в полную силу, увидел связь между всем этим.

«Измерение времени и одновременно пространственное измерение, – взволнованно сказал он себе. – Вращение в измерении времени означает прерывание мировых линий...»

В дименсиоскопе это зеркало имело дело лишь с лучом света, которому время нипочем. Оно отражало свет под прямым углом, а световой луч может прекрасно пересекать сам себя. Но чтобы забросить стальной шар в пятое измерение, соленоид должен был какое-то мгновение вращать его во времени. На долю секунды шар должен был пройти сам сквозь себя, прямо через свое вещество. А это означало, что он обязан был вывернуться наизнанку. Никакой металл не смог бы выдержать такое напряжение! Никакая форма материи, известная человеку, не смогла бы это выдержать.

«Да он бы просто взорвался, – продолжал взволнованно рассуждать про себя Томми в пустой лаборатории. – Сталь просто бы испарилась! И разрушила все вокруг!»

Затем он огляделся. Ничего тут не было разрушено. Только бесследно исчезло одно металлическое кольцо.

И тут вернулся фон Хольц, выглядевший испуганным.

– Механик...э-э... герр Римес, – сказал он, запинаясь, – уже в пути. И, герр Римес...

Томми едва услышал его. Он был все же ученым, столкнув-

шимся с необъяснимым, и вслепую нащупывал умозаключения, которые лишь начинали вырисовываться у него в голове. Он нетерпеливо махнул рукой.

– И еще сюда едет герр Джекаро, – настойчиво продолжал фон Хольц.

Томми замигал, помня лишь то, что фон Хольц сказал, будто может сделать некий металл, единственный металл, способный перемещаться по четвертому измерению.

– Джекаро? – равнодушно спросил он.

– Друг герра профессора Денхэма. Именно он дал деньги на эксперименты герра профессора.

Томми услышал его лишь половиной мозга, но эта половина тут же решила, что фон Хольц лжет. Единственный Джекаро, о котором слышал Томми, был крупным гангстером из Чикаго, недавно объединившим под своим началом две конкурирующие банды. Томми чувствовал, что фон Хольц напуган, и не просто напуган, а с подозрением к кому-то относился и преисполнен странного отчаяния.

– Ладно, – рассеянно сказал Томми.

В этот момент ему в голову пришла мысль, в которой он нуждался. Металл, который был бы прочным до определенного момента, а затем без труда превращался бы в газ, в пар... Возможно, это был какой-то сплав. Это был...

Томми постучал кулаком по своей голове, требуя, чтобы мозг немедленно сформировал нужную мысль. Металл, который может вращаться во времени и исчезать без взрыва и без большого выхода энергии...

Он не видел, что фон Хольц принялся глядеть в окуляр дименсиоскопа. Ни на что не глядя, Томми усилено размышлял, превращая всю свою энергию в мыслительный процесс. И внезапно он нашел ответ, как избежать разрушительного взрыва, ответ простой, ослепительно ясный.

Томми осторожно обдумал его. Вроде все было правильно. И огромное волнение наполнило его.

– Кажется, я понял, – тихо пробормотал он себе под нос. – Ей-Богу, я знаю, как он это сделал!

И словно в тумане он увидел фон Хольца. Фон Хольц смотрел в дименсиоскоп в чужой, таинственный мир, куда попали профессор Денхэм с дочерью. И лицо фон Хольца было смертельно бледным, а сам он безумно размахивал руками и подскуливал. Слова его были неразборчивы, но бледность щек, оттеняемая красными толстыми губами, вернула Томми Римеса обратно на

землю.

– Что случилось? – резко спросил он.

Фон Хольц не отвечал. Он что-то постанывал сквозь зубы и ужасно дергался, не отрываясь от окуляра телескопа в потусторонний мир.

Томми оттолкнул его и приник к окуляру. А затем застонал сам.

Дименсиоскоп был направлен на стальной шар, спрятанный под папоротниковыми листьями, не более чем в нескольких сотнях ярдов от них, но не менее, чем в двух измерениях от Земли. Ветки папоротникового дерева были разбросаны, и перед шаром собралась толпа оборванных, полуголых мужчин. Они были вооружены, в основном копьями и дубинами, но кое у кого было оружие странной конструкции, о назначении которого Томми не мог даже предположить. Но он и не пытался. Он наблюдал, как мужчины толпятся вокруг стального шара. Лица у них, и так достаточно дикие, были вдобавок искажены безумной ненавистью. Это была такая же непонятная, ужасная ненависть, как тогда, когда они бессильно грозили кулаками пролетающему самолету.

Но они не были дикарями. Несмотря ни на что, Томми не мог принять их за первобытных людей. Они были упорными, полными ненавистью, отвратительными. Но не более того. И все они были белыми людьми. У любого человека создалось бы впечатление, что тут собрались опустившиеся люди. Беглецы, бандиты, убийцы. Может, вероотступники или того хуже. Но все они были представителями достаточно высокой, цивилизованной расы.

Они бешено колотили по шару всем, чем попало. Это не походило на нападение дикарей на непонятную штуку. Это было нападение отчаявшихся людей на предмет, который они ненавидели. И тут стеклянное окно раскололось. В отверстие тут же полетели копья, рты людей разинулись, словно в криках безумной ярости. А затем, внезапно, дверь шара широко распахнулась.

Оборванцы не стали ждать, пока кто-нибудь выйдет. Отталкивая друг друга, они полезли в отверстие, с горящими гневом глазами, полными жадной жажды убийства.

ГЛАВА III

Час спустя к лаборатории подъехал потрепанный автомобильчик, настоящая развалюха. Он производил потрясающий шум, и Томи Римес вышел встретить его. Он все еще был слегка бле-

ден после того, как наблюдал за Оборванцами, вывернувшими стальной шар буквально наизнанку. Они выкинули наружу кино и фотокамеры, подушки, даже обивку со стен, чтобы разбить их вдребезги и порвать на кусочки в приступах маниакальной ярости. Но Томи не видел никаких признаков тел. Денхэма с дочерью явно не было в стальном шаре, когда его вскрыли. Значит, они, вероятно, до сих пор в безопасности. В последний раз Томми их видел, когда они скрылись в лесу папоротниковых деревьев. Они боялись, и имели для этого серьезные основания. С какими опасностями они могли столкнуться в лесу, Томми не мог предположить. И он не мог знать, сколько времени они сумеют прятаться от Оборванцев. Томми не мог сейчас даже думать о том, как станет искать их в лесу, даже если сумеет отремонтировать аппарат Денхэма. Но Оборванцы не торопились в лес на поиски беглецов. Они расположились лагерем возле стального шара, сделавшись еще больше похожими на опустившуюся банду.

Выйдя из кирпичной лаборатории, Томми увидел, как из развалюхи выбрался мускулистый человек, кивнул ему и усмехнулся. Томми тут же узнал его. Это был рыжеволосый, широкоплечий работник бензозаправки в деревне, который рассказывал ему, как добраться до этого места.

— Это вы разнесли ворота? — по-дружески спросил он. — Господин фон Хольц сказал, что у вас проколоты шины и пробит радиатор. Это верно?

Томми кивнул. Рыжеволосый обошел автомобиль, почесал подбородок и принес инструменты. Аккуратно разложив их на траве, он подкачал в паяльную лампу бензина и поднес к ней спичку. Отрегулировав пламя, он сделал с полдюжины небрежных движений и положил пробитый радиатор на траву.

Потом он спокойно сказал:

— Профессора здесь нет, верно?

Томи кивнул.

— Я знаю, что нет, — сказал рыжеволосый. — Он всегда выходит немного со мной поболтать. Я помог ему соорудить некоторые из штуквин вон в том сарае.

— Скажите, а что именно вы помогли ему построить? — нетерпеливо спросил Томми. — Не ту ли штуквину с соленоидом... ну, с катушкой?

— Да. И что, она заработала? — рыжеволосый отложил лампу и стал снимать заднее колесо, чтобы поменять шину. — Сумасшедшая идея, если вы меня спросите. Я так и сказал мисс Эвелин. Она рассмеялась и сказала, что будет в шаре, когда его запустят.

Так это сработало?

– Чертовски хорошо, – кратко ответил Томми. – Мне нужно восстановить соленоид. Как насчет того, чтобы помочь?

Рыжеволосый взял монтировку, ловко снял шину и сказал:

– Пошла она к черту.

Затем, так же ловко и быстро, поставил запасную шину.

– Гм... – сказал он. – А как насчет мистера фона Хольца? Он снова будет строить из себя босса?

– Нет, – мрачно сказал Томми.

Рыжеволосый кивнул и взял паяльную лампу. Раскрутив полосу проволочного припоя, он со спокойной непринужденностью исправил пробитую трубу радиатора и, казалось бы, с излишним усердием постучал по гребням охлаждения. Но они тут же волшебным образом встали на место, и он внимательно осмотрел результаты своей работы.

– В порядке, – сказал он и беспристрастно осмотрел Томми. – Предположим, вы мне расскажете, каким образом влезли во все это, – сказал он, – и тогда я, возможно, стану вам помогать. А тот парень, фон Хольц, жулик, если вы спросите мое мнение.

Томми провел рукой по лбу и рассказал ему все.

– Ух, ты, – спокойно сказал рыжеволосый. – Похоже, я все же сверну фон Хольцу шею. Такое у меня подозрение.

Он сделал два шага вперед, но Томми остановил его.

– Я видел Денхэма не более часа назад. До сих пор он был в порядке. Но остается вопросом, сколько это еще будет продолжаться. И я собираюсь пойти за ним.

Рыжеволосый оценивающе поглядел на него.

– Угу, попробую сделать все, что смогу. Я тоже в своем роде профессор, как говорила мисс Эвелин. Меня зовут Смизерс. Давайте, пойдем посмотрим на это устройство, которое сделал профессор.

Они вместе прошли в лабораторию. Фон Хольц глядел в дименсиоскоп. Он вздрогнул при их появлении и явно почувствовал себя неловко при виде рыжеволосого.

– Как дела? – спросил Томми.

– Они – Оборванцы – только что притащили мертвеца, – нервно ответил фон Хольц. – Но это не герр профессор.

Ничего не говоря, Томми взял латунную трубку. Фон Хольц отошел, покусывая нижнюю губу. Томми посмотрел на странный потусторонний мир.

Стальной шар лежал, как и прежде, среди глянцевых папоротников. Но стеклянные окна были разбиты, а обломки его со-

держимого разбросаны вокруг. Оборванцы встали здесь лагерем и разожгли костер. Некоторые стали жарить мясо – огромную ногу чудовищного чешуйчатого животного, напоминающего рептилию. Другие принялись яростно спорить о чем-то над телом одного из них, беспомощно распластавшегося на земле.

– Я недавно видел Денхэма с дубинкой, – сказал Томми, не отрываясь от окуляра. – А этот человек убит дубинкой.

Оборванцы в потустороннем мире продолжали спорить. Один из них указал на пояс мертвеца и развел руками. Что-то отсутствовало на теле. Томми видел теперь у трех-четырех мужчин какие-то предметы, похожие на полицейские жезлы, за исключением того, что они были из блестящего металла. Это явно было оружие. Значит, Денхэм теперь вооружен – если он понял, как пользоваться этим оружием.

Оборванцы спорили до тех пор, пока не привлекли внимание человека с огромной черной бородой. Он поднялся со своего места, где сидел, грызя кость, и направился к группе спорщиков. При его появлении они разошлись, но один все же остался, решив поспорить даже с бородатым гигантом. Бородатый выхватил из-за пояса жезл. Несговорчивый задохнулся от страха и отчаянно бросился на него. Но бородатый спокойно указал на него жезлом... И нападавший, хотя был уже достаточно близко, чтобы нанести удар, внезапно покачнулся и упал на землю. Бородатый снова указал на него жезлом. Лежащий судорожно дернулся и затих.

Бородатый вернулся на свое место и продолжил жрать мясо. Спор прекратился. Спорящие разошлись.

Томми собрался уже оторваться от окуляра, когда его привлекло какое-то движение. Он присмотрелся и увидел чью-то голову, осторожно выглядывающую из зарослей. Затем к ней присоединилась вторая. Профессор Денхэм и его дочь Эвелин. Они были не дальше, чем в тридцати футах от дименсиоскопа. Томми смотрел, как они перешептываются, смотрел, как Денхэм внимательно исследовал жезл, а потом передал его дочери, сам же с мрачным удовлетворением стиснул дубинку.

Через несколько секунд они исчезли в густых папоротниках, и как Томми ни старался, но не сумел увидеть, куда они пошли.

Томми поднялся от инструмента с нарастающим оптимизмом. Он видел Эвелин достаточно близко. Она не выглядела счастливой, но была спокойной, а не в отчаянии. И Денхэм перед лицом опасности выказал куда большее умение, чем ожидалось от доктора философии, профессора фундаментальной физики, не

считая других званий, на перечисление которых потребовался бы весь алфавит.

– Я только что опять видел Денхэма и Эвелин, – решительно сказал Томми. – Они до сих пор в безопасности. И еще я видел оружие Оборванцев в действии. Если бы мы смогли переслать Денхэму пистолет и патроны, то он был бы защищен до тех пор, пока мы не восстановим большой соленоид.

– Была маленькая катапульта, – с горечью сказал фон Хольц, – но она разобрана. Герр профессор заметил, что я изучаю ее, поэтому разобрал, чтобы я не мог понять, как...

Томми уставился на фон Хольца.

– Вы знаете, как создать нужный металл, – сказал он. – Принимайтесь за работу немедленно. Нам понадобится много этого металл.

Фон Хольц посмотрел на него испуганными глазами.

– Вы знаете? Вы знаете, как соединить все это под прямыми углами?

– Мне кажется, да, – сказал Томми. – Я должен проверить, прав ли я. Так вы сделаете металл?

Фон Хольц покусал и без того красную губу.

– Но, герр Римес, – пронзительно сказал он, – я хочу увидеть уравнение! Объясните мне метод поворота тел в четвертое и пятое измерение. Это справедливо!

– Спросите об этом у Денхэма, – ответил Томми.

– Тогда я не стану делать металл! Я хочу увидеть расчеты! Я настаиваю на этом! Я не буду ничего делать, пока вы не покажете мне их!

Смизерс тоже был в лаборатории. Все это время он рассматривал большую соленоидную катапульту и по привычке чесал подбородок. Но теперь он повернулся к ним.

Томми схватил фон Хольца за плечи. Руки у него были крепкими, сильными руками спортсмена, хотя мозг и был мозгом ученого, и фон Хольц полностью оказался в его власти.

– Есть только одно вещество, которое может быть нужным мне металлом, фон Хольц, – тихо сказал он. – Только одно вещество является совершенно трехмерным. Это металлический аммоний! Известно, что он существует, потому что все знают его ртутную смесь, но никто не мог выделить его в чистом виде, потому что никто не мог придать ему четвертое измерение – время. Денхэм первый сделал это. И вы можете делать его. Мне он нужен, так что принимайтесь за работу. Вы сильно пожалеете, если откажетесь, фон Хольц!

– У меня тут возникли кое-какие догадки, – спокойно добавил Смизерс. – Так что если он не хочет, чтобы ему свернули шею...

Томми отпустил фон Хольца, и молодой человек, задыхаясь, принялся что-то бормотать и гневно жестикулировать.

– Он сделает это, – холодно сказал Томми, – потому что не осмелится...

Фон Хольц покинул лабораторию, сверкая глазами и кусая губы.

– Он вернется, – кратко прокомментировал Томми. – А вы, Смизерс, должны сделать маленькую модель этой большой катапульты. Вы справитесь?

– Наверняка, – сказал Смизерс. – Кольцо... Ну, его можно сделать из медной трубки, замена грубая, но сойдет. А теперь сам механизм...

– Я окажу ему внимание. Вы знаете, как обращаться с металлическим аммонием?

– Ну, да, – кивнул Смизерс. – Я же делал это для профессора.

Томми наклонился к нему и прошептал:

– Вы никогда не делали такого механизма. Но вы делали пружины к нему, верно?

– Угу!

Томми радостно заулыбался.

– Значит, я прав, и у нас все получится! Фон Хольц требует математические расчеты, но никто на Земле еще не сумел их создать, а нам они и не нужны.

Смизерс пошарил в лаборатории, нашел то, другое, третье и принялся за работу. Время от времени он глубокомысленно рассматривал большую катапульту, чтобы освежить память, затем переходил к созданию следующей части.

Поскольку фон Хольц не возвращался, Томми пошел его искать. По пути он внезапно вспомнил, что слышал недавно, как завелся двигатель его машины. И оказалось, что машина его действительно исчезла. Томми выругался и пошел в дом искать телефон. Но прежде чем он нашел его, он услышал звучное мурлыканье двигателя. Его машина стремительно подлетела к дому. Томми увидел через окно, что за рулем сидит фон Хольц.

Худощавый молодой человек вышел из машины с перекошенным белым лицом и направился в лабораторию. Но Томми перехватил его.

– Я ездил за материалами, необходимыми для производства металла, – хрипло сказал фон Хольц, с большим усилием подавляя свой гнев. – Сейчас я начну, герр Римес.

Томми ничего не ответил. Фон Хольц лгал. Разумеется, никакие материалы ему не были нужны. Он уезжал, чтобы переговорить с тем, кто написал ему записку.

Фон Хольц пошел в лабораторию. Почти сразу же был завешен четырехцилиндровый двигатель. После него зажужжало динамо. Фон Хольц вышел из лаборатории и нырнул в сарай, примыкавший к кирпичному зданию.

Томми подошел к машине и посмотрел на спидометр. Как большинство людей с методичным умом, Томми запоминал показания спидометра во время поездки к новому месту. И теперь он мог вычислить, далеко ли ездил фон Хольц. До деревни и обратно.

— Запомним, — мрачно сказал себе Томми, — что тот, кому нужны чертежи и расчеты, ждет или в самой деревне, или в начале дороги. Фон Хольц сказал прежде, что он едет сюда. Вероятно, он появится и попытается подкупить меня.

Томми вернулся в лабораторию и посмотрел в окуляр дименсиоскопа. Смизерс работал паяльной лампой, соединяя между собой явно неподходящие друг к другу штуковины страной формы. Томми заглянул в через окуляр прибора в безумный мир.

Папортниковый лес по-прежнему был там. На стоянке Оборванцев наступило затишье. В этом мире надвигался закат, хотя за стенами лаборатории все еще ярко светило солнце. Очевидно, время суток не совпадало в этих двух мирах, достаточно близких в иных отношениях, так что человек мог быть заброшен из одного в другой без помех.

Тамошнее солнце казалось крупнее, чем то, что освещало нашу обычную Землю. Томми направил трубку дименсиоскопа на него и счел, что разделенный пополам большой красный шар раза в четыре больше диаметром нашего родного. Томми смотрел на него, ожидая, когда оно зайдет, но оно не опускалось отвесно вниз за горизонт, как это делает солнце в умеренных широтах, а катилось вдоль горизонта, постепенно опускаясь все ниже. Томми безучастно наблюдал за ним.

«Это не наше солнце, — думал он при этом, — и это не наш мир. Но планета вращается, и на ней тоже живут люди. И солнце такого размера, что у нас бы оно поджарило землю... И оно снижается под углом, что указывает на большую широту...»

Это послужило подсказкой. Неожиданно Томми все понял. Инструмент, через который он разглядывал этот мир, был направлен на его полярную область. Именно здесь, где солнце садится косо, и были высокие широты, самое холодное место

на всей планете. И раз уж здесь росли гигантские растения, что обеспечивалось ростом углерода в атмосфере, то в тропиках должен быть суший ад.

А затем солнце ушло за Золотой Город, и его здания, великолепные шпили и башни ярко засияли на его фоне.

Нигде на знакомой Томми Земле не было такого города, города мечты, города грез о Прекрасном.

Солнечный свет угас и стал углубляться сумрак, а на небе появились яркие, блестящие звезды. Томми принялся искать знакомые созвездия, но не нашел ни единого. Все звезды казались странными. Они были крупнее и казались гораздо ближе, чем крошечные точки, что мигают на нашем небе.

Томми повернул трубку к шару и снова увидел большие костры и столпившихся возле них Оборванцев. Они сложили костры так, словно отгородились от мира стеной пламени. И тут Томми увидел два громадных, чудовищных глаза, глядящих из зарослей папоротникового леса. Они были огромными и расположенными так далеко друг от друга, словно голова чудовища была невероятных размеров. Они висели в пятнадцати футах над землей, глядя на кольцо огней и оборванных, худых мужчин за ним. Потом существо, чем бы оно ни являлось, внезапно исчезло.

Томми почувствовал, что весь дрожит. Несомненно, оно двигалось беззвучно, потому что никто из Оборванцев не заметил его. И оно держалось подальше от костров. Но Денхэм и Эвелин были где-то в лесу и наверняка не осмеливались разжечь костер...

Томми содрогнулся, отрываясь от дименсиоскопа. Он был всего лишь зрителем, но в тех местах, которые он наблюдал, скрывались реальные опасности, слишком реальные, чтобы старик и девушка, без оружия и надежды на возвращение, могли бы там выжить.

Смизерс приварил друг к другу множество колец, сделанных из медной трубки, а внутрь поместил три кольца, которые могли вращаться, бесшумно и стремительно, под ловкими пальцами Смизерса в любом направлении. Эффект от этого был изумительный.

Пока Томми смотрел, Смизерс остановил их, тщательно смазал, а внутрь вставил четвертое кольцо. Это кольцо было из белого металла, немного светлее, чем серебро, и походило скорее на слоновую кость, не считая металлического блеска.

Томми мигнул.

– Металл дал вам фон Хольц? – спросил он.

Смизерс посмотрел на него, раскуривая короткую коричневую трубку.

– Нет. В коробке оставалось несколько кусочков от прошлого раза. Я сплавил их вместе и сделал кольцо. Когда металл обретает форму – пых-пых, – его уже не получится ковать. Это все равно, что – пых-пых – высушить молнию. Я уже работал с этим металлом когда – пых – помогал профессору.

Томми взволновано подошел к нему и взял это маленькое приспособление из концентрических колец. В дальнем конце лаборатории жужжал генератор и пульсировал большой двигатель. Фон Хольца не было в поле зрения.

Томми внимательно осмотрел его.

– А катушка?

– Я сделал одну, – спокойно сказал Смизерс, – на токарном станке. Не так уж это было и трудно. Но я не могу установить эти кольца так, как это делал профессор.

– Думаю, я могу, – решительно сказал Томми. – А вы подбирали провода для пружин?

– Да!

Томми потрогал провод. Прочный, жесткий и в то же время удивительно упругий провод из того же особого металла. Это был тот самый металлический аммоний, о существовании которого давно знали химики, но который удалось получить на практике одному только Денхэму. Томми вывел, что это была аллотропная модификация вещества, которое постоянно смешано с ртутью, как, например, металлическое олово – аллотроп аморфного серого порошка, каким является олово в его обычном устойчивом состоянии.

Томми принялся за работу с лихорадочным рвением. Он трудился час или два и в конце объяснил коротко Смизерсу, который так заслушался его, что даже не услышал за окном шум двигателя легкового автомобиля.

– Видите ли, Смизерс, если бы двумерное существо захотело соединить две линии под прямым углом друг к другу, то у них получился бы, конечно же, квадрат. Но если бы они захотели присоединить к ним еще одну линию тоже под прямым углом к остальным, то это был бы эквивалент того, что сейчас делаю я. Но чтобы поставить три фигуры под углом друг к другу, обычному человеку пришлось бы согнуть перекладину. И если поместить в прямые углы пружины, то в них уменьшится напряжение, когда перекладина будет согнута. Но если вертикалью будет

измерение времени, тогда она должна быть из чего-то «жидкого» во времени, или из чего-то такого, что нельзя согнуть. Вот такая перед нами проблема. Но металлический аммоний как раз и является «жидким во времени». Это такое летучее вещество, что Денхэм – единственный человек, которому удалось получить его. Таким образом, мы используем эти кольца и отрегулируем присоединенные к ним пружины так, чтобы они были сжатыми и распрямились только тогда, когда все окажутся под прямым углом друг к другу. В наших трех измерениях это невозможно, но у нас есть металл, который может вращаться в четвертом измерении – времени, – и мы пользуемся его тенденцией освободить пружину. Итак, вот они лежат у нас плоско. Затем они делают толчок, когда пружины стремятся расправиться, и передают энергию слегка эксцентричному соленоиду...

– Тихо! – внезапно прервал его Смизерс.

Он повернулся к двери, весь ошетинившись. В лабораторию входил фон Хольц в компании тучного, широкоплечего человека с выдающимися челюстями. Томми выпрямился и мрачно улыбнулся.

– Привет, фон Хольц, – улыбаясь, сказал он. – Мы только что закончили макет катапульты и собираемся испытать его. Глядите!

Он поставил консервную банку на устройство из колец. Банка была совершенно обычной, из тонкой жести, как и все консервные банки.

– Вы собрали катапульту? – задохнулся фон Хольц. – Погодите! Погодите! Дайте мне ее рассмотреть!

Томми позволил ему смотреть на нее только одну короткую секунду. Но что за это время можно было понять в этом массивном наборе концентрических колец, вложенных друг в друга? Выждав секунду, пока фон Хольц впери́л в устройство страстный взгляд, Томми нажал импровизированный электровыключатель. Ток возбудил соленоид, который дернулся, стремясь достичь равновесия.

И на глазах фон Хольца и человека с тяжелыми челюстями консервная банка подпрыгнула вверх, к катушке. Маленькие медные кольца закрутились, поскольку их толкали пружины. Консервная банка изменила маршрут, затем исказилась так, что стало больно смотреть на нее и – исчезла. Катушка, вращаясь, сорвалась с места на вершине устройства и полетела на пол. Медные кольца еще вращались по инерции, но кольцо из белого металла бесследно исчезло. А по комнате распространился за-

пах аммиака.

Фон Хольц бросился к все еще шевелящемуся устройству и стал отчаянно разглядывать его. Полные красные губы искривились от напряжения.

– Как вы это сделали? – пронзительно завопил он. – Вы должны рассказать мне! Я... я... я убью вас, если не скажете!

Человек с тяжелыми челюстями с отвращением глядел на фон Хольца. Затем, сощурившись, повернулся к Томми.

– Послушайте, – загрохотал он мощным голосом. – Плевать мне на этого дурака! Я хочу, чтобы вы раскрыли мне тайну приспособления, которое тут сделали. Какова ваша цена?

– Я не продаюсь, – слегка улыбнулся Томми.

Человек с тяжелыми челюстями смерил его взглядом.

– Меня зовут Джекаро, – сказал он через несколько секунд. – Возможно, вы слышали обо мне. Я из Чикаго.

Томми улыбнулся пошире.

– Безусловно, – кивнул он. – Вы тот человек, который впервые применил автоматы в войне банд, не так ли? Ваши бандиты поставили к стенке с полдюжины парней из банды Бадди Хейнса и расстреляли их чуть ли не в упор. И для чего вам эта тайна?

Глаза его собеседника сузились и внезапно стали смертельно опасными.

– Это мой бизнес, – кратко сказал Джекаро. – вы знаете, кто я. Я хочу у вас эту штуку. На это у меня есть свои причины. Я заплачу за нее. Много заплачу. Вы знаете наверняка, что я всегда много плачу. Или можно иначе...

– Что иначе?

– С вами может что-то произойти, – не вдаваясь в подробности, сказал Джекаро. – Не буду распространяться, что именно, но вероятность чертовски высока, что вы расскажете мне все, что я хочу узнать, прежде чем это закончится. Так что назовите свою цену, и побыстрее!

Томми вынул руку из кармана. В ней был револьвер.

– Вот единственно возможный на это ответ, – утихо сказал он. – Я хочу вам сказать, чтобы вы убирались ко всем чертям! Уходите! Но фон Хольц пусть останется здесь. Он еще будет нужен.

ГЛАВА IV

Через полчаса после отъезда Джекаро Смизерс поехал в деревню купить кое-что и заодно отправить пару телеграмм, кото-

рые написал Томми. Томми сел, глядя на пепельно-серого фон Хольца, и сказал, что коли фон Хольц не в состоянии сделать металлический аммоний, то не будет ли он любезен хотя бы помочь отремонтировать большой соленоид. Через час Смизерс вернулся и сообщил, что Джекаро тоже послал телеграммы, и что Смизерс стоял возле телеграфиста, пока его собственные телеграммы не были отправлены. Так, на всякий случай. Он вернул Томми револьвер, потому что в штате Нью-Йорк незаконно носить с собой такие штуки, и что любой гражданин здесь является законопослушным, лишь когда он совершенно беззащитен. Затем прошли четыре дня упорной работы днем и ночью.

В первый же день в ответ на телеграмму приехал один из друзей Томми. Это был Питер Дэлзелл, человек в форме, очевидно, носивший ее для украшения. Он с ходу объявил, что на внешних воротах добавил еще один плакат, предупреждавший об эпидемии оспы, и принялся недоверчиво рассматривать обстановку кирпичного сарая.

Томми усмехнулся и дал ему чертежи и технические характеристики стального шара, в котором два человека могли бы быть заброшены в пятое измерение. Томми просидел всю предыдущую ночь над этими чертежами. Он рассказал Дэлзеллу достаточно для того, чтобы тот с энтузиазмом принялся за работу, но не усомнился в здравом уме своего приятеля. Дэлзилл знал Томми, как теннисиста-любителя, но вовсе не как ученого.

Он вначале сказал, что не верит своим глазам, но когда ему дали заглянуть в дименсиоскоп, он согласился, что все нужно держать в полном секрете, иначе спасательная экспедиция закончится помещением Томми и Смизерса в психушку. Он притворился, что восхищается фон Хольцем, который дошел уже до белого каления от бешенства, Он даже спросил фон Хольца, не хочет ли тот уехать, и фон Хольц стал заикаться, но все же приступил к работе над добычей металлического аммония.

Разумеется, это был электролитический процесс. Обычный нашатырный спирт разлагался под действием электрического тока. Аммоний образовывался на катоде и моментально превращался в газ, который растворялся в воде или пузырями выходил на поверхность. С ртутным катодом он растворялся и становился металлической амальгамой, которая также распадалась на газ, заставляющий ртуть пузыриться. Но Денхэм сумел задержать этот распад, и у него получился интересный белый, рыхлый металл, который можно расплавлять и делать отливки, но невозможно ни при каких обстоятельствах ковать или растягивать.

Фон Хольц работал над ним. На второй день он, рыча от бешенства, предоставил маленький слиток белого металла. Его заперли, как в тюрьму, в сарае под навесом, где он продолжал электролиз. Но у Томми все равно были подозрения, что он продолжал контактировать с Джекаро.

— Разумеется, — сухо ответил Томми Смизерсу, который выразил сомнения, — Джекаро послал кого-то, кто переговаривается с ним через стену. Но пока остается надежда на то, что фон Хольц выведает наши секреты, Джекаро не станет ничего предпринимать. Во всяком случае, ничего грубого. Нас нельзя убивать, пока то, что мы делаем, существует лишь в наших мозгах. Так что, пока мы в безопасности.

Смизерс что-то проворчал.

— Нам нужен аммоний, — сказал Томми, — а я не умею его производить. Разумеется, я могу разгадать этот секрет, но на это потребуется время, а у Денхэма его нет. Дэлзилл ожидает, что наш шар прибудет сегодня самолетом. И к этому времени у нас должна быть готова большая катапульта. Кроме того, самолет принесет нас кое-что еще. Я заказал автомат, который пригодится в папоротниковых лесах. А пока что мы должны заниматься...

Поочередно они дежурили у дименсиоскопа, ожидая появления Денхэма или Эвелин. И в голове у Томми крутились совершенно не имеющие никакого отношения к науке мысли об Эвелин. Симпатичная девушка в затруднительном положении — что еще нужно человеку, чтобы настроить его на романтический лад?

За четыре дня упорного труда Томми трижды видел ее. Шар был разграблен и разрушен, все стеклянное было разбито, а остальное разломано и разорвано. Шар был поломан так основательно, что не было никакой надежды вернуть его, поскольку ничего в нем не подлежало ремонту. Томми был даже озадачен, поскольку никогда не видел грабежей, при которых все уничтожалось бы столь тщательно. Но когда он видел Эвелин, то думал не об этом.

Оборванцы ушли, но девушка и ее отец все еще где-то прятались неподалеку от шара. В первый день, когда Томми увидел ее, она была в норме, но встревожена. На второй день она выглядела хуже, в располосованной, словно шипами, одежде. У Денхэма была большая кровоточащая рана на лбу, пальто исчезло, а половина рубашки была разорвана на ленты. На глазах у Томми они убили неизвестное мелкое животное, воспользовавшись похожим на жезл оружием, которое было у Эвелин. И Денхэм тор-

жествующе унес его в свое убежище в папоротниковом лесу. Но Томми стало казаться, что это убежище очень ненадежно.

В тот же день к стальному шару вернулось несколько Оборванцев, осмотрели его, а затем принялись злобно переговариваться, сопровождая разговор ударами и проклятиями. Они казались полусумасшедшими. Но все Оборванцы были такими. Ненависть к Золотому Городу казалась доминирующей эмоцией их существования.

Когда они ушли, Томми увидел, как Денхэм осторожно выглядывает из-за папоротника. Выглядел он нездоровым. Внезапно он поднял глаза, посмотрел куда-то вдаль, затем стал глядеть в небо над головой с выражением, которое было смесью желания и предельного отчаяния.

Томми направил трубку в небо потустороннего мира и увидел аэроплан. Это была машина с загнутыми назад крыльями, похожими на ласточкины, которая стремительно летела то выше, то ниже, короткими кругами почти над самым шаром. Томи видел пилота, который, высовываясь из кабины, смотрел вниз. Он был не более чем в ста футах над землей, почти что над самыми вершинами папоротниковых деревьев. Машина летела слишком быстро, чтобы Томми смог подробно разглядеть лицо пилота, но он видел, что это, по крайней мере, человек, ничем не отличающийся от прочих жителей этой земли. Он, как мог, внимательно разглядывал шар.

Затем он внезапно взлетел вверх и направился к Золотому Городу.

А Томми искал четырех Оборванцев, которые перед этим осматривали шар. Он нашел их, несущихся сквозь заросли. На этот раз они не грозили самолету кулаками. Вместо этого они, казалось, были преисполнены ужасной радостью. Они бежали вперед, словно спешили доставить очень важные новости.

А когда Томми вернулся к Денхэму, ему показалось, что тот, прежде чем скрыться в лесу, разочарованно развел руками.

На второй день работы, перед самым закатом, в земном небе над лабораторией послышалось гудение. Томми выбежал наружу, и кто-то выстрелил в него из леса, расположенного в четверти мили от кирпичной лаборатории. Поскольку владения Денхэма были в безлюдной местности, выстрел остался никем не замеченным. Пуля пролетела в нескольких футах от Томми, но он не обратил на нее внимание. Несомненно, это был один из наблюдателей Джекаро, но Джекаро не собирался пока что убивать Томми. Так что Томми остался ждать, пока самолет не

спуститься ниже. Тот пролетел почти над самой крышей, и к ногам Томми упал хорошо упакованный сверток. Томми поднял его и бросился назад в лабораторию, поскольку из леса снова начали стрелять.

– Забавно, – сухо сказал он Смизерсу в лаборатории. – Они не смеют меня убить, а фон Хольц не посмеет уйти, пока я не отпущу его, но все же они продолжают огрызаться на нас.

Смизерс невинно проворчал в ответ. Томми распаковал сверток. В нем оказалась в коробке мрачная, стального цвета штукавина.

– Автомат, – сказал Томми. – И боеприпасы. Джекаро со своими дружками попробуют войти сюда, когда решат, что у нас уже есть готовая к использованию установка. Они попытаются захватить ее прежде, чем мы ей воспользуемся. Так что эта штука уделит им внимание.

– В тюрьме они нас получают, – спокойно сказал Смизерс, – в течение следующих сорока лет.

– Нет, – усмехнулся Томми. – Мы будем в пятом измерении. Наша работа состоит в том, чтобы забросить туда катапульты все материалы, которые нам понадобятся, чтобы мы могли там построить другую катапульту и вернуться обратно.

– Ничего не получится, – категорично заявил Смизерс.

– Может, и нет, – пожал плечами Томми, – тем более что всякий раз, когда мы используем катапульту, разрушается карданная подвеска и пружины. Но я понял. Нам нужно пять катушек с двумя отверстиями каждая, которые...

Томми сделал набросок. Уже несколько дней он обдумывал эту идею, так что эскиз был готов у него в голове, оставалось лишь переложить его на бумагу.

– Что вы собираетесь делать?

– Нечто сумасшедшее, – сказал Томми. – Изменять углы можно не только с помощью зеркала.

– Вам виднее, – невозмутимо ответил Смизерс и принялся за работу.

Временами Смизерс озадачивал Томми. Например, он до сих пор не спросил, сколько ему собираются заплатить. Он работал без остановки и выказывал колоссальное спокойствие. Никакой человек не мог бы так пахать, тем более что у Смизерса не было никакой видимой мотивации. Но на четвертый день Томми узнал, что она все же была.

Были сделаны пять катушек, и Томми собрал их за ширмой, чтобы скрыть то, что он делал. К этому времени он уже обнару-

жил дырку в кирпичной стене, за которой работал фон Хольц. Его перестали запирасть после того, как Томми нашел в его помещении автоматический пистолет и ключ. Когда он, теоретически, сидел под замком, этих вещей у него не было. Томми рассмеялся.

– Все это сплошной фарс, фон Хольц, – сказал он. – Вы притворяетесь, что готовите побег, но вы здесь для того, чтобы шпионить для Джекаро. И конечно, вы не посмеете причинить вред никому из нас, пока не решите, что узнали все, что я от вас скрываю. Интересно, сколько Джекаро обещал заплатить вам за катапульту, а, фон Хольц?

Фон Хольц что-то невнятно проворчал в ответ. Смизерс пошел на него, сжимая и разжимая кулаки. Фон Хольц посерел от ужаса.

– Ну, отвечай! – велел Смизерс.

– Э-э... миллион долларов, – сказал фон Хольц, отодвигаясь от рыжеволосого здоровяка.

– Было бы интересно узнать, как Джекаро собирается ее использовать, – сказал Томми. – Но чтобы заработать миллион, вы должны узнать то, что знаем мы. А чтобы это узнать, вы должны помогать нам в том объеме, в каком потребуется. Так что никуда вы не убежите, и я больше не буду вас запирасть. Люди Джекаро приезжают и переговариваются с вами по ночам, не так ли?

Фон Хольц опять съежился. Это само по себе было признанием.

– Я не хочу никого из них убивать, – вежливо сказал Томми, – потому что, если это произойдет, нас всех могут посчитать сумасшедшими. Так что, фон Хольц, можете выходить и разговаривать с ними на дороге, когда захотите. Но если кто-нибудь из них подойдет к лаборатории, мы со Смизерсом убьем их. А если Смизерсу причинят вред, я убью вас. Но я не думаю, что Джекаро этого хочет, потому что он ждет, что вы постройте для него другую катапульту. Но я вас предупреждаю, что если еще раз найду у вас оружие, то я убью вас.

Бледное лицо фон Хольца переменялось, когда от страха он перешел к ужасной ярости.

– Вы... Майн Готт! Вы смеете мне угрожать... – он буквально задыхался от бешенства.

– Смею, – сказал Томми. – И я выполню эти угрозы.

Смизерс сделал еще шаг вперед.

– Мистер фон Хольц, – ужасающе спокойно сказал он. – Мне очень хочется вас убить. Я это еще не сделал лишь потому, что господин Римес сказал, что будет нуждаться в вас какое-то

время. Но я знаю, что вы специально оставили мисс Эвелин в папоротниковых лесах иного мира! Видит Бог, она бы никогда не посмотрела на меня, но я... я все равно вас убью!

Глаза его вспыхнули, кулаки сжались и разжались. Фон Хольц содрогнулся, переходя от ярости снова к страху, и удалился в свое помещение. А Смизерс вернулся к дименсиоскопу. Была его очередь наблюдать за потусторонним миром, отыскивая любые признаки Денхэма и Эвелин.

Томми поставил ширму перед столом, за которым работал, чтобы фон Хольц не смог подглядеть, и вернулся к своей работе. Перед ним стояла трудная задача, и еще несколько дней назад он бы сам сказал, что сошел с ума. Но теперь он знал, что это выполнимо.

– Смизерс, – позвал он.

– Да? – отозвался Смизерс, не отрывая взгляда от латунной трубки.

– Мне кажется, вы думаете о мисс Денхэм больше, чем ее отец. Смизерс немного помолчал.

– Ладно, – наконец сказал он. – Ну и что из того?

– Я никогда не разговаривал с ней, – серьезно кивнул Томми, – и, осмелюсь сказать, что она даже не слышала обо мне и, уж тем более, не видела меня, но...

– Она никогда не воспримет меня всерьез, мистер Римес, – сказал Смизерс. – Я знаю это. Мы не раз разговаривали, она смеялась над моими шутками, но я уверен, что она ни минуты не думала обо мне. И никогда не подумает. Однако, я имею право любить ее.

– Конечно, имеете, – серьезно кивнул Томми. – И я тоже. Так что, когда будет доставлен большой шар, мы войдем в него с оружием и боеприпасами, и отправимся ей на помощь. Первоначально я хотел, чтобы вы были у выключателя и отправили меня одного. Но вы можете полететь со мной.

Смизерс промолчал, но оторвал глаза от окуляра дименсиоскопа и серьезно взглянул на Томми, затем кивнул и вернулся к своим наблюдениям. Это был молчаливый договор между двумя мужчинами служить Эвелин, не думая о конкуренции.

Томми продолжил работу. Существенным дефектом в катапульте, спроектированной Денхэмом, было то, что, фактически, ее нужно было чинить всякий раз после использования. И, кроме того, металлический аммоний был настолько летучим веществом, что его трудно было хранить. Так что, срабатывая, он всякий раз превращался в газ и улетучивался в воздух. И хотя

Томми пытался держать маленькую катапульту всегда наготове, он не был уверен, что сможет послать автомат с боеприпасами в тот момент, когда Денхэм подойдет достаточно близко, чтобы увидеть их появление.

Но теперь Томми работал над катапультой другого типа. В ней он решил использовать полые магниты, размещенные под известным углом друг к другу. Они были поставлены так, чтобы притягивать любые металлические предметы, поворачивая их под известными углами и забрасывая в пятое измерение.

Такое устройство, как и дименсиоскоп, требовало поворота всего лишь на сорок пять градусов вместо девяноста, как прежние катапульти. Так что Томми мог использовать в ней обычные материалы, вместо ненадежного металлического аммония. Томми, затаив дыхание, запустил ее вхолостую. Магниты дрогнули, закрутились, и внезапно на один из них стало больно смотреть, а у последнего было видно лишь ребро.

Томми резко втянул воздух.

— Теперь испробуем его, — напряженно сказал он. — Я попробовал сделать его так же, как зеркала в дименсиоскопе. Ну-ка, посмотрим...

Он взял длинную мягкую железную проволоку и поднес ее конец к первому магниту. Тот стал ее притягивать, но по пути вступил в действие второй магнит, и проволока изогнулась, меняя направление, затем вошла в поле третьего магнита и... и конец ее исчез. Второй же конец Томми крепко держал в руке.

— Смотрите в дименсиоскоп, Смизерс, — скомандовал Томми. — Ищите конец проволоки. Он должен быть где-то в том мире.

Смизерс, казалось, искал проволоку вечно, затем сказал:

— Пошевелите-ка ей.

Томми так и сделал.

— Ее конец там, — сказал Смизерс. — Целых два или три фута.

Томми облегченно вздохнул.

— Отлично! — сказал он. — Когда будет готов большой шар, мы сможем перебросить туда все, что нам нужно. Мы сможем перебросить туда целую грудку вещей до того, как сами полетим в шаре.

— Да, — сказал Смизерс. — Э-э... мистер Римес, в поле зрения появилась группа Оборванцев. Они тащат что-то тяжелое. Не знаю, что именно.

Томми взглянул в латунную трубку. Он осмотрел лес папоротниковых деревьев, громадное болото и блистающий город далеко-далеко, у самого горизонта.

А затем увидел толпу Оборванцев, которые буксировали что-то тяжелое. Они были еще далеко, но несколько человек приближались, несясь вперед во весь опор. Томми повернул трубку и заметил Денхэма и Эвелин, которые прятались среди папоротников. К настоящему моменту Денхэм был таким же оборванным, как Оборванцы, да и Эвелин выглядела немногим лучше.

Испугавшись за них, Томми оглядел окрестности, но их не заметили. Оборванцы, бежавшие впереди, просто куда-то спешили. Остальные же, крупные мужики и мелкие, здоровые и хромающие, тянули на веревках что-то громоздкое и тяжелое. Томми видел их груз неотчетливо, как и грязные, почти голые тела людей. Он только заметил, что это было сложное устройство из золотистого металла, стоявшее на самой примитивной из всех возможных телег. Колеса этой телеги были выпилены из бревен, в которых пробили посередине отверстия для деревянных осей. Сама телега была из тех же бревен, разрубленных вдоль. И все это тянули свыше пятидесяти Оборванцев.

Шедшие впереди люди расчищали подлесок по краю леса. Они работали с маниакальной энергией, отрубая длинные ветки папоротника, и одновременно подпрыгивали, плясали и что-то возбужденно говорили.

Томми невольно подумал о рабах, сбежавших с галер. Только ими могли быть такие упорные люди, одновременно горящие такой жгучей ненавистью к свободным гражданам, от которых они сбежали. Несомненно, Оборванцы когда-то были вполне цивилизованными. По мере того, как золотое устройство приближалось, становилось очевидным его сложность. У дикарей не могло быть такого механизма. И в самом изысцестве его линий чувствовалась какая-то странная смертельная опасность. Это было какое-то оружие, но Томми не мог даже гадать о принципах его действия.

А затем он увидел в папоротниковом лесу, на земле, блеск металла. Металл поблескивал между толпой полуголых Оборванцев. Из всего этого складывалась странная картина. Шоссе, окаймляющее лес. Не широкое, не более пятнадцати футов в ширину, но это было твердое, металлическое дорожное покрытие. Земля блестела унылым, серебристо-белым алюминиевым блеском. Не меньше двух дюймов в толщину и пятнадцать футов шириной алюминиевая лента без швов, тянувшаяся в обе стороны вокруг папоротникового леса.

Сложный механизм из золотистого металла был установлен невдалеке от разоренного шара, к нему подошел косматый, похо-

жий на дикаря человек и стал работать рычагами и колесиками с уверенностью специалиста. Томми увидел, что механизм был отремонтирован. Ремонт был сделан грубый, грубыми материалами, но все же ремонт. Его, несомненно, сделали Оборванцы, и таким образом можно считать доказанным, что они не были дикарями.

– Продолжайте наблюдать, Смизерс, – мрачно сказал Томми.

И он принялся работать над маленькой катапультий по образцу Денхэма. Его собственное устройство работало лучше, но для полной уверенности Томми хотел приготовить еще одно. Оборванцы явно готовили засаду на людей из Золотого Города. Самолет заметил стальной шар Денхэма и принес известие о нем в Золотой Город. А здесь проходило шоссе, которое наверняка было когда-то построено жителями Золотого Города. Его существование объясняло, почему Денхэм выбрал именно это место. Очевидно, он надеялся, что по шоссе поедет какое-нибудь транспортное средство с цивилизованными людьми, с которыми можно будет связаться и рассказать о своем тяжелом положении. А поскольку Денхэм находился бы у стального шара, то у его рассказа были бы под рукой доказательства.

И теперь было ясно, что Оборванцы тоже ждут транспортное средство. Они готовились к этому. Они сделали классическую засаду с каким-то, очевидно, мощным оружием, которое хранили в тайне. Их торжествующая ненависть не могла относиться ни к чему другому, как только к ожиданию нанести телесные повреждения людям Золотого Города.

Думая об этом, Томми как можно быстрее строил катапульти. Уже было готово новое кольцо из металлического аммония и необходимые пружины. Оборванцы сделали засаду. Люди Золотого Города могли попасть в нее. Но не наверняка. Летчик, который увидел металлический шар, наверняка заметил и разбросанные вокруг обломки вещей. Он должен понять, что шар нашли Оборванцы. И люди, которые приедут в наземном транспорте из Золотого Города, могут ожидать засаду.

Будет бой, и Томми не сомневался, что победить должны люди Золотого Города. И как только они очистят окрестности, Томми забросит туда катапультий дымящийся снаряд. Победители должны увидеть и изучить его. И, хотя Томми мог написать письмо лишь на своем языке, наверняка непонятном жителям Золотого Города, чертежи и математические диаграммы будут ясным доказательством, что снаряд послан цивилизованным человеком. И еще там могут быть фотографии...

Когда катапульта была закончена, Томми приготовил снаряд с сообщением. Туда он включил и несколько снимков, в том числе фото Эвелин и ее отца, сделанное в этой же лаборатории. Еще он ломал голову, как бы сообщить тем людям, что стальной шар прилетел из другого мира... И, внезапно, его осенило. Веревка, привязанная к шару, уходила бы в «ничто» в любом из миров, но все же один конец ее будет в потустороннем мире, а другой – на Земле. А еще лучше провод. Рывки провода могли бы подать идею, что за него дергают невидимые живые существа. А фотография идентифицировала бы Денхэма и его дочь, и объясняла их появление в том мире.

Томми отчаянно работал, чтобы закончить все вовремя. Он чуть ли не молился, чтобы жители Золотого Города оказались победителями и, когда бой закончится, нашли бы его небольшой снаряд и попытались разгадать смысл послания.

Он успел сделать все, что задумал. Теперь оставалось лишь испытать это.

– Они приготовились, мистер Римес, – сказал Смизерс у дименсиоскопа. – Взгляните-ка лучше сами.

Томми взглянул в окуляр. Странно, но золотое оружие исчезло. Все остальное казалось точно таким же, как прежде. Вновь возник расчищенный подлесок. Ничто не отличалось от того, что было раньше. Но Томми заметил слабое движение и увидел Оборванца. Он лежал на земле и, казалось, к чему-то прислушивался, потому что губы его шевелились, он явно говорил с кем-то неподалеку, и на лице его было все то же выражение зловещей радости.

Томми пошарил трубкой по окрестностям. Ничего, хотя... и внезапно он увидел, как по краю папоротникового леса стремительно перемещаются солнечные блики. Что-то приближалось, со скоростью молнии летя по пятнадцатифутовому шоссе из алюминия. Оно становилось все ближе и ближе.

Томми перевел взгляд на то место, где скрывалась засада.

Он увидел, как что-то, блестящее сквозь ветви папоротниковых деревьев, снижает скорость, постепенно останавливаясь. Пауза, и внезапно подлесок исчез. Он упал, как скошенный, словно чья-то невидимая рука нанесла по нему удар. Золотое оружие появилось во всей красе вместе с усмехающимся мускулистым оператором. На долю секунды Томми увидел колесный экипаж, на котором ехало с полдюжины обитателей Золотого Города. Он был изящный, блестящий и обтекаемый. И у него была платформа, явно для перевозки стального шара.

И внезапно все вокруг этого экипажа вспыхнуло ярким светом. Свет шел из оружия Оборванцев, невыносимый свет, точно от вольтовой дуги. Он продолжался, наверное, с долю секунды, затем превратился в красное пламя, которое взметнулось вверх и исчезло.

Транспортное средство из Золотого Города превратилось в груды закопченных обломков. Четверо из шести мужчин мгновенно почернели, как подгоревшие чипсы. Еще один вскочил, шатаясь, на ноги, потянулся к оружию, но не смог его снять, и вдруг выхватил с пояса кинжал и рухнул прямо на него. Томми ясно увидел, что это было преднамеренным самоубийством.

И лишь последний человек остался сравнительно невредимым. Он выхватил что-то похожее на пистолет и стал стрелять какими-то импульсами света. Орда Оборванцев завопила и ринулась врассыпную. Двое-трое из них закричали от боли и тут же были растоптаны остальными.

Но внезапно по всему телу стрелка возникли красные пятнашки. Он выронил пистолет, потому что рука его стала темно-малиновой. А затем на него накинута кипищащая ненавистью, жаждущая крови толпа лесных людей.

ГЛАВА V

Спустя несколько минут Томми оторвался от окуляра дименсиоскопа. Он больше не мог выносить это зрелище.

— Почему они его не убивают? — с болью и гневом спросил он. — Ну, почему они не могут его просто убить?

Он чувствовал себя невыносимо бессильным. В ином мире толпа полуголых отступников терзала пленника. Он не был мертв, этот исключительно выносливый человек из Золотого Города. Его связали, и несколько Оборванцев взялись его охранять, причем охранники развлекали себя пытками пленника, мелкими, но чрезвычайно болезненными. Они скакали перед ним и ликующе выли, когда связанный пленник корчился от боли.

Он был чрезвычайно храбрым человеком. Беспомощный, он лишь откидывал голову и оскаливал зубы. Пот покрывал его тело и лоб. Но он старался не корчиться и смотрел на своих мучителей с мрачным, отчаянным вызовом.

Охранники делали жесты, слишком ясно описывающие ожидающую его смерть. Человек из Золотого Города был пепельно-серым и совершенно отчаявшимся, но все равно несломленным.

Смизерс занял место Томми у окуляра инструмента. Ноздри

его дрожали от развернувшегося перед ним зрелища. Остатки машины из Золотого Города, конечно же, были разграблены. За взятое у мертвых оружие ссорились, даже дрались. Оборванцы бились за него друг с другом, словно с врагами. Большой золотой механизм на телеге уже тащили куда-то в прежнее укрытие. Так или иначе, было ясно, что те, кто волок его, требовали, чтобы пленника не убивали до их возвращения.

И при виде пленника, который в муках ожидал смерти, Смизерс скрипел зубами.

— Я не вижу ни профессора, ни мисс Эвелин, — сказал он. — Очень надеюсь, что они этого не видят.

Томми стоял, покачиваясь с пятки на носок.

— Они были рядом, — резко сказал он. — Я видел их! Они видели, что произошло в засаде! И теперь они смотрят, как мучают этого человека!

Кулак Смизерса сжался и разжался.

— Возможно, у профессора хватило здравого смысла увести мисс Эвелин туда... э-э... где она ничего не услышит, — медленно проговорил он. — Надеюсь, что так...

Томми всплеснул руками.

— Я хочу помочь тому человеку, — закричал он. — Я хочу что-то сделать! Я видел, как они обещали убить его! Я хочу... хочу убить его сам! Во имя милосердия!

— Я вижу профессора, — сказал Смизерс со странным, шокирующим спокойствием. — У него в руке что-то вроде пистолета... мисс Эвелин уговаривает его... что-то сделать... Он глядит на небо... Еще не скоро стемнеет. Он скрылся в зарослях...

— Если бы у нас был динамит! — отчаянно выкрикнул Томми. — Мы могли бы рискнуть забросить его в тот мир, прямо в гущу этих дьяволов.

Он зашагал взад-вперед по лаборатории, страдая при мыслях об участии этого человека с серым лицом, который ждал ужасной, мучительной смерти, и ужасаясь от того, что Эвелин и ее отец попытаются спасти его и будут схвачены, чтобы разделить его судьбу. Томми мучило собственное бессилие, неспособность вмешаться...

— Боже! — сказал вдруг Смизерс.

Он отшатнулся от окуляра. Томми прильнул к нему, у него внезапно пересохло во рту. Он увидел, что Оборванцы хохочут. Бородатый здоровяк, который явно был их лидером, принялся ломать пленнику руки и ноги, чтобы он стал совершенно

беспомощным, даже когда его развяжут. Если когда-либо люди походили на нечистую силу, то именно в этот момент. Он ломал несчастному кости самым мучительным способом. Пленник кричал. Оборванцы чуть ли не катались по земле в маниакальной радости.

И вдруг один из них упал, забившись в судорогах, потом другой, третий... Из гущи папортниковых деревьев появился мрачный, изможденный Денхэм, держа в руке золотой жезл. Упал четвертый человек, прежде чем Оборванцы поняли, что происходит. Этот упавший был вооружен, и, как только он упал, из зарослей метнулась тонкая фигурка Эвелин, подскочила к нему и вырвала из его руки оружие.

В лаборатории в другом мире Томми отчаянно застонал. Он не мог отвести глаз от окуляра, ему казалось, что сердце сейчас вырвется из груди. Оборванцы свирепо уставились на Денхэма, как-то поняв, что он гораздо ближе к людям из Золотого Города, чем к ним самим. Но при виде Эвелин в изорванной колючками одежде, сквозь прорехи которой проглядывало белое тело, они совсем обезумели. И застывшие глаза Томми увидели выражение лица Денхэма, который понял, что Эвелин не скрылась, а последовала за ним в отчаянной, безнадежной попытке.

Затем толпа Оборванцев бросилась на них. В лютой своей ненависти, эти чудовища даже дрались между собой за право схватить их первыми.

Всех охватило безумие. Денхэма связали и бросили возле человека из Золотого Города. Эвелин оказалась в гуще драки и внезапно была отброшена в стороны бородатым гигантом. Вся поляна превратилась в сплошной бедлам. Но, так или иначе, Томми с ужасающей ясностью понимал, что для этих безумных врагов Золотого Города являлось счастьем замучить кого-нибудь из его мужчин. Но что касается женщины... Томми отвернул голову от инструмента и невидящими глазами уставился на фон Хольца, который украдкой наблюдал за ними из дверного проема. Томми казалось, что мозг его сейчас взорвется. И тут он услышал собственный, неожиданно твердый голос:

— Смизерс! Они схватили Эвелин. Принесите мне автомат!

Смизерс издал хриплый крик. Лицо его на мгновение исказилось до неузнаваемости. Томми бросился к столу, на котором установил магнитную катапульту своей конструкции, и придвинул его поближе к дименсиоскопу.

— Ничего не получится, — с тем же невероятным спокойствием

сказал он. — Это же невозможно. Это не может получиться. Ничего не выйдет... Но это должно получиться!

Он укрепил катапульту тяжелыми деревянными брусками.

— Установите автомат так, чтобы нацелить его в первый магнит, — сказал он Смизерсу. — Обмотки магнита не рассчитаны на напряжение, которое нужно пропустить по ним. Но они должны выдержать!

Пальцы Смизерса тряслись. Томми помог ему, не глядя больше в дименсиоскоп.

— Включайте динамо, — сказал Томми и удивился, потому что голос, казалось, вообще принадлежал не ему, а кому-то другому, спокойному и хладнокровному. — Дайте мне полную мощность.

Пока Смизерс включал двигатель и динамо на полную мощность, Томми крепче зажал в тисках автомат, а потом нажал выключатель катапульты. Запахло горелой изоляцией. Томми спустил курок, сделав один выстрел. Пуля полетела в первый магнит так же, как прежде Томми толкнул туда проволоку. И исчезла.

Томми поставил руку туда, где ее прошила бы неотклоненная пуля, и снова нажал курок. Он почувствовал легкое дуновение ветерка, но пуля не могла преодолеть силу магнитов, заставляющих ее поворачивать под нужными углами.

Томми выключил катапульту и позвал Смизерса.

— Приготовьтесь стрелять, — резко сказал он. — Когда я скажу «огонь», дайте длинную очередь. Но включайте катапульту только на то время, пока стреляете — так мы не сожжем катушки. Давайте! Огонь!

Он прильнул к дименсиоскопу. Эвелин беспомощно билась в руках двух Оборванцев, которые держали ее, усмехаясь, как могут усмехаться дьяволы в аду, а остальные спорили друг с другом или зачарованно глядели на нее.

Но Томми не стал на этом заикливаться. Автомат возле него сухо затрещал. Томми увидел, как задрожала ветка папоротникового дерева, и в ней появилось большое отверстие. Томми протянул руку к оружию.

— Помогите мне немного подвинуть стол, — сказал он. — Теперь давайте еще раз. Огонь!

И снова застрочил автомат. Томи увидел, как земля вскипела фонтанчиками в том месте, где в потустороннем мире в нее ударили пули. Пули со стальной оболочкой отклонялись магнитами катапульты, но не теряли своей энергии. Они просто изменяли

направление движения. Выпущенные в лаборатории в нашем мире, пули появлялись в мире папоротникового леса. Первые два выстрела не вызвали никакого эффекта. Фактически, Оборванцы вообще не заметили их. Выстрелы из автомата звучали в лаборатории, но не переносились в мир пятого измерения.

– Секундочку, – сказал Томми. – Сейчас.... Огонь!

Он отклонил ствол автомата чуть выше.

Застучала новая очередь. И это была бойня. Три Оборванца были буквально разнесены в клочки, а ураган пуль продолжал наносить ущерб. Группа, ссорящаяся из-за Эвелин, стала покойниками прежде, чем закончились споры.

– Огонь! – холодно сказал Томми. – Огонь, Смизерс, огонь!

Автомат опять застучал. Бородатый гигант схватился за горло, из которого хлынула кровь. И тут началось безумие. Толпа Оборванцев, потерявших остатки человеческого облика, бросилась бежать, топча своего упавшего вожака, который еще не успел умереть. Пули били прямо в их гущу, но они даже не догадались разбежаться в стороны. Автомат дал еще десять коротких очередей, прежде чем запах паленой резины усилился, а сквозь шум двигателя прорвался треск электрической дуги.

– Катушка сгорела! – прорыдал Смизерс.

Но Томми махнул рукой.

– Это уже неважно, – жестко сказал он. – Из них уцелело не больше дюжины. Эвелин уже развязывает отца. Правда, пленник из Золотого Города мертв. Я не собирался стрелять в него, но так уж получилось.

Он дал Смизерсу место у окуляра. По его лбу катился пот, руки тряслись.

Он зашагал по лаборатории, пытаясь избавиться от картины, стоявшей перед глазами, как несется, сломя голову, толпа Оборванцев, а пули буквально расплескивают плоть живых людей. Он видел распотрошенных ими Оборванцев. Но он ни о чем не жалел, потому что спас Эвелин, он просто хотел забыть хоть на время то, что только что совершил.

– Но теперь, – пробормотал он себе под нос, – Денхэму с дочерью не стало лучше, разве что у них появилось оружие... Если бы только не был убит человек из Золотого Города...

Томми посмотрел на магнитную катапульту, сожженную и бесполезную. Потом перевел взгляд на другую. Как только он приготовит снаряд, то может забросить его в тот мир. В нем уже были фотографии и диаграммы для попыток общения с людьми

из Золотого Города, не зная их языка.

Но он может передать послание Денхэму!

Томми сел и стал лихорадочно писать. Если бы он выглянул из окна лаборатории, то увидел бы, как фон Хольц бежит по двору, подобно оленю, машет руками и, оказавшись вне пределов слышимости из лаборатории, громко кричит. С собой фон Хольц нес маленький черный ящик, в котором Томми мог бы узнать кинокамеру, маленькую, любительскую, но все же способную к съемкам в закрытых помещениях при пониженном освещении. И если бы Томми мог их подслушать, то, вероятно, услышал бы переговоры стрелков, скрывающихся в лесу в четверти мили от владений Денхэма. Одним из них был, конечно, Джекаро, ждущий, пока фон Хольц принесет ему нужную информацию или пока можно будет напасть на лабораторию с готовой к работе большой катапультой – чтобы изучить ее, сфотографировать, а потом продублировать в спокойной обстановке.

Но Томми не видел этого и не слышал. Он лихорадочно писал, одновременно говоря Смизерсу:

– Когда Денхэм немного придет в себя, то оглядится и увидит убитых Оборванцев. И к тому времени мы будем готовы послать ему снаряд с сообщением внутри.

Смизерс кивнул головой в знак того, что услышал. Томми продолжал быстро писать, кратко рассказав, кто он и что сделал, и что готовится большой шар, чтобы он и Смизерс могли пойти к ним на помощь с вещами и оружием.

– Он осмотрелся, мистер Римес, – спокойно сказал Смизерс. – Нашел срикошетировавшую пулю и осматривает ее.

Двигатель по-прежнему работал. Томми поместил свое торопливое послание внутрь приготовленного снаряда. Потом положил снаряд под соленоидом катапульти конструкции Денхэма, с пружинами и кольцом из металлического аммония, и повернулся к Смизерсу.

– Я буду наблюдать, – сказал Томми. – А вы переправите снаряд. Только немного уменьшите напряжение, у нас нет запасных частей для генератора.

Он прильнул к окуляру и вздрогнул, снова увидев, что натворили автоматные пули под его управлением. Но тут он увидел Денхэма. Денхэм был исцарапан, избит и был очень далек от идеала преподавателя теоретической физики. От одежды его остались клочки, а на лице выросла десятидневная борода. Он сильно хромал, пока ходил по поляне, собирая оружие. Потом

взволнованно показал Эвелин найденную пулю. В этом кусочке металла, расплюсненном от попадания в цель, все равно можно было легко узнать изделие родного мира. Денхэм глядел на нее с надеждой, перемешанной с недоверием.

Томми оторвался от дименсиоскопа ровно настолько, чтобы поджечь плавкий предохранитель дымового снаряда.

— Давай, Смизерс! — крикнул он.

Смизерс нажал выключатель. Снаряд с дымящимся предохранителем прыгнул вверх, попав в поле действия первого магнита. На него стало больно смотреть, и тут он исчез. Соленоид упал на пол.

Сердце Томми остановилось, когда он взглянул в окуляр и увидел лишь молочный туман. Но туман тут же отнесло ветром, и Томми понял, что это всего лишь дым от его снаряда. Денхэм тоже увидел его, и осторожно пошел к его источнику, приготовив на всякий случай оружие, похожее на золотой жезл.

По распоряжению Томми, Смизерс остановил генератор. Томми продолжал наблюдения.

Он увидел, как Денхэм стоит, подозрительно глядя на дымящуюся на земле штуковину. Наконец, дымовой заряд прогорел. Денхэм подождал, но ничего не происходило, и он понял, что снаряд с Земли. И Томми увидел, что от снаряда уходит провод. Он привязал его к снаряду, когда готовился наладить общение с людьми из Золотого Города, и совершенно забыл об этом.

Но теперь он увидел, как лицо Денхэма осветилось надеждой. Он позвал Эвелин и захромал ей навстречу, что-то возбужденно говоря.

Сердце Томми заколотилось, когда Эвелин внезапно посмотрела прямо на него и улыбнулась, точно знала о его присутствии. Над ее головой пролетела громадная бабочка с размахом крыльев в целый ярд. Денхэм что-то взволнованно сказал дочери. Сверху спикировало неуклюжее, похожее на летучую мышь, животное. Его тень на мгновение закрыла лицо профессора. И тут же еще одно животное, низенькое и длинное, стремительно пробежало через поле зрения дименсиоскопа. Затем мимо проползла, извиваясь, странная рогатая змея.

Денхэм продолжал взволнованно говорить, затем повернулся и стал показывать то на записку, то на то место, где подобрал сообщение Томми. Потом огляделся и поднял обугленную палку из давно погасшего кострища Оборванцев. Прямо по его ногам пробежала какая-то пушистая зверушка.

Денхэм взглянул вверх. И Эвелин тоже. Они смотрели в направлении Золотого Города. А через поле зрения дименсиоскопа покатила настоящая волна животных, охваченных паникой. Здесь были газели с изящными ножками, заканчивающимися крошечными копытцами, что-то, напоминающее больших ежей, и громадные броненосцы, с грохотом проносящиеся мимо.

Томми направлял дименсиоскоп в разные стороны и задыхался от волнения. Казалось, весь животный мир снялся с обжитых мест и бросился наутек. Разнообразные летающие существа заполнили все небо, и все летели в одном направлении. Затем из болота прибежали какие-то невероятные существа, громадные, напоминающие рептилий, которые оглушительно ревели и ломились через папоротниковые заросли. Гигантские, отвратительные, настоящие кошмарные видения, воплощенные в дряблую плоть. Ящеры, а возможно, гигантские лягушки, вот только у лягушек не бывает таких хвостов. У некоторых существ были длинные, змеевидные шеи с маленькими головками на конце, непропорционально громоздкими телами и длинными, сужающимися к концу хвостами.

А причиной всей этой безумной паники была белесая туманная завеса, обманчиво медленно двигавшаяся вперед. Она стеной текла по болоту, дрожала и мерцала, ее поверхность блестела какими-то неуловимыми отблесками. Она уже закрыла весь горизонт и Золотой Город и летела вперед, к папоротниковому лесу.

Денхэм делал безумные, отчаянные жесты в сторону дименсиоскопа. Туман приближался слишком быстро. Не было времени, чтобы писать записки. Денхэм схватил провод, тянувшийся от посланного с сообщением снаряда и, отчаянно махая руками, побежал к распотрошенному стальному шару, оперся в него и с трудом перекатил немного вперед. Томми увидел набор стальных колец на той стороне, которая была прежде скрыта от его глаз. Профессор еще сильнее замахал руками и жестом велел Эвелин залезать внутрь.

Томми нахмурил лоб.

— Это ядовитый газ, — пробормотал он. — Месть за уничтоженную машину... Возможно, с нее послали автоматический радиосигнал. Так вот каким образом они борются с Оборванцами... Ядовитый газ... Но он убьет Денхэма и Эвелин... И Денхэм хочет, чтобы я что-то сделал...

Томми шагнул назад, напрягая все мозговые извилины, случайно взглянул в дальний конец лаборатории и увидел, что Сми-

зерс шатается, странно прижимая руки к боку, а в дверях лаборатории стоит незнакомый человек с автоматическим пистолетом. У пистолета был глушитель, и щелчок выстрела затерялся в гуле бензинового двигателя.

Человек был низеньким, темным, аккуратно одетым. Его губы скривились в невеселой усмешке, когда Смизерс шатнулся назад, потом вперед и упал.

Звук выстрела собственного пистолета удивил Томми не меньше, чем бандита Джекаро. Томми даже не стал целиться, но низенького бандита окутала пелена белого дыма — и внезапно Томми понял, что случилось, и чего хотел от него Денхэм.

Катушка из сломанной катапульты валялась на полу возле рабочего стола, и к ней по-прежнему был привязан провод. В мгновение ока Томми разобрался в происходящем. Разумеется, фон Хольц увидел магнитную катапульту за работой. Она не сломалась, как катапульты конструкции Денхэма и была, как и прежде, в рабочем состоянии. Тогда фон Хольц вышел из лаборатории и позвал людей Джекаро. Они хладнокровно подстрелили Смизерса, как последнее предупреждение перед конфискацией требуемого Джекаро аппарата.

Нужно было защищать лабораторию, но Томми не мог терять время. В потустороннем мире белый туман надвигался на Эвелин и ее отца. Им требовалась немедленная помощь.

Томми быстро привязал к концу провода, странным образом исчезавшего среди валявшихся колец, длинную веревку и подергал ее. Денхэм в другом мире почувствовал сигнал и ответил на него.

Внезапно разбилось окно, и пуля прошла в паре дюймов от головы Томми. Он выстрелил в окно и осторожно направил узел веревки к месту исчезновения. Узел исчез, и веревка поползла вперед, потом около полудюйма ее стали такими, что на них больно было смотреть, а дальше веревка вообще исчезала.

Томми сорвался с места, и тут же две пули из разных окон ударили в пол там, где он только что стоял. Но Томми уже подбежал к работающему двигателю. Возле него был барабан с длинной намотанной цепью, и ось барабана была через систему шестеренок соединена с двигателем.

Томми нагнулся, подхватил с полу дробовик, который Смизерс принес с собой, как средство защиты от гангстеров, и дважды выстрелил в окна лаборатории. За ними кто-то завопил.

Томми бросил оружие и отчаянно, ужасно торопясь, привязал

веревку к цепи. Потом освободил барабан. Цепь стала сматываться с него и поползла к тому месту, которое можно было смело назвать лестничной площадкой или тамбуром между мирами.

Еще одна пуля чиркнула Томми по ребрам. Он схватил пистолет и выстрелил почти наугад. Краешком глаза увидел, что Смизерс зашевелился. Томми почувствовал к нему жалость, но... Внезапно что-то с силой ударило его в плечо, а потом по ноге. Томми не слышал ничего, кроме стука двигателя, но понял, что в него попали. Что-то теплое потекло по боку и по ноге. Томми почувствовал головокружение, ужасную слабость и неимоверную усталость... В глазах все расплывалось.

Но он должен ждать, пока у Денхэма не появится кусок цепи достаточной длины, чтобы прикрепить ее к шару. Таким образом он намеревался вернуться. В шаре было кольцо, а в лаборатории цепь на крутящемся барабане, чтобы притащить шар обратно, куда бы он ни залетел. Но фон Хольц украдкой отсоединил цепь перед тем, как отправить шар с Денхэмом. Если бы цепь оставалась присоединенной, то она в любом случае притащила бы шар обратно...

Томми стоял на четвереньках, когда услышал мужской голос: – Эй, ты, где та штука? Где эта вещь, которую хочет Джекаро?

Томми хотелось спросить, перестал ли крутиться барабан, что означало бы, что цепь уехала в потусторонний мир на полную длину, и что пора переключить сцепление, чтобы барабан стал наматывать ее и притащил шар с Денхэмом и дочерью из того места, где их хотел оставить фон Хольц, чтобы украсть тайну профессора. Томми хотел объяснить все это, но тут пол ударил ему в лицо, и внутренний голос сказал ему: «Но ведь это те, кто стрелял в тебя».

Это уже не имело никакого значения, и Томми лежал, пока не почувствовал, что задыхается. Он сделал глубокий вдох и почувствовал сильный запах аммиака, от которого глаза вылезли из орбит, и его забил кашель.

В глазах слегка прояснилось, и Томми увидел огонь и услышал, как на улице взревел двигатель легковой машины.

«Они украли катапульту и подожгли лабораторию, – сообразил он, борясь с головокружением, – а теперь убегают...»

Но даже это, казалось, не имело значения. Зато он услышал, как звенит натянутая цепь. Белый туман! На Денхэма и Эвелин надвигается ядовитый белый туман, и профессор отчаянно дергает цепь, чтобы сигнализировать о готовности.

Огонь превратил металлические кольца, сделанные фон Хольцем, в газ, и аммиак привел Томми в сознание, но не придал ему силы. Невозможно сказать, откуда появились у него силы, но, так или иначе, Томми дополз до рычага сцепления, расположенного под работающим двигателем, схватился за него и повис всем телом. И прежде чем его рука разжалась, Томми увидел, как барабан завертелся в другую сторону, наматывая на себя цепь.

Цепь наматывалась на барабан, появляясь из пустоты, а лаборатория все сильнее наполнялась дымом, и где-то ревел огонь, устремляясь к крыше, и оглушительно стучал двигатель...

Затем, внезапно, посреди лаборатории появилось что-то громадное. Огромный шар, на который сперва было больно смотреть, но почти сразу же он стал вполне материальным и покатился по полу на маленьких колесиках, пока не ударился о барабан, натянувшаяся цепь отчаянно зазвенела – и тут двигатель заглох и все смолкло.

В шаре открылась дверца, из нее вылезли две странные фигуры, в изорванных одеждах, странно вооруженные, которые что-то прокричали друг другу и устремились к дверям. Но тут девушка споткнулась о Томми и, задыхаясь от дыма, позвала отца. Тот пошел к ней наощупь и наткнулся на лежащего Смизерса. Томми слабо улыбнулся, когда мягкие ручки ухватились за него, а стройное, нежное тело напряглось, волоча его по полу лаборатории.

– Это все фон Хольц, – задыхаясь и кашляя, просипел Денхэм, с трудом волоча Смизерса на открытый воздух. – Я взорву ко всем чертям лабораторию вместе со всем, что мы с собой принесли...

Это было последним, что слышал Томми. А потом он очнулся в постели, весь в бинтах и повязках, чувствуя, как болят легкие.

Денхэм словно услышал его легкое движение и моментально появился в дверях.

– Привет, Римес. Теперь все в порядке.

Томми смотрел на него и не мог понять, что в нем необычного, а потом сообразил. Денхэм был гладко выбрит и прилично одет. В течение многих дней Томми наблюдал, как у Денхэма отрастает борода, а одежда стремительно рвется.

– Я вижу, вы тоже в порядке, – слабым голосом сказал Томми. – Черт побери, я доволен. – Он вдруг почувствовал себя ворчливым стариком и хотел принести извинения, но вместо этого вдруг сказал: – Пять измерений – это, мне кажется, чересчур.

Для обычного использования достаточно трех, а для роскошного – четырех. А пять – это уж слишком.

Денхэм озадаченно помигал, а затем усмехнулся. Томми восхитился этим человеком, который так храбро вел себя в экстраординарной ситуации, и внезапно подумал, что Денхэм ему нравится.

– Не так уж и чересчур, – проворчал Денхэм. – Смотрите! – он держал в руке оружие, которое Томми видел в потустороннем мире, жезл из золотистого металла. – Я прихватил его с собой. Тот же металл, из которого их фургон и все оружие. И все инструменты, насколько я знаю. Все это из чистого золота! Они используют в своем мире золото так, как мы используем в своем сталь. Поэтому Джекаро готов был пойти на убийство, чтобы овладеть тайной катапульты. Для этого он и завербовал фон Хольца.

– Откуда вы знаете... – слабым голосом начал было Томми.

– От Смизерса, – ответил Денхэм. – Мы успели вытащить вас обоих, прежде чем лаборатория запылала по-настоящему. С ним тоже все будет в порядке. Эвелин выхаживала вас обоих. Она хотела поговорить с вами, но я сказал, что буду первым ... Вы проделали прекрасную работу, Римес! Вы спасли нас и чуть не убили при этом себя. Смизерс видел, что вы нажали рычаг с тремя пулями в теле. Вы тоже ученый. И вы будете моим партнером, Римес, во всем, что касается пятого измерения.

Томми откашлялся.

– Но как я уже сказал, пятое измерение...

– Мы – это Торговая Компания между Измерениями, – улыбаясь, сказал Денхэм. – Так или иначе, мне кажется, мы многое сможем найти в нашем мире, что обменяем на золото в том. И мы должны торопиться, Римес, потому что Джекаро, конечно же, попытается использовать катапульту вашего типа. С ним еще будут проблемы, но я думаю, что мы сумеем сообщить людям из Золотого Города, кто он такой. Да, теперь мы партнеры. И я уверен, что вы подумаете и согласитесь. Ну, а теперь я пушу к вам Эвелин...

Он исчез. А через мгновение Томми услышал голос – приятный женский голос. Его сердце заколотилось. Денхэм вернулся в комнату, и вместе с ним была Эвелин. Она тепло улыбнулась Томми и неожиданно вспыхнула, когда взгляд Томми остановился на элегантно спортивном костюме, который был на ней.

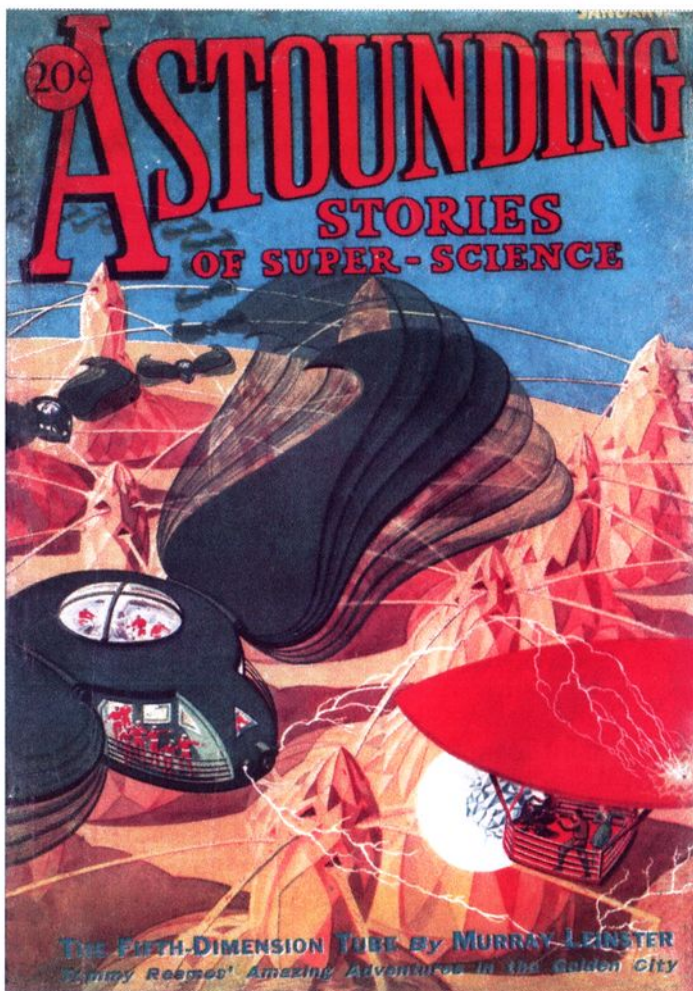
– Моя дочь Эвелин, – сказал Денхэм, – хочет поблагодарить вас...

Томми почувствовал, как мягкая теплая рука легонько сжала его ладонь, и заглянул в глаза девушки, с которой никогда прежде не разговаривал, но ради спасения которой рискнул жизнью, и вдруг понял, что полюбил ее навсегда. Была тысяча вещей, которые он должен сказать ей. Он глядел на Эвелин, он любил ее.

— К-как поживаете? — запинаясь, спросил Томми. — Я уж-жасно рад увидеть вас...

Но ему еще предстояло научиться говорить более разборчиво.

(Astounding Stories of Super-Science, 1931 № 1)

ТРУБА ПЯТОГО ИЗМЕРЕНИЯ

ГЛАВА I. Труба

Генератор ревел и грохотал, наращивая скорость до максимума. Вся лаборатория дрожала от его вибрации. Динамо жужжало и выло, а из-за ночной тишины на улице все эти звуки казались еще оглушительнее. Томми Римес еще раз пробежал взглядом по проводам, ведущим к громадным, уродливым катушкам. Профессор Денхэм склонился над одной из них, потом выпрямился и кивнул. Томми Римес кивнул в свою очередь Эвелин, и она щелкнула тяжелым многополюсным переключателем.

Пошел ток. Все валявшиеся на полу железки, казалось, зажили своей странной жизнью. Вой динамо поднялся до воплей, щетки его окутало голубое пламя. Железки на полу мгновенно намагнитились, поползли друг к другу, и соединились в Трубу трех с лишним футов в диаметре. Труба корчилась и извивалась, постепенно принимая неуклюжую и невозможную на первый взгляд форму, скрежетали друг о друга образовавшие ее детали, и этот скрежет заглушал даже грохот двигателя и вой динамо. Труба продолжала извиваться. Затем раздался странный, почти неслышимый щелчок, и что-то произошло. Часть Трубы исчезла, а на другую ее часть стало почему-то больно смотреть.

Воздух наполнился запахом жженой резины, потому что где-то пробило изоляцию, поплыли толстые пласты дыма. С громовым раскатом отключился плавкий предохранитель, и Томми Римес бросился к генератору. Двигатель остановился в грохоте и дыму. Томми с тревогой глядел на Трубу Пятого Измерения.

Эта Труба была очень важна. Томми Римес и профессор Денхэм собирались пробраться через нее в Иную Вселенную, о чем лишь мечтали люди. Это было важно и по другой причине. В тот момент, когда Эвелин Денхэм щелкнула выключателем, последние выпуски чикагских газет пестрели заголовками о том, что «Король» Джекаро потерял двести тысяч долларов залога, не явившись на суд. «Король» Джекаро был главой чикагской преступности.

Пока Томми с тревогой осматривал Трубу, начальник полиции небольшого городка на задворках штата лихорадочно вызывал по телефону отряд для убийства ящерицы, обнаруженной в процессе пожирания коровы. Ящерица была восьми футов в высо-

The Fifth-Dimension Tube

A Complete Novelette

By Murray Leinster

ту, передвигалась на задних лапах и носила на шее ошейник из чистого золота. А импортеров драгоценных камней в Нью-Йорке уже встревожила информация о наплыве неизвестно откуда взявшихся драгоценностей. Происхождение их было неизвестно. Фактически же ко всему этому имела отношение Труба Пятого измерения, а также Смертоносный Туман. И, хотя поначалу он не считался опасным, теперь все помнят Смертоносный Туман.

Но в настоящее время профессор Денхэм озабоченно уставился на Трубу, его дочь Эвелин дрожала от любопытства, а рыжий парень по имени Смизерс спокойно переводил взгляд с Трубы на Томми Римеса и обратно. Именно он своими руками изготовил большую часть этой штуки и волновался не меньше остальных, но умело скрывал волнение. И никто из них не думал о мире за пределами лаборатории.

Evelyn swayed . . . and the Thing moved!

Профессор Денхэм внезапно пришел в себя. Он был ближе всего к открытому концу Трубы, может, поэтому первый чихнул и начал принюхиваться. Через несколько секунд все в лаборатории ощутили новый запах. Казалось, он исходил из Трубы, это был запах тепла, влаги и гниения, который является непременным атрибутом тропических джунглей. Но в нем были и другие ароматы, тягучие ароматы неизвестных тропических цветов, и в целом он представлял собой смесь чуждую, экзотичную и соблазнительную. Так могло пахнуть на другой планете, в джунглях чуждого мира, куда еще не ступала нога человека. А затем из Трубы послышался какой-то глухой звук.

Он отражался и отзывался в Трубе эхом, но так могло реветь только какое-то большое животное. И этот чудовищный рев становился все громче. А затем его перекрыли вопли — человеческие вопли, дикие вопли, безумные, невнятные вопли истерического

возбуждения и жажды крови. Зверь ревел, воющий хор радостных криков вторил ему. Весь этот шум заполнил лабораторию. А затем послышался звук тупого удара, и шум начал становиться тише, словно его источники удалялись. Зверь ревел, и в реве его явно слышалась мука, а человеческие крики указывали на то, что его преследовали люди.

Все в лаборатории, казалось, очнулись, словно пробудились от кошмара. Денхэм опустился перед Трубой на колени с автоматической винтовкой в руках. Томми Римес заслонил собой Эвелин, держа пистолеты. Смизерс стиснул большой гаечный ключ и с напряженным вниманием глядел на открытый конец Трубы. Эвелин, стоя позади Томми, пыталась сдержать дрожь.

— Не думаю, что есть какие-то сомнения относительно того, куда выходит Труба, — с нотками черного юмора в голосе сказал Томми. — Разумеется, это мир Пятого измерения.

Он улыбнулся Эвелин. Девушка была смертельно бледна.

— Я... помню... я уже слышала такие крики...

Денхэм поднялся на ноги, поставил винтовку на предохранитель и положил ее на скамью рядом с другим оружием. На этой скамье у стены лаборатории лежал уже небольшой арсенал. Большая часть снаряжения годилась, скорее, для экспедиции в дикие земли, чем представляла собой аппаратуру для экспериментов по теоретической физике. На скамье лежали даже противогоазы, а также газовые бомбы со слезоточивым газом.

— По крайней мере, Трубу не заметили, — возбужденно сказал профессор Денхэм. — Кто пойдет первым?

Томми затянул на поясе патронташ, а на шею повесил противогоаз.

— Я, — коротко ответил он. — Не стоит нам раскрывать выход Трубы. Я хорошенько осмотрюсь, прежде чем вылезти.

И он пополз в Трубу.

Труба имела почти три фута в поперечнике, каждая ее секция была по пять футов длиной, и на конце секций находились гигантские соленоиды.

Этот эксперимент проводился не наугад, и нельзя сказать, что мир на другом конце Трубы был совсем неизвестен Томми или Денхэму. Несколько месяцев назад Денхэм создал штуковину, которая сгибала луч света в Пятом измерении, и обнаружил, что может присоединить к этому устройству маленький телескоп и рассматривать совершенно новый, странный мир. Он увидел джунгли из папоротниковых деревьев, чудовищное красное солн-

це, флору и фауну, более подходящую для каменноугольного периода. Но помимо того, он увидел вдалеке город, стены и башни которого, казалось, были покрыты золотом.

После этого профессор разработал катапульту, которая буквально забрасывала объекты в тот невероятный мир. Насекомые, птички и, наконец, кошка совершили такой перелет, и тогда профессор построил стальной шар, в котором можно было попытаться отправиться туда людям. Дочь Эвелин настояла на том, чтобы сопровождать его, а профессор был убежден, что это вполне безопасно. Перелет туда произошел безопасно, а вот с возвращением получилась накладка. Лаборант профессора фон Хольц попросту предал их, сговорившись с главой чикагских гангстеров Королем Джэкаро и убедив бандита в существовании потустороннего мира и золотого города. Золото всегда служило хорошей приманкой, а сам фон Хольц всегда завидовал профессору и хотел завладеть тайной его катапульты. Так что фон Хольц просто отключил устройство, которое должно было вернуть шар с профессором и его дочерью обратно в наш мир. Фон Хольц думал, что получит катапульту, а гангстеру даст пограбить всласть город чужого мира.

Но результат оказался совсем не тем. Фон Хольц не сумел разгадать тайну катапульты, а значит, не мог ни продать ее, ни пользоваться ею сам. В отчаянии он заманил в лабораторию Томми Римеса – таланта, если не гения, в области математической физики, показал ему Эвелин и ее отца, застрявших в джунглях папоротниковых деревьев, и лицемерно попросил о помощи.

Томми согласился сначала из чистого любопытства, которое вскоре стало срочной необходимостью. Людей из Золотого Города было не видно, но появились странные, полубезумные обитатели джунглей, ненавидящие город. Томми Римес беспомощно смотрел, как они обнаружили стальной шар, а потом начал бешено работать, чтобы спасти профессора с дочерью. В процессе работы он не только раскрыл тайну катапульты, но и обнаружил предательство фон Хольца, и с помощью Смизерса, который помогал построить первоначальную катапульту, соорудил новое устройство.

Все закончилось в один безумный день, когда Оборванцы захватили сначала жителя Золотого Города, а затем профессора Денхэма и Эвелин, которые попытались спасти несчастного. Тогда Томми Римес словно обезумел. Он сумел перестрелять Оборванцев из автомата, соединенного с катапультой, а затем придумал, как установить с профессором связь. Проинструкти-

рованный Денхэмом, он вернул отца и дочь на Землю буквально в последний момент. Жаждавшие мести обитатели Золотого Города послали облако смертоносного газа, уничтожившего Оборванцев. Но фон Хольцу удалось связаться с Королем Джекаро, и бандиты совершили набег на лабораторию, унеся с собой пробный образец катапульты и оставив в качестве платы три пули Томми и одну Смизерсу.

Теперь же, используя принцип, заложенный в катапulte, Томми и Денхэм построили большую Трубу, так что Томми, пробиравшийся по ее рифленому нутру, представлял, что увидит на другом конце. В лицо ему дул ветерок, несущий массу незнакомых ароматов. Труба являлась туннелем из нашего измерения в другое, стабильным путем с Земли до странной планеты, похожей на Землю в каменноугольный период, на которой светило жаркое, громадное темно-красное солнце. Томми должен был вылезти из Трубы в лесу папоротниковых деревьев, пышные кроны которых скрывали небо, и где водились не только чудовищные рептилии, как на Земле в далеком прошлом, но и группа полубезумных Оборванцев, очевидно, преступников, судя по той их деятельности, которую Томми уже наблюдал.

Томми добрался до третьего поворота Трубы. К этому моменту он уже потерял всякую ориентацию. Любой объект можно согнуть в двух измерениях лишь под одним прямым углом, а в трех — таких прямых углов может быть два. Из этого следует, что для третьего прямого угла нужно четвертое измерение, а для четвертого угла — пятое. Труба образовывала четыре прямых угла, но поскольку никто на Земле не видел ничего, кроме трех измерений, следовало, что Томми провел Трубу через измерения, которых на Земле не существовало. Короче говоря, он протянул Трубу в иную Вселенную.

Ему стало плохо и затошнило, когда он проходил через третий поворот Трубы, а от четвертого у него закружилась голова. На какой-то миг Томми почувствовал, что у него вообще нет никакого веса. Но тут же он почувствовал, что Труба направилась вертикально вверх, услышал громкий шелест деревьев-папоротников, ощутил пальцами край Трубы и выглянул из нее в мир Пятого Измерения.

Слабый ветерок дул прямо в лицо. Деревья-папоротники возносились над головой на невероятную высоту, и время от времени он видел между их кронами проблески незнакомых звезд. Там были красные звезды и голубые, и Томми заметил двойную звезду. Издалека доносились скотские вопли, там Оборванцы

жарили на кострах мясо, отрезанное от еще трепещущих боков туши чудовищной рептилии.

Что-то пробежало мимо с ноющим звуком. Так мог бы всхлипать человек. Томми был уверен, что он уже слышал подобные звуки. Во всяком случае, это было не опасно, и он огляделся, прислушиваясь, а потом вылез из Трубы и при свете фонаря нарвал с ближайших деревьев широкие листья и тщательно прикрыл ими вход в Трубу. А затем, потому что Труба была построена в научных целях, а вовсе не для приключений, он вернулся в Трубу, закрыл за собой листьями вход и полез обратно в лабораторию.

Трое мужчин и Эвелин работали до самого рассвета, готовя Трубу для постоянного использования. Все это время лаборатория была заполнена тяжелыми ароматами джунглей незнакомо-го мира. Удушливые, сладкие ароматы забивали ноздри, мешая дышать. Их приносил дующий из Трубы ветер. Кроме ветра, в Трубу забралось какое-то насекомое, напоминающее гигантскую моль. Неловко ворочаясь там, оно из-за своих гигантских размеров сломало крыло и, наконец, вылезло в лабораторию, привлеченное ярким электрическим светом. Особенно ужасными были глаза моли, потому что оказались на фасеточными, как у земных насекомых, а очень походили на человеческие и уставились на людей гипнотическим взглядом. Моль выглядела ужасно с человеческими глазами на голове насекомого, и Смизерс убил ее, не задумываясь, содрогаясь от омерзения. Никто не мог продолжать работу, пока они не вытащили из лаборатории эту моль с остекленевшими человеческими глазами. Затем они стали трудиться дальше, принюхиваясь к сладким ароматам чужой планеты и прислушиваясь к доносящимся из Трубы звукам. Оттуда временами доносился рев, то какое-то ворчание, а однажды они услышали высокий, тоненький вскрик, очень далекий, напоминающий крик пораженного насмерть человека.

ГЛАВА II. *Смертоносный Туман*

Томми Римес, стоя на страже у выхода из Трубы, смотрел на восход красного солнца. Папоротниковые деревья над головами казались неясными серыми силуэтами. Разноцветные звезды постепенно бледнели. А над джунглями разгорался темно-красный свет. Это показалось из-за горизонта и постепенно карабкалось на небо здешнее солнце. Томи глядел на этот громадный, тем-

но-красный шар – солнце чужой планеты. Странные мхи обретали в дневном свете форму и цвет, и расцветки их были никогда не виданные на Земле. Томми смотрел, как между деревьями парят какие-то существа. Одни из них были покрыты чешуей, другие – нет, но ни у кого Томми не увидел перьев.

Затем раздался негромкий гудок. Это звонили из лаборатории по телефону, который они принесли к самому выходу из Трубы.

– Смизерс сейчас сменит вас, – раздался в трубке голос Денхэма. – Возвращайтесь. Мы не единственные люди, экспериментирующие с Пятым Измерением. Есть еще Джекаро, черт бы его побрал!

Томми немедленно полез по Трубе в лабораторию. Из-за поворотов, невозможных в трехмерном мире Земли, ему стало плохо, и опять закружилась голова, но Томми лишь мрачно стиснул зубы.

Томми питал серьезный интерес к Джекаро. Помимо полученных от него трех пуль, Томми считал, что должен отплатить Джекаро за кражу его первой катапульты.

На четвереньках он вылез из Трубы в лабораторию. Смизерс улыбнулся ему и полез в Трубу заменить Томми на посту.

– Какого черта происходит? – спросил Томми.

Денхэм мрачно сидел с газетой в руках. Кофе и утренние газеты принесла в лабораторию Эвелин. И лицо у нее было бледное.

– Джекаро научился проходить туда! – рявкнул Денхэм. – Поволок за собой кучу проблем. И выпустил зло на Землю. Читайте – вот тут! – он ткнул пальцем в какой-то заголовок. – И тут... и тут! Вот вам доказательства!

Первый заголовок гласил:

«КОРОЛЬ ДЖЕКАРО СКРЫЛСЯ!»

Дальше шрифтом поменьше было написано:

«Рэкетир, не явившийся на судебное заседание, касающееся неуплаты им налогов, лишился 200 000 долларов залога».

Другой заголовок был не такой крупный:

«УБИТА ЯЩЕРИЦА-ЧУДОВИЩЕ! Ученые утверждают, что гигантский хищник, подстреленный полицейскими, является прямым родичем динозавров!»

– Джекаро не могут найти, – резко сказал Денхэм. – В статье говорится, что он исчез вместе с дюжиной своих подручных. А ведь у него катапульта, которую он похитил у нас. Фон Хольц вполне мог, имея ее в качестве образца, построить свою Трубу в Пятое Измерение. И Джекаро знал о Золотом Городе. Глядите!

Его дрожащий палец ткнулся в фотографию гигантской яще-

рицы, о которой была статья. Она действительно была гигантская. Веревка поддерживала колоссальную, самого зловещего вида голову рептилии, когда несколько человек с винтовками смущенно позировали возле мертвой твари. Ящерица была величиной с лошадь, и ее сходство с вымершими на Земле динозаврами было несомненным даже на первый взгляд. Громадные акульи зубы. Длинный хвост. Но на этой твари был ошейник.

— Оно убило и жрало корову, когда его застрелили, — хмуро сказал Денхэм. — О таких существах сообщают уже не впервые — так написано в статье. Но до этого о них не писали, так как никто в них не верил. Пропало несколько человек. За ними отправился поисковый отряд и обнаружил вот это!

Томми Римес уставился на фотографию. Лицо его тоже стало мрачным. Он вспомнил о звуках, которые совсем недавно услышал из Трубы.

— Нет никаких сомнений откуда они появились. Из Пятого Измерения. Но если Джекаро запустил их сюда — он просто дурак!

— Джекаро не могут найти, — ответил Денхэм. — Вы что, не понимаете? Он мог отправиться в Золотой Город. Ошейник на чудовище — доказательство, что его кто-то сделал. Эти твари пришли к нам через Трубу. Джекаро не пригнал бы их сюда, но кто-то другой вполне мог. У них на шеях ошейники! Кто их послал сюда? И зачем?

Томми сощурился.

— Если цивилизованный человек найдет вход в Трубу, то он поймет, что это вход в искусственный туннель или пещеру...

— А если из нее вылезли такие крысы, как бандиты Джекаро, — перебил его Денхэм, — то почему бы умным людям не послать в нее на разведку таких ящериц, как мы посылаем в крысиную нору хорьков, чтобы уничтожить всю стаю крыс! Вот что произошло! Джекаро пошел по Трубе и напал на Золотой Город. Его жители нашли Трубу. И запустили в нее хищных ящеров...

— А если мы нашли крыс, выходящих из крысиной норы, — очень спокойно продолжил за него Томми, — послали в нору хорьков, а те не вернулись, то мы бы пустили в нору газ.

— Так поступил и Золотой Город, — кивнул Денхэм.

Он показал на развороте газеты сообщение в рамке, набранное двадцатым шрифтом: «ЯДОВИТЫЙ ТУМАН УБИЛ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ». В заметке не было ничего тревожного. Там просто сообщалось, что государственные охотинспекторы нашли много мертвой дичи в районе возле Колтсвилля, штат Нью-Йорк. А на полмили дальше висело облако тумана, который, вро-

де бы, и послужил причиной их смерти. Химики и биологи уже изучают его. Странно, что это облачко тумана не рассеялось, как обычно. Образцы взяли на анализ. Вероятно, этот туман похож на бельгийские выбросы природного газа, которые не раз служили причиной смертных случаев. Туман этот характеризуется тем, что в солнечном свете сверкает всеми цветами радуги. Патрульные предупредили живущих по соседству людей».

— Газы уже пускают, — угрюмо сказал Денхэм. — И я знаю газ, который раскрашен во все цвета радуги. Его использует Золотой Город. Выходит, мы должны найти Трубу Джекаро и запечатать ее, а то лишь Богу известно, что из нее выйдет потом. Я ухожу, Томми. Вы со Смизерсом останетесь охранять нашу Трубу. Взорвите ее в случае необходимости. Я свяжусь с властями в Олбани, мы отыщем Трубу Джекаро и уничтожим ее.

Томми кивнул, взгляд его был задумчивым. Денхэм поспешно ушел.

Через несколько минут они услышали шум автомобиля, несущегося по длинной дороге от лаборатории. Эвелин попыталась улыбнуться Томми.

— Все это кажется очень опасным, — задумчиво протянул Томми и пожал плечами. — Эти новости устарели. Газета напечатана вчера вечером. Думаю, нужно сделать несколько междугородних звонков. Если все это сотворили обитатели Золотого Города из-за Джекаро, то плохо будет всем нам.

Он пошарил взглядом, нашел легкую винтовку, вложил ее в руки Эвелин и пошел из лаборатории в жилой дом к телефону. Когда он вышел на улицу, обычные земные запахи показались ему странными и непривычными. Лаборатория вся пропиталась запахами папоротникового леса, в который выходила Труба. И Смизерс стоял теперь у ее открытого конца, глядя на пейзаж, напоминающий лес каменноугольного периода.

Томми сделал ряд звонков, понимая, что все его и Денхэма планы рушатся из-за тупого самоуправства Джекаро. После каждого звонка он все лучше понимал размах катастрофы. Первые полосы нью-йоркских газет уже были забиты сообщениями об облаке тумана в провинции.

Ранние утренние выпуски называли его «ядовитым туманом». Выпуски после ленча говорили об этом, как о «тумане яда». Но сообщения о нем все росли, и, когда Томми получил по телефону последние сведения, это уже называлось Смертоносным туманом, и газеты уже выпустили о нем три экстренных выпу-

ска. В опасный район стягивались патрули. К десяти часам появилась необходимость привлечь транспортную полицию, чтобы блокировать дороги. В одиннадцать облако тумана начало перемещаться. Двигалось оно очень медленно, но было сразу же замечено, что его движение не зависит от направления ветра.

В двенадцать тридцать произошел первый несчастный случай. К тому времени полиция отчаянно пыталась остановить наплыв туристов и любопытствующих. Смертельный Туман занимал уже больше квадратной мили. Он не касался земли, нигде не поднимался выше пятидесяти-шестидесяти футов и переливался всеми цветами радуги. Двигался он со скоростью от десяти до двадцати миль в час. И на пути он убивал бесчисленных птиц, кроликов и других мелких зверьков, чьи тела потом находили скрученные ужасными судорогами. Но до двенадцати тридцати, насколько было известно, среди людей жертв еще не случилось.

Но туман продолжал перемещаться, гоня за собой ветерок. Он дошел до шоссе, которое перекрывали полицейские на автомобилях, совершившие буквально чудеса, освободив дорогу от орды зевак на машинах. Потом туман направился к сосновому лесу. За ним тянулся утончающийся слой пара – плотного, белого пара, летящего, казалось, стремительно, пытаясь догнать основную массу. Когда слой пара пересекал шоссе, он был толщиной в десять футов, затем уменьшился до шести, до трех...

Туман был уже толщиной не больше фута, когда автомобиль с зеваками сделал попытку проехать по нему, как по воде. До тумана им оставалось около сотни ярдов, так что у них была возможность набрать скорость.

Автомобиль проехал через туман ярдов десять, прежде чем сказался эффект от его вторжения. Туман, разорванный несущейся машиной, бешено закружился позади нее. Пассажиры восторженно завопили. Один из газетчиков успел сделать в этот момент снимок. На нем был виден водитель с глупой усмешкой на лице, сжимающий рулевое колесо и, очевидно, изо всех сил давящий на акселератор. Раздались веселые крики – но тут же наступила полная тишина.

Автомобиль несся вперед. Дорога делала пологий поворот, но машина и не подумала повернуть. Она слетела с дороги, перевернулась, и тишину нарушал лишь рев ее двигателя. Слой Смертельного Тумана продолжил свой путь, спеша за основным разноцветным облаком. Облако летело вперед, не обращая ни на что внимание, словно вслепую. Пилотам кружащих над ним самолетов оно показалось похожим на слепое животное, которое

тычется в разные стороны, в поисках выхода из клетки. Но, разумеется, Смертоносный Туман был не живой.

Точно так же, как пассажиры перевернувшегося автомобиля.

Войдя в лабораторию, Томми застал Эвелин в процессе подготовки к вылазке в чужой мир.

– Смизерс позвонил, – встревоженно сказала она. – Он говорит, что-то движется...

Пронзительно зазвенел телефон. Томми взял трубку.

– Хорошо, что вы вернулись, – послышался спокойный голос Смизерса. – Похоже, мне придется отступать. Оборванцы что-то затевают. Будьте готовы, да?

– Мы ко всему готовы, – заверил его Томми.

Затем он быстро проверил винтовки, автомат, гранаты и противогазы. Один противогаз вручил Эвелин. У Смизерса был свой. Затем стал ждать у отверстия Трубы.

Из нее дул теплый, благоухающий различными ароматами ветерок. Напрягая слух, Томми улавливал шум ветвей папоротниковых деревьев, шелестящих на ветру. Слышал он и звуки, создаваемые Смизерсом, который полз по Трубе. А затем он уловил какой-то далекий, невнятный шум. Он шел из Трубы и был частично заглушен Смизерсом. Это был какой-то неровный гул, через который то и дело прорывались слабые крики. И он явно приближался. Затем Томми услышал, как Смизерс заворочался, словно разворачиваясь в Трубе. Это могло означать лишь одно – Смизерс полез обратно в джунгли мира Пятого измерения.

Шум уже почти что превратился в рев, и звуки, производимые Смизерсом стали не слышны. Крики же стали более громкими и безумными. Затем внезапно раздался звук выстрелов, и чей-то голос прокричал:

– О, Боже!

Волосы поднялись дыбом на голове Томми. Затем снова из дальнего конца Трубы послышались выстрелы, а затем послышался спокойный голос Смизерса:

– Это... Ну... Все в порядке, мистер Римес. Не волнуйтесь.

Снова раздалась очередь из автоматического пистолета. Им вторили крики и завывания. Затем топот ног, словно убегали какие-то люди. И что-то, постукивая, полезло по Трубе.

– Уходите. Я задержу их, – в голосе Смизерса послышались какие-то мурлыкающие ноты.

Затем раздался отдельные выстрелы, пока что-то шумно ползло по Трубе, заполняя ее и приглушая звуки пальбы.

Потом сухо защелкали выстрелы из газового пистолета. Томи сделал пару шагов назад от Трубы, стиснул челюсти и приготовил оружие, а из Трубы выполз исцарапанный, кровоточащий, тяжело дышащий и явно пораженный ужасом человек в обычном костюме и встал на четвереньки на полу.

Эвелин негромко вскрикнула со смесью отвращения и ужаса. Потому что человек, появившийся из мира Пятого Измерения, был весьма им знаком. Высокий, и без того худощавый, а теперь еще и немощный, со слезящимися за толстыми линзами очков глазами и толстыми, красными губами. Звали его фон Хольц, прежде он был лаборантом профессора Денхэма, пока не предал его и Эвелин за деньги, которые предложил ему Джекаро. Выглядел он жалко и одновременно страшно. Весь исцарапанный, с покрасневшей, словно обгоревшей на солнце кожей. Он был измучен и что-то униженно бормотал, потом вдруг осел на полу трясущейся от рыданий кучкой.

Из Трубы появился Смизерс с неприятным удовлетворением на лице.

– Я отогнал Оборванцев слезоточивым газом, – с неестественным спокойствием сказал он. – Какое-то время они нас не потревожат. Я всегда хотел свернуть шею этому парню. И думаю, что сейчас сделаю это.

– Только после того, как я побеседую с ним, – жестко сказал Томми. – Они с Джекаро начали баловаться с катапультой, которую украли у меня. Он нужен мне живым, чтобы рассказать, как прекратить все это. Говорите, фон Хольц! Быстрее начинайте говорить, или можете лезть обратно в Трубу к Оборванцам!

ГЛАВА III. *Джунгли папоротниковых деревьев*

Томми глядел, как уезжает машина Смизерса. Солнце клонилось к западу, и автомобиль поднимал облачко пыли, мчась по единственной длинной и узкой дороге, ведущей от лаборатории. Она была специально построена в уединенном месте, но сейчас Томии много бы дал за то, чтобы поблизости жили люди. Смизерс повез фон Хольца в Олбани, чтобы добавить его информацию к сообщению профессора Денхэма. Денхэм сам попросил об этом, когда они, после часовых усилий, смогли разыскать его по телефону. Смизерсу пришлось торопиться, потому что фон Хольц был весьма плох, а Эвелин наотрез отказалась поехать с ними.

– Если я останусь в лаборатории, – уперлась она, – то вы мо-

жете пойти туда, а я взорву Трубу, если в нее полезут Оборванцы. Но...

Томми не нравился этот план, но он был беспомощен. Труба была опасна. Через нее могли пробраться в наш мир опасные хищники, а также еще более опасные люди. У Смизерса уже была стычка с Оборванцами. Он отогнал их, но они наверняка вернутся. Может, даже скоро, а может, Денхэм и Смизерс успеют приехать до того. И даже не считая Оборванцев, из второй Трубы могли появиться неизвестные еще опасности – пока что несомненными фактами были хищные ящерицы и Смертоносный Туман, – так что ее нужно было ликвидировать. Но Трубу в лаборатории нельзя было разрушать, разве что ее защита не станет невозможной.

Томми связал все необходимое в тугой узел, чтобы протиснуться с ним в Трубу: автомат, запасные магазины, газовые гранаты и с полдюжины боевых гранат. Что мог, он рассказал по карманам. Эвелин наблюдала за ним с несчастным видом.

– Ты... Ты будешь осторожен, Томми?

– А как же, – сказал Томми и успокоительно улыбнулся. – Ничего трудного мне не предстоит. Я буду сидеть в засаде, а если что, устрою им такой фейерверк, что они тут же разбегутся.

Он повесил на шею противогаз и подошел к Трубе. Эвелин коснулась его руки.

– Я... Томми, я боюсь.

– Чепуха! – сказал он. – Еще чего не хватало! – Он обнял ее и стал целовать, пока она не улыбнулась. – Теперь тебе лучше? – спросил он, наконец.

– Д-да...

– Вот и славненько! – и Томми опять улыбнулся. – Когда снова почувствуешь страх, просто позвони мне по телефону, и я тебя успокою.

Но улыбка Эвелин исчезла, как только он скрылся в Трубе. Да и лицо самого Томми стало серьезным, когда девушка не смогла его видеть.

Ситуация была весьма сложной. Эвелин согласилась выйти за него, и Томми пытался поддерживать ее веселое настроение, но он жалел, что она не находится за тысячу миль отсюда.

Он попытался ползти по Трубе бесшумно, но связанное в узел оружие стучало друг о друга и звякало. Ему показалось, что прошли часы, прежде чем он добрался до последней секции, выходящей в папоротниковые джунгли. Приготовив оружие, он осторожно выглянул из Трубы. На Земле была уже ночь, но здесь

чудовищное, тускло-красное солнце только начало клониться к горизонту. Оно очень медленно, но все же опускалось, и разноцветный лес постепенно становился серым. Наверху, сквозь кроны папоротников, мелькали какие-то летающие существа. Одно из них Томми разглядел чуть получше, когда оно пронеслось над прогалиной. Оно было похоже на снаряд с головой ящерицы и зубастой пастью. Сначала Томми показалось, что у него вообще нет крыльев, но потом существо на секунду развернуло широкое крыло, сделало всего один взмах и снова полетело вперед сквозь путаницу ветвей, как снаряд.

Томми внимательно глядел по сторонам. Сгущалась темнота, и он, немного поразмыслив, прикрепил к автомату мощный фонарик. Если его включить, он осветит цель, находящуюся на одной мушке с лучом фонарика, и останется лишь нажать курок. Гранаты он удобно разместил в устье Трубы, и только тогда успокоился.

Все эти приготовления были необходимы. Рассказ фон Хольца подтвердил предположения Томми и Дехэма, и даже их худшие опасения стали казаться теперь оптимистичными. Фон Хольц, все же разобравшись в украденной у Томми катапульте, построил для Джекаро Трубу. Она была закончена месяц назад. Но по завершении той Трубы, из нее не проникли никакие ароматы джунглей. Труба открылась в полуподвальном помещении какого-то здания в Золотом Городе, городе башен и высоченных шпильей, который Денхэм открыл за несколько месяцев до этого. По чистому везению, она открылась в редко используемом складе, где в свете фонарей на стенах сновали какие-то мелкие твари — эквивалент земных крыс.

Целых два дня Джекаро и его бандиты вели себя тихо в мире Пятого Измерения. Две ночи они делали осторожные вылазки. На вторую ночь им пришлось убить двух человек, заметивших их. Те были застрелены из пистолета с глушителем, так что не поднялось никакой тревоги. Третью ночь они пролежали неподвижно у выхода Трубы, опасаясь засады. А на четвертую Джекаро нанес удар.

Он и его люди вернулись в Трубу, нагруженные награбленными драгоценностями. Добыча была гораздо больше, чем они смели надеяться, хотя во время ограбления им пришлось убить еще нескольких местных жителей. Золотой Город был невероятно богат. А недра мира Пятого Измерения, казалось, имели совсем другой состав, нежели на Земле. Обычные на Земле ме-

таллы были здесь редки или вообще неизвестны. Зато редкие металлы Земли были явно дешевыми в Золотом Городе. Даже крыши здесь, казалось, были покрыты золотом, но в кольце, которое они сняли с пальца убитого, была железная печатка.

Фон Хольц сопровождал налетчиков в каждой вылазке. Подшипники для двигателей из драгоценных камней, самые различные предметы быта, сделанные из золота, тонкого почти до прозрачности, Промышленные слитки серебра, катушка платинового провода странного сечения, такая тяжелая, что унести ее смогли лишь вдвоем — все это бандиты тащили в свою крысиную нору. Они совершили пять набегов и застрелили двадцать человек, прежде чем начались неприятности. В шестой раз они напоролись на засаду.

Вспышки невероятно яркого пламени вылетели из направленных на них странных винтовок, а маленькие, похожие на жезлы предметы выплонули парализующие удары тока. Двенадцать гангстеров отбивались с отчаянием загнанных в угол крыс, стреляя из автоматов длинными очередями и не жалея патронов.

Все решила случайная пуля. Одна из изрыгающих пламя винтовок разлетелась вдребезги, поливая своих и врагов чем-то вроде жидкого термита. Путь отступления к Трубе был перекрыт. Известный им маршрут стал хаосом из мертвых тел и горящего металла. Термит растекался во всех направлениях, поджигая все на своем пути. Джекаро и его подручные сбежали, прорвавшись через остатки засады. Шестеро выживших бандитов наткнулись на человека, сонно ведущего наземную машину на двух колесах. Они пристрелили водителя и забрали машину. Но на нее поместились лишь трое, и Джекаро, ни на секунду не колебавшись, предоставил остальным выбиратья самим, в том числе и фон Хольцу.

Сколько-то времени фон Хольц, сумевший убраться из Города, блуждал в джунглях, окончательно заблудился, а потом его поймали Оборванцы. В этом месте его рассказ стал совсем невнятным. Можно было лишь понять, что Оборванцы не убили его сразу — и почему бы это? — а потащили с собой к Трубе, которую охранял Смизерс. Тот автоматными очередями и газовыми гранатами разогнал нападавших, освободив при этом фон Хольца. Дальнейшее Томми знал уже сам...

Звонок телефона, установленного у выхода Трубы, оторвал Томми от размышлений.

— Мне страшно, — слышался в трубке голос Эвелин. — Можно, я приду к тебе? Ну, хоть ненадолго? Заодно принесу тебе за-

втрак...

Позавтракав вместе с Томми в устье трубы, Эвелин не спешила уходить. Ее отец и Смизерс еще не вернулись, и ей было страшно сидеть одной в лаборатории. Томми нехотя согласился, чтобы она еще немного побыла с ним, но потом они обнялись, принялись целоваться, и его нежелание начало улетучиваться.

В мире Пятого Измерения уже совсем стемнело, так как смена здесь дня и ночи не соответствовала земным, и, невзирая на мощный отвлекающий фактор в виде поцелуев Эвелин, Томми внезапно показалось, что он слышит какие-то отдаленные звуки. Оборванцев разогнал выстрелами Смизерс, но они могли вернуться. Или они могли объединиться с Джекаро и его бандой. Если эти звуки производили люди, то...

Эвелин внезапно освободилась из его объятий, повернулась к нему спиной и стала вглядываться в темноту. Томми тоже прислушивался, не говоря ни слова. Но внезапно Эвелин с силой толкнула его в плечо. Томми отлетел на пару шагов, а когда обернулся, Эвелин уже вылезла из трубы и уходила куда-то в темноту!

– Эвелин! Эвелин! – рискнул позвать ее Томми, ничего не понимая.

Она не остановилась, даже не обернулась. Томми включил фонарь на своем автомате и тоже выпрыгнул из Трубы. Луч света вырвал из темноты гибкую фигурку Эвелин, уходящую в джунгли. А затем сердце Томми буквально остановилось. Он увидел в темноте глаза, огромные, чудовищные, немигающие глаза, между которыми было чуть ли не пол ярда, и сидели они явно на громадной голове. Томми не мог стрелять. Потому что Эвелин была как раз между ним и этой тварью. Глаза чудовища пылали захватывающим, гипнотическим, безумным огнем...

Эвелин внезапно заколебалась, остановилась, и тварь двинулась к ней. Томми рванулся вперед, крича, как сумасшедший. Но его нога попала на какой-то невидимый в темноте гриб, Томми поскользнулся и упал, не выпуская из рук автомата. Луч фонаря вырвал из темноты лицо Эвелин, лицо, полное растущего ужаса. Девушка освободилась от гипнотического влияния твари и прокричала его имя.

Тогда громадная лапа ящерицы метнулась вперед и захватила ее тело. Эвелин опять закричала. И Томми Римес вдруг успокоился, стал смертельно спокоен. Он лежал в липкой слизи раздавленного гриба, но оружие сумел сохранить чистым. Фонарь осветил ужасное, до неприличия толстое тело и длинный кони-

ческий хвост. Томми прицелился в основание хвоста и, молясь про себя, нажал на курок.

Из дула автомата вырвалось пламя. Свистнули разрывные пули. Тварь ужасно закричала. Ее крик был хриплым и пронзительным. В свете фонаря было видно, как она пошатнулась, держа в передней лапе Эвелин примерно так, как ребенок держит куклу.

Томми встал на ноги. Стиснув челюсти, чувствуя в груди холодный ужас, он прицелился в голову с ужасной, полной острых зубов пастью, возвышающуюся над Эвелин. Он не мог целиться в сердце, потому что его заслоняло тело девушки. Опять прозвучала очередь. Нижняя челюсть твари буквально разлетелась на куски. Тварь должна была умереть уже дюжину раз.

Но она лишь закричала, оглашая джунгли своими воплями, затем побежала, продолжая вопить, прижимая Эвелин к своей чешуйчатой груди.

ГЛАВА IV. *Мир Пятого Измерения*

Томми в отчаянии ринулся в погоню. Эвелин крикнула еще раз, пока ревущая тварь бежала с ней, оглашая джунгли жалобными протестами, от которых содрогались папоротниковые деревья. Один раз она даже попыталась прыгнуть на своих чудовищных задних ногах, но потеряла равновесие, и чуть было не упала. Разрывные пули автомата Томми разбили кости, поддерживающие толстый хвост, нужный ей для баланса. Теперь этот хвост тащился за ней, как мясистое бревно, так что тварь не могла совершать обычные прыжки, покрывающие сразу много ярдов. Она неуклюже ковыляла, издавая вой и прижимая к себе Эвелин. Челюсть ее также была разбита, и она ломилась в темноту джунглей, а Томми Римес бешено преследовал ее.

В обычном состоянии тварь оторвалась бы от него за считанные секунды. И даже теперь, раненая, она стремительно мчалась вперед. Чешуйчатая, похожая на утиную голова поднималась на двадцать футов выше над устилающими землю листьями папоротниковых деревьев. Ее чудовищные задние лапы с каждым шагом покрывали несколько метров.

Томми запнулся и снова упал, а когда поднялся, вой твари уже слышался издалека. Он безумно помчался на звук, режа лучом фонаря, точно мечом, окружающую темноту. На пределе дальности света он заметил чешуйчатую, покрытую бородавками морду чудовища. Тварь двигалась быстрее, чем он. Томми беспо-

мощно выкрикивал проклятия и бежал на пределе сил, перепрыгивая через упавшие стволы папоротниковых деревьев и плюхая по мелким лужам, разгоняя каких-то местных обитателей. Он бежал, задыхаясь, а тварь, уносившая Эвелин, становилась все дальше, и от этого в груди Томми разливался ледяной холод.

Через пять минут Томми уже совсем выдохся, между ним и тварью было не менее полумили. Через десять он совсем лишился сил, а вой, который издавало ковыляющее чудовище, начал слабеть. Через пятнадцать Томми уже едва его слышал сквозь хрипы собственного дыхания в груди. Но он продолжал бежать, не думая об опасностях, которые могли подстергать его в ночных джунглях.

С одного ствола поваленного дерева он прыгнул на то, что показалось ему другим стволом, но тут же ощутил под ботинком нечто живое, широкое, сердитое и неистово шипящее. Что-то помчалось от него, треща упавшими сучьями, а Томми поднялся на ноги. Ругаясь, молясь и рыдая.

И тут его внезапно бросило в пот. Дыхание выровнялось, бежать стало легче. Это пришло второе дыхание. Больше Томми не чувствовал себя обессиленным. Напротив, ему казалось, что может бежать, сколько угодно, и он не стал тратить времени. Внезапно он увидел в луче фонаря глубокую борозду гниющей растительности под ногами, в которой что-то блестело. Muskusный запах ударил ему в нос. Это был запах твари, а борозда – след от волочащегося за ней хвоста! Блестела же кровь, кровь, текущая из ран, нанесенных разрывными пулями. Кровь хлестала из ран, пока тварь ковыляла по джунглям, дико завывая.

Томми почувствовал, что еще пять минут – и он нагонит ее. Он был уверен в этом. Но прошло еще полчаса, прежде чем он настиг раненое чудовище, бредущее вперед, точно безумный автомат, высоко подняв искалеченную утиную голову. Колоссальные ноги двигались все медленнее, а в хриплом вое слышалась мука.

Руки у Томми дрожали, но мысли были ужасающе холодны. Он обогнул воющее чудовище и встал у него на пути. Он увидел Эвелин, по-прежнему прижатую к чешуйчатой груди твари, и послал очередь разрывных пуль в гигантский, толщиной в фут, голеностоп.

Чудовище свалилось, замахав гигантскими, как у ящера, лапами в стремлении удержать равновесие. Эвелин полетела куда-то в сторону. А Томми, стоя один в темноте каменноугольных

джунглей на чужой планете, посылал пулю за пулей в содрогающееся, обмякшее тело твари. Пути разрывались внутри ее. Вырывались фонтанчики темной, издающей резкую вонь крови. Тварь умирала постепенно, как детонируют по очереди взрывающиеся гранаты.

Затем Томми пошел искать Эвелин. Он был вне себя от горя. У него не было ни малейшей надежды, что она могла остаться живой. Но когда он поднял ее, она тихонько застонала, а когда прокричал ее имя, она вцепилась в него с такой же мучительной, как страх, благодарностью.

Несколько минут они оба не могли думать ни о чем, кроме того, что она в безопасности, и они снова вместе. Затем Томми сказал, пытаясь прийти в себя:

— Я... Я догнал бы тебя быстрее... если бы был на роликовых коньках. — Усмешка его была совсем неестественной. — Но почему ты вышла из Трубы?

— Эти глаза! — Эвелин вздрогнула и прикрыла собственные глаза, уткнувшись лицом в плечи Томми. — Я внезапно увидела, как они глядят на меня. И я... не могла сопротивляться. Никто бы не смог! Я лишь чувствовала, как выхожу из Трубы и иду к нему. Это было так же, как загипнотизированная мышка сама идет к змее...

Ветерок дунул в их сторону, принесся вонь мертвой твари. Томми шевельнулся.

— Тьфу! Нужно убираться отсюда. Сюда наверняка придут другие твари, питающиеся падалью, почуяв этот запах.

Эвелин с трудом поднялась, цепляясь за его руку.

— Ты думаешь, что сможешь найти Трубу?

Томми уже подумал об этом и криво усмехнулся.

— Вероятно. Пойдем по следу проклятой твари, если только не сдохнет батарея фонарика. Ее хвост проделал там такую колею...

Они пошли назад. Эвелин буквально забыла, как страдала в лапах чудовища. Его покрытое бородавками тело было дряблым и мягким. Она задыхалась, прижатая к его груди, зато не получила никаких ран, кроме больших фиолетовых синяков, которые все еще продолжали расти. Она храбро шагала за Томми, ее потребность действовать являлась реакцией на пережитый ужас.

Они шли довольно долго. Минут через пятнадцать после того, как они отошли от трупа убитой Томи твари, услышали позади какое-то ворчание и приглушенную возню. Но потом все замер-

ло. Они уже дошли до места, где Томми прыгнул на какую-то зверюгу, приняв ее за бревно. Той уже не было и в помине, но в гниющей растительности на земле остался отпечаток тела. Оно действительно было не меньше бревна в толщину. Эвелин содрогнулась, когда Томми показал на него.

– Оно было большое, – с сожалением сказал Томми. – Я не успел даже как следует разглядеть ее. Как и она меня. Наверное, я был... О, Господи! А это еще что?

Впереди вдруг вспыхнул свет. Вспышка была яркой, почти ослепительной. Она озарила джунгли, словно копыта пламени пронзили воздух, осветив все вокруг до последнего листочка. Затем послышался отдаленный взрыв. Безошибочный взрыв пироксилина расколол воздух и прокатился, отражаясь эхом, по джунглям. Затем раздались высокие вопли, в которых слышалось нечто вроде истеричного ликования. Эти безумные завывания продолжались несколько минут. Эвелин вздрогнула.

– Оборванцы, – очень спокойно сказал Томми. – Они вернулись к Трубе, и выстрелили в нее из огненного оружия, наверное, захваченного в Золотом Городе. Это был взрыв гранат, которые я оставил в Трубе. Я... Труба взорвана, Эвелин.

Она тяжело дышала, молча глядя на него.

– У нас остался автомат, – коротко сказал Томми, – и патроны. Бесплезно идти к Трубе ночью. Это было бы опасно. Нужно дожидаться рассвета.

Он нашел убежище там, где стволы папоротниковых деревьев росли близко друг к другу и образовывали закрытую с трех сторон пещеру без крыши. Томми мрачно сидел, ожидая рассвета. В голове у него шевелились тяжелые мысли. В мир Пятого Измерения вело две Трубы. Вторая была сделана для Джекаро и его бандитов. Через одну были пущены на Землю хищные ящеры и Смертоносный Туман. Другая Труба была теперь взорвана или, что еще хуже, оказалась в руках Оборванцев. В любом случае, Томми и Эвелин были отрезаны от Земли, оказавшись на чужой планете в чужой Вселенной. Попасть в руки Оборванцев означало умереть ужасной смертью, да и Золотой Город не приветствует обитателей мира, из которого пришли Джекаро и его банда. Представителям здешней цивилизации набеги Джекаро могли показаться вторжением, началом военных действий со стороны жителей Земли. И люди Земли показались бы им врагами. Жителям Золотого Города не с чего было думать, что Джекаро просто бандит и преступник. Напротив, он показался бы им разведчиком, шпионом, за которым хлынут орды захватчиков.

Вокруг простиралась длинная ночь, усиливая мрачную безнадежность Томми. Оборванцы будут охотиться на них в виде спортивного развлечения и из ненависти ко всем нормальным людям. Обитатели Золотого Города будут беспощадны к соотечественникам Джекаро. А у Томми была Эвелин, о которой нужно заботиться.

Когда наступил рассвет, Томми постарался успокоиться. Эвелин резко проснулась, тяжело дыша и со страхом оглядываясь вокруг. Затем она попыталась храбро улыбнуться.

— Доброе утро, Томми, — бодро сказала она и добавила, стараясь выглядеть, как всегда. — Куда мы направимся?

— Нужно осмотреть Трубу, — ответил ей Томми. — Все-таки есть небольшая возможность...

Он пошел первым, как и ночью, держа наготове оружие. Около получаса они шли по просыпающимся джунглям. Затем, Томми провел много времени в зарослях, пытаясь найти следы живых людей, прежде чем рискнуть выйти к обломкам Трубы. Живых он не обнаружил, нашел лишь два трупа. Вида их скотских, порочных физиономий было достаточно, чтобы прекратить хоть сколько-нибудь сожалеть об их смерти.

Труба была разрушена. Устье ее разнесло взрывом оставленных внутри гранат. Частично металл был расплавлен, должно быть, термитом. Дальше вместо Трубы был кратер футов в пятнадцать, вокруг которого были разбросаны куски металла. Здесь проходил первый изгиб Трубы. Томи мрачно оглядел место катастрофы. На глаза ему попала пара медных проводов с сожженной изоляцией, уходящих куда-то в землю возле кратера. Томми взял их в руки, и укол тока заставил его сердце подскочить в груди. Томми мрачно улыбнулся и начал касаться ими друг друга. Точка, точка, точка — тире, тире, тире — точка, точка, точка. SOS. Если бы только был кто-то в лаборатории...

Его руку уколол ток. В лаборатории кто-то был и звонил по телефону! К нему подошла Эвелин с решительным лицом.

— Томи, нет никаких надежд? — спросила она. — Я только что нашла телефон, довольно разбитый. Не думаю, что он нам пригодится...

— Тащи его сюда, — лихорадочно выкрикнул Томми. — Ради Бога, тащи его сюда! Телефонные провода не порваны. Если аппарат работает...

Аппарат не работал. Он был раздавлен и явно бесполезен. Дифрагма приемника порвана, микрофон раздавлен. Томми отчаянно попытался собрать его, затем подсоединил провода.

– Алло, алло, алло!

Ему ответил голос Смизерса, напряженный и взволнованный:

– Мистер Римес! Слава Богу! Что произошло? С мисс Эвелин все в порядке?

– Пока что да, – ответил Томми. – Слушайте! – и он коротко пересказал события последних часов. – Ну, а теперь, что там на Земле?

– Сущий ад! – с горечью воскликнул Смизерс. – Сущий ад! Облако Смертоносного Тумана стало уже две мили в поперечнике и продолжает движение. В четырех городах объявлено военное положение, оттуда эвакуируют людей. Утром погибло еще тридцать человек. А профессора принимают за сумасшедшего, никто не желает его выслушать!

– Черт побери! – воскликнул Томми и мрачно задумался. – Послушайте, фон Хольц должен был их убедить.

– Он потерял сознание прежде, чем я добрался до Олбани, и находится теперь в больнице. У него какая-то лихорадка, совершенно неизвестная врачам. Словом, настоящий ад!

Томми стиснул зубы. Положение было даже хуже, чем он предполагал.

– Мы с Эвелин не можем здесь оставаться, Смизерс, – сказал он помощнику. – Оборванцы могут вернуться, а прежде чем профессор построит новую Трубу, пройдет не одна неделя. Я попробую добраться до Золотого Города и как-то объяснить им, что надо уничтожить Смертоносный Туман.

Смизерс издал какой-то невнятный звук.

– Передайте профессору, что, если он сможет найти трубу Джекаро, то пусть как-то постарается наладить через нее связь. Так или иначе, мы должны остановить Смертоносный туман. И мы не знаем, что они могут испытывать еще.

Смизерс попытался что-то сказать, но не смог, так как у него слова застряли в горле. Он поклонялся Эвелин, а она оказалась во враждебном мире, гораздо более недостижимом, чем если бы он находился в миллиардах миль от Земли. Наконец, он сказал, запинаясь:

– Мы постараемся... мистер Римес. Мы придем за вами, даже если будет уничтожено полмира.

– Постарайтесь попасть в Золотой Город, и принесите дополнительное снаряжение. Первым делом, магазины для автоматов с разрывными пулями. До свидания.

Он отсоединил провода от разбитого телефона и рассовал его обломки по карманам. Эвелин в это время что-то собирала на

земле.

– Я нашла немного патронов, Томми, – сдержанно сказала она. – И пистолет, вроде бы, целый.

– Тогда будь начеку и хорошенько прислушивайся, – скомандовал Томми. – А я пока пошарю вокруг.

Примерно с получаса он обыскивал все вокруг разрушенной Трубы. Нашел какую-то штукину на колесах, которую отбросило от Трубы во время взрыва. Наверняка это была машина, распыляющая огненные струи. Набил оба кармана патронами. Нашел запасной магазин для автомата, почти полный. Больше тут ничего не было.

– А теперь, – оживленно сказал он, – в путь! Я догадался, как нам отыскать дорогу через джунгли. Мы найдем поляну и попытаемся разглядеть с нее Золотой Город, или увидим, в каком направлении летят самолеты. Они там начали войну с Землей. Они все поняли неправильно, и мы должны им объяснить. Ладно?

Эвелин кивнула, затем протянула к нему руки, маленькая, храбрая девушка среди невероятных зарослей чужого мира.

– Я рада, Томми, – медленно сказала она, – что мы... что нас двое, что бы ни случилось. Смешно, верно?

Томми поцеловал ее лицо, на котором появилась неуверенная улыбка.

– Будет смешно, когда все закончится, – сказал он, слегка стыдясь своих эмоций. – А теперь надо идти.

Пока они шли, Томми наблюдал за солнцем и старался не отклоняться от прямой линии. Через три мили джунгли внезапно кончились. Почва под ногами стала упругой, словно покрытой толстым ковром, и полого уходила в огромное парящее болото, над которым висело жаркое, темно-красное солнце. Болото было полускрыто туманом и, казалось, тянулось до самого конца мира. Но сквозь верхние слои тумана, не такие плотные, они увидели смутный силуэт города: высокие башни и шпили, изящные и совершенные здания неизвестной на Земле архитектуры. Стены и крыши города слабо светились золотистым оттенком, словно были покрыты золотыми пластинами и отражали лучи здешнего солнца.

– Золотой Город, – сказал Томми, взглянул на ужасное болото, лежащее перед ним, и сердце его упало.

А где-то неподалеку послышалось вдруг завывание. Из зарослей выбежал полуголый человек и тут же скрылся обратно. Тут же появились еще двое, которые скакали и вопили в безумном

ликовании, тыча руками в сторону Томми и Эвелин.

– Они увидели наши следы у Трубы и пошли по ним, – с горечью воскликнул Томми. – Какой же я дурак! Они же заметили нас!

Он схватил Эвелин за руку и побежал. В ста ярдах от них был невысокий бугорок, покрытый листьями папоротниковых деревьев. Едва они добежали до него, как из джунглей выскочила толпа полуголых людей, прыгающих, вопящих и делающих в сторону беглецов какие-то жесты.

– Мы дадим бой, – мрачно сказал Томми. – По крайней мере, здесь открытое место. Мы будем драться и, вероятно, здесь и умрем. Но сначала...

Он опустился на одно колено и прицелился в бородатого человека, который взмахивал блестящей, похожей на жезл дубинкой, которая была, вероятно, не просто дубинкой. Затем он выстрелил.

Пуля попала скачущему Оборванцу прямо в грудь. И дубинка его взорвалась.

ГЛАВА V. Схватка в болоте

В ТЕЧЕНИЕ следующей пары часов Оборванцы дважды набирались храбрости и шли в атаку. Они мчались по подсохшему илу, как сумасшедшие, какими и были на самом деле. В их диких воплях и завываниях слышалась жажда крови и даже еще похуже. И дважды Томми останавливал их атаку. Первый магазин автомата был почти пуст. Стрелять из автомата одиночными выстрелами было неудобно, зато пули у него были разрывные. Вторую атаку Томми отразил автоматическим пистолетом. Полуголые тела, ползатонувшие в иле, тянулись от края джунглей и заканчивались в десяти ярдах от пригорка, на котором они с Эвелин нашли убежище.

Было жарко, ужасно жарко и трудно дышать. Воздух был удушливо влажный, а из болота отвратительно воняло. Томми перезарядил автомат, вынув патроны из найденного возле разбитой трубы магазина.

– У нас есть сразу несколько причин быть благодарными, – заметил он. – Во-первых, здесь есть немного тени. Во-вторых, у этого автомата вместительные магазины. И у нас осталось еще девяносто патронов, не считая пистолетов.

– Но нас все равно, скорее всего, убьют. Разве не так, Томми? – рассудительно заметила Эвелин.

Томми нахмурился.

— Может быть, и так, — раздраженно сказал он. — Но черт меня побери, я думаю только о том, какие найти аргументы, чтобы убедить жителей Золотого Города прекратить войну. Смизерс сказал, что облако Смертоносного Тумана уже две мили в поперечнике и продолжает расти. Люди в городе все еще закачивают Туман через Трубу Джекаро.

Эвелин слабо улыбнулась и прикоснулась к его руке.

— Ты говоришь это, чтобы я перестала волноваться? Томми...

— Она заколебалась, прежде чем продолжать. — Пожалуйста, не забывай, что когда мы с папой были в джунглях, то видели, что Оборванцы делают со своими пленными. Я только хочу, чтобы ты обещал, что не будешь ждать слишком долго, в надежде как-нибудь спасти меня.

Томи уставился на нее, затем протянул руку и положил палец поперек ее губ.

— Спокойно, — тихо сказал он. — Нас не захватят в плен. Это я обещаю. Так что сохраняй спокойствие.

Довольно долго они молчали. Прячущиеся в джунглях Оборванцы время от времени продолжали гневно вопить. Иногда над кромками деревьев показывались какие-то летающие существа. И тут же голая рука выставляла из-за укрытия золотой жезл, направляя его на летуна, и животное — или птица, — переворачиваясь в воздухе, падало на землю под ликующие вопли.

— На вид они безумны, — задумчиво сказал Томми, — и поступают, как сумасшедшие, но у меня появились кое-какие догадки... А это еще что?

На краю джунглей что-то блеснуло золотом. Из зарослей с воплями начали выбегать полуголые фигуры.

— Они хотят попробовать что-то новенькое, — спокойно сказал Томми. — Я помню, к Трубе они подкатили что-то на колесах...

Автомат плохо подходил для одиночных метких выстрелов, а пистолеты вообще не были эффективными на большом расстоянии. Экономя боеприпасы, Томми стрелял только в относительно близкие мишени, не трогая Оборванцев, находившихся дальше двухсот ярдов. Но зато стрелял он почти непрерывно, мрачно глядя на джунгли.

Листва на краю джунглей разошлась. Появилась грубая повозка. Оси ее были сделаны из пяти необтесанных стволов деревьев. Кривые колеса едва обработаны. Но на повозке был установлен странный агрегат из золотого металла, выглядящий красивым и смертельно опасным.

– Эта штукавина, – беспристрастно сказал Томми, – взорвала прошлой ночью нашу Трубу. И фон Хольц рассказывал о своих... гм... приятелях в Городе.

Он тщательно прицелился. Повозка и ее груз были окружены скачущей толпой, в безумной ненависти грозящей им с Эвелин кулаками.

Внезапно по ним ударил шквал пуль. Томми, стиснув зубы, начал стрелять очередями. Разрывные пули буквально разметали толпу Оборванцев. А затем ударили по золотой пушке. Внезапно во все стороны ринулись полотнища бело-голубого пламени. За ними понеслась взрывная волна раскаленного воздуха, выпаривая воду из влажной земли. Джунгли на сотню ярдов вокруг были мгновенно высушены и погибли.

Облако пара взметнулось на несколько миль вверх. Почти мгновенно не осталось и следа от Оборванцев, скачущих возле золотого орудия, как и от самой повозки, но на ее месте продолжал переливаться и пылать бело-голубой шар огня. Он даже вырос в объеме.

В джунглях завывали. В этом вое слышалось такое горе от потерь и такой гнев, что волосы на загривке у Томми встали дыбом, как у собаки шерсть при виде врага.

– Не высовывайся, Эвелин, – сказал Томми. – Мне кажется, этот огненный шар испускает много ультрафиолета. Помнишь, как ужасно обгорел фон Хольц?

Из джунглей появились полуобнаженные фигуры. Томми начал стрелять по ним с мрачным видом. Автомат он отложил в сторону и воспользовался пистолетом. Некоторые из фигур были лишь ранены. И, раненые, они все равно ковыляли вперед, дико крича. Томми испытывал отвращение, словно расстреливал сумасшедших. Хор голосов из джунглей усилился. Но атака заглохла.

Правда, минут через пять она началась снова. На этот раз нападавшие появились на краю болота, бросились в мягкий ил и стали ползти, толкая перед собой смешанные с илом валики травы. Огненный шар увеличился в размерах и стал просто огромным. Правда, он уже казался не горячее расплавленной стали, потом, постепенно, начал все больше краснеть и тускнеть, а потом...

Томми продолжал метко стрелять. Некоторые Оборванцы умерли, но остальные продолжали ползти вперед.

– Боюсь, – ледяным голосом сказал Томми, – что они все же хотят заполучить нас. Жестоко так говорить, но я опасаясь, что они могут победить.

Эвелин внезапно указала дрожащей рукой куда-то вверх.
– Смотри, Томми!

Над болотом летело нечто странное, угловатое, паря чуть выше висящего над топью тумана. Оно летело ровно, как машина, и ярко блестело на солнце.

– Это аэроплан, – коротко сказал Томми, секунду подумал, и его губы раздвинула невеселая улыбка. – Приготовь противогаз, Эвелин. Взрыв огненной пушки заинтересовал обитателей Города. Они послали машину, чтобы поглядеть, что тут происходит.

Летающий аппарат становился все ближе. Ползущие Оборванцы разразились бешеными воплями. Часть их вскочила и бросилась бежать. Один из них выскочил на открытое место и погрозил машине кулаком. При этом он вопил, и в его голосе была такая ненависть, что Эвелин содрогнулась.

Томми уже мог отчетливо разглядеть аэроплан. Единственное его крыло было толстым и необычной формы в отличие от крыльев земных самолетов. Под крылом висел фюзеляж, но не было никакого хвоста для поддержания равновесия. На носу аппарата что-то сверкало, это был механизм, заставлявший его двигаться. Но явно не винт. Аппарат пронесся над бугром, где держал оборону Томми. Пилот посмотрел вниз, и Томми ответил ему спокойным взглядом. Затем аппарат направился к джунглям и накренился направо, делая поворот. От него полетели какие-то штуки, из которых били в стороны струи пара. Пока они падали, пар превратился в облака и накрыл джунгли. Аэроплан опять развернулся и понесся назад. Из джунглей вопящими группками выскочили Оборванцы, но тут же начали корчиться и падать на землю, оставаясь лежать неподвижно. Однако, группа из пяти человек бросилась к Томми, жутко вопя, словно именно он стал причиной их бедствий. Томми ждал, глядя наверх. Сто ярдов, пятьдесят, двадцать...

Аэроплан летел по кругу. Пилот смотрел вниз, но не вмешивался.

Томми подстрелил пятерых нападавших одного за другим, чувствуя, что их перекошенные яростью физиономии навсегда останутся у него в памяти. Затем он встал во весь рост.

Аэроплан направился к нему и сбросил газовую бомбу, такую же, как и те, что истребили оборванцев. Бомба должна была удариться о землю в десяти ярдах от Томми с Эвелин.

– Надевай маску! – крикнул Томми и помог девушке надеть противогаз.

На него полетело поднимающееся белое облако. Томми задержал дыхание, надел маску, выдохнул так сильно, что заболели легкие, и стал дышать нормально. Противогаз оказался вполне эффективным.

Казалось, их очень, очень долго окружал белый туман. Облако было таким плотным, что солнечный свет превратился в серые сумерки. Но постепенно туман стал редеть. Его относило ветерком в сторону, и вскоре он исчез в лесу папоротниковых деревьев.

Аэроплан по-прежнему бесшумно кружил наверху. Когда туман исчез, пилот повел машину вниз. И Томми выстрелил из пистолета в блестящую штуковину на носу машины. Блеснула синяя вспышка. Машина накренилась, поставив крыло почти вертикально, и его конец с чудовищным всплеском ударил в болото. Все было кончено.

Томми перезарядил пистолет, внимательно глядя на рухнувшую машину.

— Кабина, во всяком случае, не разбита, — мрачно заметил он. — Пилот решил, что мы из банды Джекаро. Доказательством ему послужило мое оружие. А так как оборванцы не схватили нас, то он провел газовую атаку. — Он снова, прищурившись, взглянул на аэроплан. Пилот был по-прежнему неподвижен. — Может, он потерял сознание. Я надеюсь, что так! Пойду посмотрю.

Держа наготове автоматический пистолет, Томми пошел к разбитой машине. Она лежала в иле меньше, чем в сотне ярдов от них. Томми шел осторожно. Когда он был ярдах в двадцати, пилот слегка пошевелился. У него была разбита голова, сочилась кровь. Потом он открыл глаза, осмотрелся, увидел Томми и тут же сделал быстрое движение. В руке у него появилось что-то блестящее — и Томми, не думая, выстрелил. Блестящее оружие полетело в сторону, а пилот схватился за пробитое пулей предплечье. Лицо его побелело, он стиснул челюсти и уставился на Томми, ожидая смерти.

— Да ради Бога! — раздраженно сказал Томми. — Я не собираюсь вас убивать! Вы хотели убить меня, и это было очень неприятно, но мне нужно кое-что вам рассказать.

Он замолчал, чувствуя себя глупо, потому что пилот, конечно же, не знал английский язык. Пилот изумленно уставился на него. В голосе Томми слышалось раздражение, но не было ни ненависти, ни торжества. Томми взмахнул рукой.

— Давайте, я перевяжу вас, а потом поглядим, сумеем ли мы понять друг друга.

К ним подбежала Эвелин.

— Ты в порядке, Томми?.. — задыхаясь, крикнула она. — Я увидела, как ты выстрелил...

Пилот чуть не подпрыгнул на месте. Он с первого взгляда признал в ней женщину. Томми проворчал, что «вынужден был прострелить этому проклятому дураку руку». Пилот что-то сказал на странном языке. Эвелин осмотрела его руку и вскрикнула. Пилот зажимал себе руку выше раны, чтобы остановить кровотечение. Девушка принялась беспомощно озираться, ища, из чего можно сделать повязку.

— Порви на бинты свой носовой платок, — буркнул Томми. — Возьми, так же, и мой, свяжи их вместе.

Пилот переводил взгляд с Томми на Эвелин. Лицо его начало постепенно розоветь. Пока Эвелин обрабатывала ему руку, его, казалось, все больше волновала какая-то мысль. Он снова попытался заговорить, но тут же замолчал, озадаченно поняв, что они не понимают его языка. Когда Эвелин справилась со своими задачами первой помощи, он вдруг улыбнулся, сверкнув белыми зубами. Он даже произнес небольшую речь, которая, если судить по тону, была весьма мирная. Когда они повернулись, чтобы направиться к своему бугорку, он без колебаний пошел за ними.

— Ну, и что теперь? — спросила Эвелин.

— Его скоро начнут искать, — коротко ответил Томми. — Если сумеем показать ему, что мы не враги, он не позволит им забросать нас газовыми бомбами.

Пилот сунул руку за пояс своей странной рубашки. Томми внимательно наблюдал за его действиями. Но тот достал лишь пластинку из черного металла с прикрепленной к ней ручкой. Когда они пришли на бугорок, пилот тут же сел и стал рисовать на черной поверхности пластинки белые линии. Он нарисовал человечка и угловатый аэроплан, а за ними в отрывочной, импрессионистской манере башни Города. Затем он заключил все три рисунка в круг и указал на себя, брошенную машину и город вдаль. Томми кивнул, понимая, что хотел сказать пилот. Затем пилот нарисовал полуголого человечка, грозящего кулаком кругу. Человечек стоял под схематично изображенным папоротниковым деревом.

— Умно, — кивнул Томми. — Он идентифицирует себя и говорит, что Оборванцы — враги и его, и также Золотого Города. Это легко понять.

И он энергично кивнул, когда пилот стал рисовать дальше. На

черной пластинке появлялся крошечный эскиз, на котором полдесятка человек, одетых, как Томми, явно держали в руках автоматы и пистолеты. Очевидно, это были бандиты Джекаро. Пилот передал пластинку и увлеченно смотрел, как Томми возится с ручкой. Он нарисовал, не слишком-то хорошо, силуэты небоскребов Нью-Йорка. Архитектурные отличия от Золотого Города были потрясающими. Затем Томми нарисовал себя и Эвелин, и сухо пробормотав: «Прости, Эвелин, ты плохо получилась...», очертил вокруг них и башен Нью-Йорка второй круг.

Пилот кивнул. Тогда Томми соединил бандитов с Нью-Йорком так же, как Оборванцы были связаны с Золотым Городом. И еще одним кругом он соединил гангстеров и Оборванцев.

— Я попытался объяснить, — сказал Томми, — что Джекаро с его бандитами — это Оборванцы нашего мира, которые сумели пробраться сюда.

Не было никаких сомнений, что пилот понял значение этих рисунков. Он дружески усмехнулся и тут же сморщился, случайно задев раненую руку. Поглядел на свою повязку, затем нажал крохотный выступ на самом верху черной металлической пластинки, и все рисунки мгновенно исчезли. Пилот нарисовал новый круг, в нем папортниковый лес, а вверху — три группы башенок, похожих на башни Города. Он указал на них, на город, смутно видимый в тумане, затем махнул рукой еще в двух направлениях и протянул пластинку Томми.

Томми с сожалением усмехнулся.

— Это карта, — изумленно сказал он. — На нее он нанес свой город, еще пару других, а теперь хочет, чтобы мы показали, откуда пришли. Эвелин... Как нам разьяснить в картинках проход в пятое измерение?

Эвелин покачала головой. И тут над ними пронеслась тень. Пилот вскочил на ноги и закричал. В небе парили три самолета, и пилот первого уже бросил дымящуюся газовую бомбу, за которой вспухло и стало расти толстое облако. Бомба упала за двести ярдов отсюда и стала выпускать туман, но это было далеко от пригорка.

— Черт побери, — хладнокровно сказал Томми. — Он решил, что этот человек у нас в плену, и ему будет лучше умереть. Но...

Пленник опять закричал. Задрав кверху голову, он начал что-то кричать на странном языке, и тогда все три самолета начали кружить над их головами, как летучие мыши. Один из них круто набрал высоту и направился к Городу. Усмехнувшись, пленник повернулся и удовлетворенно кивнул головой. Затем сел и стал ждать.

Минут через двадцать над болотом появилась неуклюже машущая большими крыльями машина.

Она сделала круг и села, подняв ветер с ужасающим гулом. Полдюжины вооруженных человек ждали, пока все трое не подойдут. При их приближении они взяли наизготовку золотые жезлы. Пилот довольно долго что-то им объяснял. Но его слова были явно отвергнуты. Один из прибывших подошел и протянул руку к оружию Томми.

— Не нравится мне все это, — подумал Томми, — но мы должны позаботиться о Земле. Спрячь оружие, Эвелин, если получится.

Он поставил автомат на предохранитель и отдал его вместе с пистолетом. Пилот, которого он ранил, провел их за оградку на палубу чудовищного орнитоптера. Машина взревела. Крылья ее захлопали. Потом стали почти невидимы, так часто забились, и машина вертикально поднялась с земли. Набрав высоту футов в пятьдесят, она чуть изменила движение крыльев и понеслась вперед.

Сделав большой круг, она направилась через болото к Золотому Городу. Пять минут очень шумного полета — и под ними уже оказались золотые башни города, странные, конические и очень красивые. В их архитектуре не было ни одной прямой линии, но при этом любое здание было верхом изящества. Башни взметались вверх, в высокое небо. Мосты между ними казались паутинками, протянутыми металлическими ниточками. Глядя вниз, Томми заметил, что джунгли подходят вплотную к металлическим стенам города. И тут положение крыльев орнитоптера опять слегка изменилось, и он камнем полетел вниз, к площадке, со всех сторон зажатой высокими городскими зданиями.

ГЛАВА VI. *Золотой Город*

Первое, на что обратил внимание Томми, это что в городе было очень мало людей по сравнению с его размерами. Во-вторых, почти сразу же бросилось в глаза полное отсутствие женщин. В третьих, в уши ударил ужасающий гул машин вокруг, хотя при посадке и их орнитоптер наделал немало шума.

Они сели на площадке размером ярдов в сто на двести, с трех сторон которую зажимали высокие башни. Четвертая открывалась в пустоту, и Томми с изумлением понял, что площадка висит примерно в сотне футов над землей. Когда орнитоптер приземлился, его крылья перестали биться. А позади них приземлились два самолета с несоразмерно маленькими колесами.

Пилоты тут же вышли и покатали машины в сторону от места посадки. Томми, конечно же, заметил это. Он старался тут все замечать.

— Эвелин! — пораженно воскликнул он. — Они запускают эти самолеты при помощи катапульт, как наши линкоры! Самолеты не могут взлететь сами!

Шестеро человек вышли из орнитоптера, подставили плечи и покатали его, убирая с дороги. Это поразило Томми.

— У них здесь нет обслуживающего персонала!

Он посмотрел на другую сторону посадочной площадки и увидел улицу внизу. По ней ехала какая-то сверкающая золотом двухколесная машина. В центре улицы был широкий тротуар для пешеходов. Но в поле зрения Томми попало лишь два человека.

— О, Боже! — воскликнул Томми. — Где же люди?

Команда орнитоптера перебросилась друг с другом парой непонятных фраз. Потом двое подняли оружие, направив его на Томми, а раненый пилот жестом показал, что нужно следовать за ним. Он пошел к арочному проходу в самой близкой башне. Там стоял небольшой двухколесный автомобиль. Когда все расселись, пилот стал возиться с управлением, неловко действуя из-за раненой руки. Остальные из команды орнитоптера выкатили еще один автомобильчик, уселись в него и поехали вниз по полному пандусу.

Их автомобиль поехал следом и вскоре выкатился на практически пустую улицу. Вокруг поднимались здания с изогнутыми, ажурными стенами, взмывающими на головокружительную высоту в небо. Здесь были все признаки густонаселенного города, включая и гул невидимых машин, но улицы были пустынные. Машинка стремительно катилась вперед, дважды свернула и, наконец, поехала по наклонному пандусу. Сперва она поднималась, потом спустилась вниз футов на семьдесят, резко свернула направо и, очутившись в самой середине чудовищного здания, остановилась. За всю поездку Томми не увидел и пятидесяти человек.

Пилот, превратившийся в шофера, дружелюбно улыбнулся и куда-то повел их. Они прошли шагов тридцать и оказались в обширном помещении. Было оно футов сто пятьдесят в длину, пятьдесят в ширину и столько же в высоту. Пол был сделан из брусков, чем-то напоминавших твердое, как металл, черное дерево. И кругом было вездесущее золото. Колонки и пилястры вдоль стен испускали рассеянный темно-золотистый свет. Свет также струился с потолка, напоминающего шафран. В помеще-

нии был массивный стол из твердого черного дерева. Возле него располагались стулья со странными спинками. Они больше походили на скамейки, но слишком короткие, так что на каждую мог сесть лишь один человек. Помещение было пустым.

Им пришлось ждать. Через продолжительное время вошел человек в синей тунике и сел на одну из этих скамеечек. Еще спустя долгое время вошел человек в красном, затем еще и еще, всего их была дюжина. Они подозрительно косились на Томми и Эвелин. Затем один, старик с белой бородой, что-то спросил. Пилот ответил. После этого два человека, которые несли отобранное у Томми оружие, положили его на стол. Оружие осмотрели небрежно, как нечто весьма знакомое. Вероятно, автоматы и пистолеты были у бандитов Джекаро, убитых при стычке в городе. Был задан еще один вопрос.

Пилот кратко ответил и протянул Томми черную металлическую пластинку. На ней была схематическая карта полушария, и, очевидно, она являлась продолжением вопроса, откуда они пришли.

Томми взял ее, задумчиво нахмурившись. Затем ему пришла в голову мысль. Он нашел кнопку, с помощью которой пилот стер с такой же пластинки рисунки, нажал на нее, и карта исчезла. Затем Томми нарисовал грубый чертеж того, что является тессерактом – кубом с четырьмя измерениями. На одной стороне этого куба он нарисовал ажурные башни Золотого Города. На другой, представляющей собой поверхность четвертого измерения, начертил небоскребы Нью-Йорка. Отдав пластинку, Томми безнадежно пожал плечами, но, к его изумлению, все это было сразу же понято.

Черная пластинка переходила из руки в руки, и тут же завязалась оживленная дискуссия. Самым оживленным из всех был человек с суровым лицом. Бородатый старик что-то возражал. Суроволицый настаивал. Томми видел, что выражение лица пилота становится все более встревоженным. Но затем, казалось, был достигнут компромисс. Бородатый произнес какую-то, явно церемониальную фразу, и все двенадцать поднялись, пошли к разным дверям и выходили один за другим, пока помещение не опустело.

На лице пилота появилось облегчение. Он бодро улыбнулся Томми и повел их обратно к двухколесной машине. Двое мужчин с оружием Томми куда-то исчезли. И они снова помчались по пустым коридорам, наполненным гулом каких-то машин, слышимым отовсюду. Потом поехали вниз, по бесконечному пандусу,

мимо бесчисленных дверей. Томми казалось, что за некоторыми из них он слышал женские голоса.

Потом машина остановилась, они вышли, пилот трижды ударил в дверь, та открылась, он вошел первый, и дверь за ними закрылась сама собой. Тут же раздался удивленный женский голос, и из внутренней арки появилась женщина. При виде Томми и Эвелин лицо ее начало бледнеть, а рука метнулась к золотому жезлу на поясе. Пилот засмеялся, и она вся вспыхнула.

Только через несколько часов Томми и Эвелин смогли обсудить все происшедшее. Они были одни и глядели из овального окна на Золотой Город. Было темно, но красные, точно шафрановые шары пылали на стенах зданий вдоль всех улиц, а крошечные золотистые огоньки в окнах башен со шпилями подсказывали, что там живут люди.

— Насколько я понял, — сказал Томми с беспокойством в голосе, — люди, собравшиеся в большом помещении, явно были Советом, они поручили заботу о нас нашему другу-пилоту, чтобы тот научил нас языку. Он работал со мной четыре часа подряд, рисуя картинки, а я записывал слова, которые понял. Я записал, должно быть, несколько сотен слов. Но мы лучше понимаем друг друга при помощи картинок. И еще я понял, Эвелин, что Город находится в тяжелом положении.

— Ее зовут Аня, Томми, и она возлюбленная нашего пилота, — несколько невпопад сказала Эвелин. — Могу держать пари, что я узнала кое-что, о чем ты даже не задумался.

— И спорить не стану, — хмурясь, признал Томми. — Я узнал следующее: нашего друга зовут Атен, он — пилот, а так же имеет какое-то отношение к специальным башням, где они выращивают при искусственном освещении зерновые культуры. Между прочим, некоторые растения, которые он нарисовал, удивительно похожи на пшеницу. Город называется... — Он взглянул на свои записи, — Югна. Есть и другие города, примерно десять-двенадцать. Ближайшим является Ран, и он материально беднее, чем этот.

— Конечно, — улыбаясь, сказала Эвелин. — Там даже разрешен куал.

— Как ты узнала об этом? — спросил Томми.

— Мне рассказала Аня. Мы общались при помощи жестов и улыбок. И отлично поняли друг друга. Она безумно влюблена в своего мужа, и я... ну, она теперь знает, что я собираюсь выйти за тебя замуж, так что...

– Я надеюсь, – проворчал Томми, – что она объяснила улыбками и жестами, почему здесь тяжелое положение, и улицы почти пусты?

– Конечно, – спокойно ответила Эвелин. – Город постепенно проигрывает борьбу с джунглями. Раньше они выращивали зерновые на полях. Потом – в пределах городских стен. А теперь используют пустующие башни и искусственное освещение. Но я не знаю, почему.

Томми опять хмыкнул.

– На этой планете относительно недавно изменился, или все еще меняется, геологический период, – нахмурившись, объяснил он. – Сельские жители не смогли приспособиться к новому климату, и стало не хватать съедобных культур. Пришлось выращивать еду в убежищах, и теперь их машины много чего контролируют – уж не знаю, почему. Они создают в башнях искусственный климат для выращивания зерна, производят энергию, создают одежду – нужны миллионы машин, чтобы сдерживать джунгли, не голодать и пытаться поддерживать минимальный уровень цивилизации. У них нехватка рабочей силы. Кажется, здесь работает закон обратных пропорций. Они пытаются поддерживать цивилизацию на более высоком уровне, чем позволяет среда обитания. Они трудятся не покладая рук, только чтобы поддерживать уровень цивилизации. Монотонная жизнь и напряженная работа заставляют некоторых из них принимать для облегчения *куал*. – Томми посмотрел в овальное окно на Город и еще больше нахмурился. – От этого препарата люди дичают, – медленно проговорил он. – Да, он помогает им выжить, делает терпимым усталость и монотонное существование. Но затем, внезапно, они ломаются. Начинают ненавидеть машины, Город и все, что когда-либо знали и любили. Такой психоз наступает внезапно, словно удар током. Некоторые отправляются в город и убивают всех подряд своими жезлами, пока не убьют их самих. Большинство же убегает в джунгли. Город теряет больше процента населения ежегодно. А в джунглях растет количество Оборванцев, безумных и ненавидящих Город и его машины.

Эвелин взяла руку Томми.

– Как бы там ни было, – сказала она, улыбаясь, – я думаю, некий Томас Римес найдет способ, как помочь городу под названием Югна.

– Не уверен, – мрачно ответил Томми. – Нам нужно подумать о Земле. Не всем в Совете понравилось наше появление. Атен рассказал мне, что один парень настаивает, что нас нужно вы-

бросить обратно в джунгли, как и соотечественников Джекаро. И немалые силы пущены на то, чтобы приготовить нечто по-настоящему чудовищное и смертоносное, что они собираются послать на Землю по Трубе. Нам нужно узнать, что это такое, и остановить их.

Но через два дня, когда его с Эвелин снова вызвали на Совет, он еще ничего не узнал. Зато узнал много другого: например, что Атен был освобожден от обязанности обслуживать машины из-за раны, что энергия для машин поступает из глубокой шахты, из которой накачивается перегретый пар, что железо здесь металл очень редкий, и, следовательно, в городе нет динамо-машин, магнетизм совершенно неизвестен, а электрокинетика была лишь лабораторной загадкой, которой занимались только если были на это силы, в то время, как электростатика развилась гораздо лучше, чем на Земле. Золотые жезлы, например, несли в себе электростатический заряд, измеряемый сотнями тысяч вольт, который мог быть пущен на расстояние до сотни футов.

Он также узнал, что огнеметные машины распыляют какое-то вещество, которое Атен не смог описать, но которое, вроде бы, имело радиоактивный распад с периодом меньше пяти минут. В Ране, ближайшем городе, был официально разрешен *куал*, и в этом городе уже не могли сдерживать наступление джунглей. И через пару поколений в таком же положении окажутся еще двадцать городов. Он также узнал, что существует предание, что на планете появятся люди из другого мира, и в том потустороннем мире существует несколько человеческих рас, каждая с различным цветом кожи, тогда как в мире Золотого Города все человечество является единой расой. Попытка Томми объяснить, что он появился из другого измерения, поэтому и обсуждалась так бурно, потом произвели еще одну проверку Трубы Джекаро, и все еще продолжается острый спор о том, какие меры следует принять в отношении всего этого.

Вот, что узнал Томи, и, когда они с Эвелин отправились на второй допрос в Совет, они уже имели словарный запас в тысячу слов, которыми могли пользоваться. Но они по-прежнему ничего не знали об оружии, которое Золотой Город мог использовать против Земли.

Заседание Совета проходило в том же помещении с черно-золотым полом и шафрановыми светильниками. Встреча была запланирована заранее, так что все двенадцать стульев у массивного стола были уже заняты. Но Томми увидел, что за столом

еще оставалось немало мест для консультантов. Позади стульев стояли охранники. Имелись и зрители с правом совещательного голоса. Они были одеты в цветастые одежды, спокойно переговаривались между собой, и Томми показалось, что в них не чувствуется той усталости, которая застыла в лицах горожан.

Томми и Эвелин подвели к столу Совета. Допрос начал бородастый старик в синем. Атен рассказал, что, как Хранитель Продождовствия, он был своего рода председателем.

Томми твердо отвечал на вопросы. Он предполагал, о чем они будут спрашивать, и заранее подготовил ответы. Он кратко рассказал о Земле, о профессоре Денхэме и их совместных экспериментах. Обрисовал в общих чертах первый эксперимент с катапультой Пятого Измерения и ее результатами — когда Золотой Город послал Смертоносный Туман, чтобы уничтожить банду Оборванцев, которая захватила в плен их гражданина, а также Эвелин и ее отца.

Это помнили. Сидящие за столом закивали. Затем Томми рассказал им о Джекаро, подчеркивая тот факт, что на Земле Джекаро считался преступником. Он объяснил, как Джекаро украл образец катапульти, и как вышло, что первый контакт Золотого Города с Землей был произведен с отбросами земного общества. Затем Томми предложил начать мирную торговлю между мирами, в бесконечной выгоде обеих сторон.

Пока он говорил, стояла тишина. Лица сидящих были бесстрастны. Но потом человек с ястребиным лицом в коричневой одежде стал задавать сухие вопросы. Действительно ли на Земле больше одной расы? Разный ли у них цвет кожи? Воевали ли они когда-либо между собой? После ответов Томми атмосфера в зале, казалось, переменялась. Затем человек с ястребиным лицом встал и заговорил.

Он язвительно признал, что Томми и Эвелин, конечно же, пришли из другого мира. И древние легенды описывают точно такой мир: мир множества рас, различного цвета кожи, которые вели между собой войны. Их предки сбежали из такого мира, согласно легенде, через сложно извивающуюся пещеру, которую запечатали за собой. То, что описал Томми, и было причиной бегства их предков. И они, люди Югна, должны последовать их примеру: лишить людей с Земли оружия и выкинуть в джунгли, а Трубу, через которую послали Разноцветный Туман, уничтожить. Все должно быть так, как в прошлом.

Томми открыл было рот, чтобы ответить, но тут вскочил другой человек. Лицо его совсем не казалось усталым. Когда он

встал, Атен пробормотал: «Куал!», и Томми понял, что этот человек использует препарат, разрушающий психику горожан, но дающий взамен неистощимую энергию. Он стал бросать пламенные фразы, убеждая собравшихся действовать решительно. Говорил он уверенно и убедительно. Шелест прошел среди тех, кто смотрел и слушал дебаты.

Эвелин, напряженно вникая в чужую речь, все же заметила, как Томми стиснул зубы.

– Что... что это? – прошептала она. – Я... Я не понимаю...

– Он говорит, – прорычал Томми, – что одним ударом они могут одолеть и джунгли, и захватчиков с Земли. В прошлом их предки встретились с врагами, которых не могли победить, поэтому они сбежали сюда, в этот мир. Теперь им противостоят джунгли, которые они тоже не могут победить. И он предлагает, чтобы они сбежали в наш мир. Он напоминает им, что Смертоносный Туман – игрушки по сравнению с теми газами, что у них есть. Например, газ в десять раз более ядовитый. За сто дней они смогут произвести и послать через Трубу столько этого газа, чтобы убить на Земле все живое. И при этом сведения о величине Земли и составе ее атмосферы они получили от меня, черт побери! Он убеждает их уничтожить газом земное человечество, и уйти через Трубу на Землю, позвав с собой остальные города. Они принесут с собой семена полезных растений, восстановят города, а эту планету оставят джунглям и Оборванцам. И будь я проклят, они могут это сделать!

По залу Совета внезапно прошел гул одобрения.

ГЛАВА VII. *Флот из Рана*

ОДОБРЕНИЕ СОВЕТА Югны было отнюдь не восторженным. Оно было продиктовано отчаянием. Лица их были усталыми. Вся жизнь исковерканной. С самого рождения они боролись против вторжения джунглей, от которого еще их бабушки и дедушки не видели никакой угрозы. Но за два поколения судьба этих людей была предreshена, и они понимали это. Почти половина города пустовала, а его население все уменьшалось от набегов из джунглей. И теперь люди Югны увидели шанс убежать от джунглей. Им предложили отдых. Мир. Спокойствие и отдохновение от отчаянной потребности служить ненасытным машинам. Ими двигало чистое отчаяние. В их положении земляне уничтожили бы всю Солнечную систему, не говоря уж о жителях отдельной планеты.

Сквозь гул голосов, стоящий в зале, начали пробиваться крики, требовавшие немедленно начать операцию, которая даст им новую планету, где можно жить, где растения будут прекрасно расти под открытым небом, а джунгли не будут теснить города.

На лице Томми появилось дикое, отчаянное выражение. Он сжимал и разжимал кулаки, пытаясь подобрать слова из своего скудного словарного запаса, чтобы рассказать им о помощи, которую может оказать им Земля, и которая может склонить весы в сторону мира. Он уже начал кричать, чтобы на него обратили внимание. Но крики его не услышали. Зал Совета наполнился воплями отчаянного одобрения. Оратор молча стоял с торжествующим лицом. Члены Совета отводили взгляды друг от друга. И тогда, медленно, старый Хранитель Продовольствия с седой бородой поставил на стол золотую коробку, коснулся ее и передвинул другому. Тот тоже коснулся и передал ее третьему. Тот, в свою очередь...

Наступила полная тишина. Томми все понял. Проходит торжественное голосование. Коробка добралась уже до пятого человека, когда вдруг за дверями послышались громкие шаги, дверь распахнулась, и в зал ворвался человек, с бледным лицом, что-то растерянно бормотавший.

На лицах всех появился страх, недоверчивый, пораженный страх. Бородатый старик оцепенело встал и вышел из зала вместе с остальным Советом. Наступила пауза, потом зрители помчались ко всем дверям.

— Эвелин, держись Атена, — рявкнул Томми. — Что-то случилось, и в этом наш шанс. Давай поглядим, что там происходит.

Он ухватился за Эвелин и за Атена, пока пилот пытался пробиться к дверям. У дверей происходила свалка. Прошло несколько минут, пока они не смогли вырваться из зала Совета и, вместе с Атенон, броситься к открытой площадке. Там они высочили на перекидной мост между двумя башнями, где уже стояли какие-то люди, глядевшие вверх.

А над Городом летел рой самолетов. Томми насчитал три неуклюжих орнитоптера, высоко в небе, похожих на пятнышки. Кроме них, было двадцать-тридцать маленьких одноместных самолетов и чуть больше дюжины двухместных. Было еще, по крайней мере, сорок однокрылых гигантов, которые напоминали грузовозы. Они бесшумно кружили над городом в полном беспорядке. На носу у каждого блестело что-то серебристое, не винт, но нечто такое, что заставляло их двигаться.

Совет стоял ярдах в двухстах от них. Внезапно одноместный

самолет бросился вниз и стал бесшумно кружить в пятидесяти ярдах над их головами, а его пилот что-то закричал. Затем самолет поднялся и присоединился к своим товарищам. Люди, которых видел Томми, стояли с ошеломленным видом, словно не могли поверить своим ушам. Атен тоже казался до крайности пораженным.

– Я уловил часть сказанного, – бросил Томми обратившейся к нему Эвелин, – и додумал остальное. Атен! – крикнул он и стал задавать вопросы пилоту, с запинкой говоря на языке Города.

Эвелин увидела, что Атен отвечал безучастно, затем мрачно, а затем, когда Томми схватил его за руку и что-то яростно зашептал, глаза Атена загорелись. Он энергично кивнул и повернулся на пятках.

– Посторонись! – Томми снова схватил Эвелин за руку.

Они старались не отстать от Атена, пробивавшего путь в толпе, и промчались за ним вниз, попав в пыльную и явно давно не посещаемую комнату. Это был музей. Там Атен мрачно ткнул вперед рукой.

Здесь на стеллаже лежали автоматические пистолеты, взятые у убитых бандитов Джекаро, автомат Томми и гранаты. Томми проверил патроны и взял магазин с девяносто патронами с разрывными пулями, и магазинную винтовку.

– Из нее можно стрелять гораздо точнее, – шепнул он Эвелин. – А теперь идем!

Они уже мчались от здания Совета на двухколесной машине, когда Эвелин заговорила.

– Кое-что я поняла, – неуверенно сказала она. – Эти самолеты прилетели из Рана. Они угрожают...

– Шантаж чистой воды, – ответил сквозь зубы Томми. – Похоже на самое обычное земное вымогательство. Из Рана в Югну прилетел флот, загруженный бомбами со Смертоносным Туманом. Или Югна станет платить им едой, товарами и женщинами, или она будет уничтожена газом. Потом она сдает им все свои самолеты, чтобы дальнейшие поборы проходили легче. Ран не хочет умирать. Поэтому он превратился в настоящее пиратское гнездо. Если другие города станут их кормить и одевать, то они сумеют продержаться. Это вымогательство, Эвелин. Настоящий налет. Нападение на цивилизованный город. Вполне, кстати, в духе Джекаро.

Их небольшая машина стрелой летела по пустому шоссе, мимо собравшихся группами людей, глядящих на усеянное пятнышками небо. Затем они помчались по наклонному пандусу

какого-то здания, резко затормозили, и Атен вскочил с водительского места. Он бросился в дверной проем, Томми и Эвелин не отставали. Обширный зал заполняли самолеты любых размеров. Атен склонился над дверным механизмом, и чудовищные двери распахнулись. Томми помог Атену выкатить на наружную площадку самолет, который выбрал пилот. Это была маленькая треугольная машина, трехместная, но довольно тяжелая. Вдвоем они с трудом катили ее. Атен задохнулся, пока они поставили ее на направляющие рельсы и вставили в щель на фюзеляже странное приспособление.

– Томми, – сказала Эвелин, – разве ты не собираешься...

– Спасаться бегством? – ответил Томми. – Едва ли! Мы полетим. Я собираюсь напасть на флот с винтовкой. Ракетного вооружения у них здесь нет, а Атен знает радиус действия электрических жезлов.

– Я тоже полечу, – отчаянно выкрикнула Эвелин.

Томми заколебался, но тут же согласился.

– Если мы потерпим неудачу, то они сбросят на город газ, – сказал он. – Так или иначе...

Едва Эвелин успела занять свое место, раздался грохот. Самолет с ускорением рванулся вперед. Не было ни шума двигателя, ни блестящей штуковины на носу самолета. Но он достиг конца площадки и внезапно оказался в воздухе, футах в пятидесяти над перекинутыми с башни на башню мостками и в ста над землей.

Томми что-то сказал. Атен кивнул, и самолет стал набирать высоту. Затем он остановился и ринулся вперед по прямой. По пути он накренился, чтобы обогнуть высокую башню, тут же взмыл повыше, не желая налететь на перекидной мост, и, с огромной скоростью пролетев над золотыми стенами города, мелькнувшими далеко внизу, ринулся вперед над папоротниковыми джунглями.

– Если бы мы сразу полетели к ним, – сказал Томми, – они бы решили, что мы начинаем бой, и стали бы бросать газовые бомбы на город. А так они должны подумать, что мы просто убегаем.

Эвелин ничего не ответила. На протяжении пяти миль самолет притворялся убегающим в панике. Город остался далеко позади. Затем Атен круто взмыл вверх. Томми старался разглядеть сверкающую штуку на носу, которая служила двигателем. Она походила на кристалл или угловатый кусок стекла. Но горящий в ней холодный голубой свет напомнил Томми неоновую трубку, хотя совершенно отличался от нее. Похоже, что это тоже имело

какое-то отношение к электростатике.

Они повернули обратно к Золотому Городу, набрав высоту более пяти тысяч футов. Земля внизу была полузакрыта туманным, влажным воздухом, но отблески солнечных лучей на золотых башнях города указывали им дорогу. Когда башни уже начали стремительно приближаться, Томми проверил и зарядил разрывными патронами винтовку.

Атен повернул самолет и последовал за большим темным силуэтом, держась в ста футах над ним и в сотне ярдов позади. Ветер свистел в ушах. Тогда Томми, тщательно прицеливаясь, начал стрелять.

Самолет, летящий перед ними, вздрогнул. Из носа его вдруг начало хлестать голубое пламя. Он закачался и стал беспомощно опускаться к городским шпилям внизу.

— Отлично! — крикнул Томми. — Атен, давай другой!

Атен ничего не ответил. Он поставил самолет чуть ли не на ребро, круто нырнув перед чудовищным грузовозом. Томми выстрелил, когда они проносились мимо. Грузовоз мгновенно охватила сетка голубого пламени, и он тоже, кружа, начал падать.

По пятому самолету Томми промахнулся, и Атен повернулся к нему с гримасой разочарования. Второй выстрел Томми попал в грузовой отсек, и там кто-то закричал. Голос его звучал ужасно в полной тишине небес. Томми выстрелил еще пару раз, пока не возникла голубая вспышка, и пятый самолет, беспомощно трепеща, тоже пошел вниз.

Атен начал кругами набирать высоту, а Томми перезарядил магазин винтовки.

— Я заставляю их опускаться, — сказал Томми Эвелин, — разбивая им пропеллеры. А когда они приземляются, то становятся заложниками. Я...

Среди вражеских самолетов началась явная паника. Они уже поняли, что источником бедствия был самолет Югны. Томи стрелял с холодной яростью. В людей он не целился, сверкающие двигатели на носу самолетов представляли собой мишени полегче. У одноместных самолетов они были пяти футов в диаметре, а у массивных грузовозов больше пятнадцати. Они были прекрасными мишенями, и Атен быстро разработал эффективную тактику. Он летел вражескому самолету в лоб, так что Томми не мог промахнуться. Один за другим самолеты Рана спускались на землю. Пятнадцать грузовозов и шесть двухместных самолетов были уже повреждены. Стали беспомощно планировать вниз еще два...

И тогда на них напали одноместные самолеты. Сразу шестеро. Атен усмехнулся и пошел им навстречу. Томми один за другим разбил их кристаллы и смотрел, как они снижаются к городским башням. Но тут к их самолету устремились вспышки из золотых жезлов электрического оружия. Одна вспышка попала в кончик крыла, вспыхнуло пламя, но Атен, бросив машину в штопор, сбил огонь.

Затем они сбили еще один грузовоз, и еще... И тут воздушный флот Рана не выдержал, развернулся и бросился бежать. Крылатые орнитоптеры летели тяжело, но их подгонял страх. Более легкие самолеты спикировали, чтобы набрать скорость, и понеслись в позорной панике над самыми джунглями. Атен стал кружить высоко над ними, но, поскольку Томми не смог стрелять из такого положения, развернулся и полетел назад, к Городу.

— После того, как мы сбили первые самолеты, — заметил Томми, — остальные поняли, что если сбросят на город газовые бомбы, то мы тоже подстрелим их, и тогда они упадут в облака газа. Поэтому они предпочли смыться. Надеюсь, это даст нам время.

Впереди уже появились городские башни. Ажурные мосты были полны народа. Возле одного сбитого самолета шел бой. Остальные же сдались на милость победителя. Томми впервые увидел в Городе массовое скопление людей, и впервые он понял, каким же ужасным должно быть в городе напряжение, если у столь многочисленного населения так мало свободного времени на досуг.

Их самолет пошел на снижение. На посадочной площадке была дюжина человек, охраняющих разоруженных пилотов из Рана, и они вели их от большого самолета, сбитого Томми. Томми с любопытством посмотрел на пленных. Они держались более свободно, чем жители Югна. На их лицах не было написано такой усталости. Но при этом они не выглядели сытыми и энергичными.

— *Куал!* — объяснил Атен, заметив, куда смотрит Томми.

И он стал толкать плечом свой самолет, чтобы загнать его в ангар.

— Ты же солдат, — недовольно проворчал Томми. — Ты же работал весь день, сражаясь с вторгнувшимся флотом!

В дверной проем вбежал, тяжело дыша, курьер. Томми усмехнулся.

— Совет вызывает нас, Эвелин. Возможно, теперь они нас выслушают.

Атмосфера возобновившегося заседания Совета значительно изменилась. Хранитель Продовольствия с белой бородой с достоинством поблагодарил их. Он пригласил Томми оказывать консультации, поскольку его услуги оказались такими полезными для Города.

– Консультации? – переспросил Томми, с трудом составляя неловкие фразы, которые он два дня учил, как проклятый. – Я бы направил пленных из Рана работать над машинами, освободив граждан Города от этой обязанности. – Услышав гул одобрения, он сухо добавил на английском: – Я тут играю в политику, Эвелин, – и продолжал на языке Югна: – И нужно послать в Ран флот Югны, но не затем, чтобы потребовать дани, как сделал Ран, а чтобы нанести удар по их ангарам с самолетами, чтобы они не попытались совершить второй подобный налет! – Снова раздался гул одобрения. – И в-третьих, – искренне произнес Томми, – я бы помирился с Землей вместо того, чтобы с ней воевать. Я бы покупал научные достижения Земли для того, чтобы пустить их на пользу вашему миру, вместо того, чтобы использовать свои знания для уничтожения! Я бы...

И тут заседание Совета было вторично прервано. В зал вбежал вооруженный курьер и что-то быстро заговорил. Томми до боли сжал запястье Эвелин.

– В Трубе слышится какой-то шум! – резко сказал он ей. – Земляне чем-то занимаются в Трубе Джекаро. Твой отец...

В зале Совета наступила зловещая тишина. Старик с белой бородой выслушал посыльного, затем с мрачным видом задал Томми вопрос.

– Это могут быть мои друзья или ваши враги, – честно ответил ему Томми. – Подтяните огнеметные машины, но дайте мне сперва все узнать.

Это была единственная здравая мысль. Томми и Эвелин поехали вместе с членами Совета в огромной колесной машине, которая мчалась по Городу, как сумасшедшая. Отдельные группки горожан все еще наблюдали за небом, снова пустым и безмятежным. Затем машина Совета нырнула вниз, под землю, где механический гул стал еще громче, дорога превратилась в туннель, ведущий все ниже и ниже. Затем машина остановилась. Впереди люди лихорадочно устанавливали золотой огнемет на платформу грузовика.

Вопросы. Поспешные ответы. Человек с белой бородой тронул Томи за плечо, глядя на него каким-то странно уклончивым

взглядом, и показал на дверь, которую как раз открывали. Наконец, дверь широко распахнулась. За ней все было окутано разноцветным туманом. Томми заметил, что к дверям подтащили какие-то баллоны, из которых стали что-то лить в помещение.

Туман отступил от двери. Стали видны красные, как шафран, шары осветителей. Помещение было уставлено стеллажами с маленькими связками какого-то меха. Вероятно, здешнего эквивалента крыс. Наконец, были уничтожены остатки тумана, и стало видно устье Трубы Джекаро.

Томми шагнул вперед, Эвелин цеплялась за его рукав. Из Трубы доносились какие-то звуки, перекрывающие даже гул машин. Устье было четырех футов в диаметре и торчало из твердой стены.

— Эй! — крикнул Томми. — Там, в Трубе! Привет!

Лязг прекратился, затем начал приближаться еще быстрее.

— Газ отключили! — опять крикнул Томми. — Кто там?

— Это он! — послышался из глубины Трубы задыхающийся голос.

В металлической Трубе он отдавался многократным эхом, но все равно можно было безошибочно узнать Смизерса.

— Мы идем, мистер Римес!

— Папа там? — нетерпеливо закричала Эвелин. — Папа!

— Иду, — ответил ей мрачный голос.

Грохот и лязг приближались. Потом из трубы появилась голова в противогазе с вытаращенными очками-окулярами, а за ней выполз и весь человек, до предела нагруженный вещами. За ним показался еще один. Жители Золотого Города потянулись к жезлам, висевшим на талии у каждого. Потом из Трубы послышался еще один голос, далекий и почти неразборчивый. Он выкрикивал какой-то вопрос.

Смизерс сорвал противогаз и отчетливо крикнул:

— Мы прошли. Давайте. Рвите ее ко всем чертям!

Где-то в глубине трубы раздался взрыв. Устье дернулось и раскололось. Из него вырвалось облачко коричневого дыма, и в воздухе появился запах взрывчатки. Эвелин бросилась к отцу, он обнял дочь, успокаивающе похлопывая по спине. Смизерс обеими руками схватил руку Томми и несколько раз встряхнул ее, но уже через секунду пришел в себя. Затем он оглядел жителей Золотого Города спокойным, оценивающим взглядом, не обращая внимания на двадцать направленных на него жезлов.

— Эти чертовы дураки на Земле, — спокойно сказал он, — ужасно перепуганы. Они решили, что профессору лучше отправить-

ся со мной, поэтому нам позволили войти в Трубу прежде, чем взорвали ее. Мы принесли много патронов с разрывными пулями, мистер Римес. Надеюсь, будет достаточно.

Томми широко улыбнулся, в то время как Денхэм повернулся, чтобы пожать ему руку.

ГЛАВА VIII. *«Эти дьяволы схватили Эвелин!»*

Эту ночь они провели на большой террасе, глядя на раскинувшийся внизу Золотой Город. Над головами медленно пролетали по небу разноцветные огоньки. Город был освещен мириадами шафраново-красных светильников, а воздух наполнен экзотическими ароматами. Дыхание джунглей доносилось до них даже на высоте тысячи футов над землей. Как и постоянный, монотонный гул машин. На террасе было пять человек: Томми, Денхэм, Смизерс, Атен и старый, белобородый Хранитель Продовольствия. Он смотрел, как люди с Земли разговаривают между собой.

— Мы здесь отрезаны от Земли, — решительно сказал Томми, — и в настоящее время должны жить с этим народом. Я думаю, что они первоначально прибыли с Земли. Четыре, возможно, пять тысяч лет назад. В их легендах говорится о пещере, которую они запечатали за собой. Возможно, это была какая-то примитивная Труба.

Денхэм задумчиво набил и разжег свою трубку.

— У половины индейских племен, — сухо заметил он, — существуют легенды о том, что они прибыли из неблагоприятного мира. Может быть, подобные Трубы вообще были изобретены гораздо раньше, чем мы считаем?

Томми пожал плечами.

— Во всяком случае, Земля в безопасности.

— Вы уверены? — спросил Денхэм. — Вы говорите, они сразу же поняли, когда вы заговорили о путешествии через измерения. Спросите-ка этого старика.

Томми нахмурился, затем с трудом произнес вопрос. Бородастый старик что-то серьезно ответил ему. При его словах Томми поморщился.

— Некий Дэтл уехал искать пещеру, о которой говорится в их легендах, — неохотно сообщил он. — Этот парень хочет пустить на Землю какой-то ужасный газ, от которого нет спасения, и, когда газ рассеется, на Земле не будет ничего живого, и ее можно легко заселить. Но пещера была потеряна много столетий назад

в жаркой зоне – а вы представляете, что называется здесь жарой? Мы находимся вблизи Северного полюса этой планеты, и здесь – тропики. А на экваторе должно быть гораздо жарче. Дэтл взял корабль, припасы и поплыл туда. Может быть, он погиб. Во всяком случае, пройдет немало времени, прежде чем он сможет оказаться опасным. А тем временем, как я уже сказал, мы отрезаны от Земли.

– Более того, – сказал ему Денхэм. – К тому времени, как власти уже почти поверили мне, а фон Хольц был в состоянии говорить, от Смертоносного Тумана умерло много людей. Один городок он полностью уничтожил. И когда власти поняли, что все это случилось из-за меня – по крайней мере, так прозвучало в их интерпретации, и я остался единственным человеком, который может снова вызвать такое, они решили, что лучшим для меня выходом будет уйти в Трубу. Практически, они предложили мне совершить самоубийство, так как посчитали, что я обладаю слишком опасными знаниями. Итак, – мрачно добавил он, – я совершил самоубийство. Так что никто не обрадуется нашему возвращению на Землю, Томми.

Томми нетерпеливо махнул рукой.

– Об этом станем беспокоиться потом, – сказал он. – А сейчас у нас тут идет война с отчаявшимся Раном, а пленные, которых мы захватили нынче утром, сказали, что так им посоветовал Джекаро со своими бандитами. К ним также присоединились Оборванцы. И у них еще остались самолеты.

– Которые могут начать бомбардировку Города, – добавил Денхэм. – Это не могут быть они? – показал он на разноцветные лучи света и огоньки, гуляющие по небу.

– Нет, – помотал головой Томми. – Это было придумано, чтобы указать летящим ночью самолетам путь домой. Это статичная люминесценция, которая усиливается при соприкосновении с электростатическими пропеллерами. Если Ран попробует начать ночное нападение, мы с Атенем полетим, и я легко перестреляю их. Но нам нужно спроектировать для населения Города противогазы, и мне кажется, что я сумею убедить Совет начать завтра нападение и уничтожить воздушный флот Рана. Гораздо труднее будет с джунглями.

Он объяснил ситуацию в Городе, насколько сам понял ее. Он старался рассказывать как можно подробнее, Денхэм задумчиво пускал кольца дыма, Смизерс слушал спокойно. Когда Томми закончил, Смизерс тут же попросил:

– Мистер Римес, скажите, чтобы меня провели в машинное

отделение. Это ведь моя специальность. Никаких вопросов, этот народ хорошо потрудились. У них есть паровые двигатели, которых мы не смогли создать на Земле. Но, Боже мой, какие они все же тупые! У них нет никакой автоматизации. К каждому двигателю приставлен человек, чтобы управлять им. Они создали более совершенные машины, чем у нас. Но не подумали о регуляторе пара!

Глаза Томми вспыхнули.

– Продолжайте!

– Черт побери! – воскликнул Смизерс. – Дайте мне оборудование, и я вдвое сокращу их потребность в рабочей силе только тем, что поставлю на паровые машины автоматические клапаны!

Томми вскочил на ноги, зашагал взад-вперед, затем остановился и засыпал Атену и Хранителя Продовольствия вопросами. Он яростно жестикулировал, с трудом подбирая слова, затем схватил протянутую Атену черную металлическую пластинку. Смизерс встал и поглядел ему через плечо.

– Нет, здесь не так, мистер Римес, – медленно проговорил он.
– Дайте-ка мне...

Томми нажал кнопку, стерев пластинку, и протянул ее Смизерсу, который тут же начал что-то чертить. Смотревший за ним Атен неожиданно вскрикнул. Смизерс сделал схематический чертеж машины, какую уже видел в Золотом Городе, и добавил к ней автоматический клапан, который мог работать самостоятельно, поддерживая нужное давление пара. Атен что-то взволнованно заговорил. Хранитель Продовольствия взял табличку и рассмотрел чертеж. Сначала он выглядел недоумевающим, затем пораженным и, по мере того, как идея автоматической машины стала доходить до него, у него задрожали руки и побагровели щеки.

Он отдал какой-то приказ Атену, который тут же убежал. Через десять минут появились другие люди. Они склонились над чертежом. Начались взволнованные комментарии, обсуждение и споры. В людях вспыхнул энтузиазм. Двое из них подошли к Смизерсу с уважением глядя на него горящими глазами. Они протянули свои таблички и попросили поподробнее изобразить автоматический регулятор. Смизерс встал, собираясь пойти с ними.

– Теперь вы герой, Смизерс, – сообщил ему Томми. – Они замучают вас до смерти вопросами и станут называть благодетелем!

– Да, сэр, – ответил Смизерс. – Эти парни хорошие механики,

но автоматику они как-то упустили. — Он сделал паузу. — Гм-м... А где мисс Эвелин?

— С женой Атена, — ответил Томми, не желая терять время на разъяснение брачной системы Югна. — До нынешнего утра мы считались пленниками. Теперь мы — почетные гости. Эвелин собирается переговорить с женщинами и повысить наш престиж.

Смизерс подошел к нетерпеливо машущей руками группе чертежников и стал объясняться с ними рисунками, поскольку здешнего языка он пока что не знал. Через несколько минут чертежники разбежались по мастерским, ревниво прижимая к груди таблички с записями и чертежами. Но появились другие люди со своими проблемами. Все они горели энтузиазмом. Новые идеи, которые уменьшали потребности машин в рабочей силе, были для этого народа настоящим чудом.

— Мне кажется, у меня тоже кое-что есть, Томми, — задумчиво сказал Денхэм, попыхивая трубкой. — Ультразвуковые колебания. Звуковые волны в триста тысяч колебаний в секунду. По воздуху они распространяться не могут. Но могут по жидкостям. Их используют для стерилизации молока, убивая звуковыми волнами микробы в жидкости. Мне кажется, мы можем применить тут ультразвуковые генераторы, которые обработают влажную почву и уничтожат всю растительность в пределах заданного диапазона. Ультразвуковыми лучами мы могли бы уничтожить джунгли на полмили вокруг города, а затем время от времени включать генераторы, чтобы не давать им восстановиться, в то время, как полезные растения могут спокойно расти.

У Томми аж загорелись глаза.

— Ну, и работка нам предстоит! — воскликнул он. — Да мы же перевернем вверх дном всю планету!

— Может быть, — сухо ответил Денхэм. — Только не забывайте одно: этот Город поверил в вас, но существуют и другие города, и население их не так умно. Не вижу, почему какой-нибудь другой город не может напасть на Землю, если они всерьез возьмутся за строительство Трубы.

Томми, нахмурившись, заскрипел зубами. Затем вскочил на ноги. Внизу, в Городе поднялся какой-то шум. Вспыхнула невыносимо яркая вспышка. Взрыв, крики. Крики людей, сражающихся друг с другом.

Все находящиеся на террасе подскочили к перилам и устали вниз. Седобородый стал раздавать приказы. Люди помчались их выполнять. Но пока они толпились у выхода, появился

ослепительно-зеленый шар света и пронесся вверх, освещая золотые стены. Свет заплясал в рваном ритме.

Атен застонал, чуть ли не всхлипывая. Еще одна вспышка невыносимого актинического пламени озарила все вокруг. Это заработала огнемётная машина. И третья вспышка, немного дальше. Шум резко стих, но зеленый луч продолжал двигаться.

Томми стал задавать вопросы. Атен отвечал отрывисто, задыхаясь. Внезапно Томми неистово выругался и повернул бледное, как мел, лицо к своим товарищам.

– Пленники! – хрипло выкрикнул он. – Люди из Рана! Они вырвались на свободу и захватили арсенал. С ручным оружием и термитной огнемётной машиной они пробивались туда, где стояли большие наземные грузовозы. По пути они совершили набег на жилую башню и поймали находящихся там женщин. По металлическим дорогам они уехали в джунгли! – Он резко расстегнул, почти оторвал воротничок.

Атен, по-прежнему глядя на зеленый луч, прохрипел еще одну фразу.

– Эти дьяволы схватили Эвелин! – заорал Томми. – Боже мой! Эвелин и жену Атена... – Он протянул руку к седобородому члену Совета. – Вместе с ними они увели через джунгли в Ран еще пятьдесят женщин! И Эвелин!

Он повернулся к Атене и затряс его за плечо.

– Никаких шансов поймать их, – бросил он через минуту, далеко в джунглях снова разгорелось невыносимое для глаз пламя. – Они распылили на дороге термит. Дорога расплавлена, разрушена! Потребуется время, чтобы там смогли пройти наземные машины. У них есть оружие и огнемёт. Они смогут отбиться от хищников и Оборванцев, и добраться до Рана. А затем... – Томми аж задрожал от гнева. – Там Джекаро со своими бандитами и друзьями-Оборванцами!

Томми с невероятным усилием сумел взять себя в руки и повернулся к седобородому члену Совета, который тоже, казалось, был потрясен происходящим. Томми заговорил с ним размеренно, тщательно подбирая слова, решительным, как всегда, тоном.

Советник очнулся. Он был стар, но в глазах его светился воинственный дух. Он стал отдавать приказы направо и налево. Люди приходили в себя от шока и бежали исполнять его команды. Затем Томми повернулся к Денхэму и Смизерсу.

– До рассвета женщины будут в безопасности, – размеренным голосом сказал он. – Наши бывшие пленники не могут сойти с металлической дороги, которая больше не используется, но про-

ложена она между всеми городами. Однако, они не отважатся останавливаться в джунглях. Они пройдут через них. К рассвету или чуть раньше они достигнут Рана. А на рассвете наш флот будет уже над городом, и они отдадут наших женщин, или, клянусь Богом, мы сбросим на них их же собственные бомбы! Эвелин лучше погибнуть от газа, чем попасть в лапы к Оборванцам!

Он стиснул кулаки и стал шумно дышать, затем откашлялся и продолжал таким же неестественно спокойным голосом:

— Смизерс, вы останетесь здесь с частью воздушного флота. На рассвете подниметесь в воздух и станете стрелять в любой чужой самолет. Они могут попытаться поставить нас в безвыходное положение, повторив свой налет. Сейчас отдадут нужные приказы. — Он повернулся к Советнику, который кивнул, указал на Смизерса и что-то скомандовал. — А вы, сэр, — обратился Томми к Денхэму, — пойдете со мной. Думаю, это ваше право. А теперь будем готовиться.

Томми пошел к двери, по пути ухватившись за ворот куртки и разорвав его, словно тот был из бумаги.

Той же ночью Золотой Город начал поспешно готовиться к войне. Самолеты были заправлены и загружены. Их команды вооружились. Странно, но люди пришли спросить именно Томми, нужно ли брать с собой аппарат для изготовления Смертоносного Тумана. Смертоносный Туман мог использоваться в качестве газа, дрейфующего по ветру, или можно было управлять движением его облака. Так было на Земле, когда через Трубу посылали направляющие импульсы, действуя вслепую, чтобы только Туман все время находился в движении. Управляющую им аппаратуру мог нести самолет-грузовоз. Томми велел все взять с собой. У них также были сбитые самолеты Рана, нужно было лишь поменять на них разбитые выстрелами сетки двигателя. Тут же были собраны команды для этих самолетов.

Флот взлетел, когда еще было совсем темно. На небе ярко сияли незнакомые звезды, пока самолет Томми бесшумно взлетел вверх, и огни большого Города быстро остались где-то позади. А вокруг по сторонам в темноте вырисовывалось множество угловатых силуэтов, летящих бесшумно, как тени. Орнитоптеры, создающие много шума, должны были вылететь позже, так что самолеты окажутся над Раном прежде, чем заметят их присутствие. Поэтому флот летел в полной темноте.

В другое время полет над джунглями мог бы внушать страх. Звезды казались более близкими и яркими, чем на Земле. На не-

босводе этой вселенной не было ни малейших признаков Млечного Пути. И, хотя звезды казались крупными, их численность была заметно меньше. Луны тоже не было. Внизу была лишь непроницаемая темнота, из которой время от времени доносились крики каких-то зверей. Они были отчетливо слышны в бесшумно летящих самолетах. Рычание, мычание и хриплый вой. Однажды самолеты пролетели над какой-то ночной схваткой, когда невероятные монстры сошлись в смертельном поединке. Ничего не было видно, но слышался лязг чудовищных челюстей, шипение и вой, в котором чудилась смертельная ненависть.

Затем впереди показались немногочисленные, тусклые огни. Это горели костры Оборванцев, вставших лагерем под стенами Рана, где джунгли пытались всунуть вовнутрь свои жадные зеленые щупальца. Воздушный флот летел бесшумно, подобно огромной стае летучих мышей. Затем снизу, из темноты, раздался шум и крики, веселые, ликующие крики Оборванцев. У Томми посерело лицо. Должно быть, сбежавшие пленники все же вошли в город одновременно с флотом, прилетевшим потребовать возвращение женщин.

Томми, мокрый от пота, заговорил с пилотом. В его самолете было шесть человек и много бомб со Смертоносным Туманом. Томми спросил, есть ли связь с другими самолетами. Нужно было немедленно выставить Рану ультиматум.

Для ответа был послан сигнальный зеленый луч. Он вспыхивал и затухал снова и снова. И, пока он мигал, были понятно, что остальные самолеты приняли сообщение, поскольку начали расходиться вправо и влево. Во тьму полетели бомбы со Смертоносным Туманом. Даже при свете звезд Томми увидел поднявшиеся над джунглями стены белого пара. Снизу из Рана слышались крики ненависти и вызывающей ярости. Но до рассвета не было никаких других знаков, что об их присутствии стало известно.

Когда тускло-красное солнце этого мира чуть поднялось над горизонтом, прибыли грохочущие орнитоптеры. Ветви папоротниковых деревьев вяло трепетали в утреннем бризе. Стены и башни Рана блистали кое-где золотом, но во многих местах казались унылыми, покрытыми грибом, а стена с одной стороны города была пробита торжествующим потоком зеленых растений. Там джунгли прорвали крепостной вал и стали расти уже в городе. Основания трех башен были опутаны ими, и многочисленные лианы поднялись на невероятную высоту и все продолжали расти, пытаясь уничтожить творения рук человеческих.

Но в городе поднялся новый крепостной вал, ставший выше

папоротниковых деревьев – это была стена Смертоносного Тумана, охватившего город со всех сторон. Ничто живое не могло теперь войти или покинуть город, не пройдя через это облако. И по приказу Томми, облако переместили к самому лагерю Оборванцев.

Томми было заговорил, начиная свой ультиматум, но движение внизу прервало его. На открытую площадку, покрытую плесенью и лишайниками, выгнали сбившихся толпой женщин. Это были женщины Золотого Города. И Томми увидел среди них стройную фигурку в одежде защитного цвета – Эвелин! Из лагеря Оборванцев внезапно раздался смех. Томи перевел туда взгляд и увидел Оборванцев, выходящих из плотной стены Смертоносного Тумана. Они вызывающе громко смеялись, убегая из Тумана и снова скрываясь в нем.

Пилот бросил машину вниз. Оборванцы, заметив самолет, стали скакать и насмешливо завывать. Томми увидел, как они снимают с лиц нечто подобное маскам, мешающее им кричать, и снова надевают их, прежде чем скрыться в Тумане. Он сразу все понял. У Оборванцев были противогазы!

Затем раздался короткий многократный треск. Это три человека открыли снизу огонь из винтовок. Они были в серой одежде, в отличие от разноцветных одеяний жителей Рана. Это были бандиты Джекаро. Большой грузовоз из Югна внезапно повернул в сторону, когда перед ним сверкнула синеватая вспышка, и стал беспомощно опускаться на город.

Газовое оружие флота Томми оказалось бесполезно, так как жители Рана были защищены противогазами. А боевые корабли Югна начали расстреливать из винтовок так же, как поступили вчера с самолетами Рана. Единственное, что еще могла сделать флотилия мстителей, это убить женщин, которых они были не в силах спасти.

ГЛАВА IX. Война!

Огромный орнитоптер выкатился на посадочную площадку Рана. Его команда заняла свои места. Со скрипом и грохотом он тяжело поднялся и полетел навстречу нападающему флоту. С обеих сторон его кабины замигали зеленые фонари, подавая сигналы самолету, на котором летел седобородый Советник и Денхэм. Самолет поднялся над орнитоптером. Оба аппарата, казалось, были скреплены вместе, так как пилоты держали одно и то же направление и скорость. В кабину более низкого самолета

спустили веревку. По ней начал ловко карабкаться рослый человек. За ним последовал второй. Третий, в серой одежде, отличавшей людей Джекаро от местных жителей, обернул веревку вокруг талии и был поднят наверх. Томми видел Джекаро лишь один раз, но был убежден, что это он сам.

Оба самолета разделились. Орнитоптер спустился на посадочную площадку Рана, а грузовоз полетел к самолету Томми. Снова была спущена веревка. Томми поднялся по ней на пятнадцать футов, разделяющих самолеты, и встретил твердый, удивленный взгляд Джекаро, сидящего рядом с двумя другими посланцами Рана. Один из них был полуголый, с дикими, безумными глазами Оборванец. Другой был тощий, с отчаявшимся лицом, одетый в цветастую тунику цивилизованного человека.

— Приветствую вас, — вежливо сказал Джекаро. — Нам нужно кое-что обсудить.

Томми едва заметно кивнул головой, потом посмотрел на Денхэма, мрачного и бледного, и седобородого Советника.

— Я получил преимущество, — непринужденно сказал Джекаро, — так что могу разговаривать с позиции силы. У нас есть противогазы, равное вашему оружию, и ваши женщины.

— У вас мало боеприпасов, — размеренно ответил Томми, — ваши люди подстрелили всего лишь один самолет и на этом остановились. Если бы у вас было достаточно патронов, разве вы прекратили бы боевые действия?

Джекаро усмехнулся.

— Вы неплохо владеете арифметикой, Римес, — признал он. — Все так, но — позволю себе повториться, — у нас женщины, и среди них ваша девушка! Можете ли вы что-нибудь добавить, а, профессор?

— Нет, — сказал Томми.

— За пару месяцев Ран может завоевать всю планету, — все так же вежливо продолжал Джекаро. — Но если бы я сразу разобрался в положении дел, то пришел бы сперва в Югну. Но, вышло как вышло! Ран завоеует эту планету, а через Трубу мы сможем переправить любые вещи, какие захотим. Например, чистого золота на несколько миллионов долларов. А Ран и другие города станут курортами для нас и наших друзей. У нас здесь будут все женщины, каких захотим, выпивка и превосходный отдых!

— Давайте ближе к делу, — сказал Томми, в его голосе не было даже намека на презрение.

— Не подгоняйте меня! — огрызнулся Джекаро, но кое-что в его голосе подсказало Томми, что гангстер не чувствует такой

уверенности, как старается продемонстрировать, и последующие слова подтвердили это. — Да, черт побери, — умиротворяюще сказал он, — именно это я и пытаюсь сделать. Здешние парни не привыкли воевать, но у них есть для этого все необходимое. У них есть адские газы. У них есть корабли, подобных которым на Земле нет ничего. Если бы мы смогли переправить на Землю флот, то разгромили бы любого противника. Теперь представьте себе — у нас есть пара больших Труб, по которым смогут пролететь эти самолеты. Их флот парит над Нью-Йорком — или везде, где захочет. Только вообразите себе это! Мы могли бы потребовать сто миллионов с Чикаго! Да что там Чикаго, мы могли бы захватить Соединенные Штаты! Только представьте себе — я, Король Джекаро, настоящий Король Америки! — его темные глаза горели мрачным огнем. — Я подарю вам Канаду или Мексику, если хотите! Ну же, парни, назовите свою цену. Пару месяцев на то, чтобы все уладить здесь, вы постройте большую Трубу и тогда...

Выражение лица Томми ничуть не изменилось.

— Если бы все было так легко, — сухо заметил он, — то вы бы не стали заключать с нами сделку. Я ведь не дурак, Джекаро. Мы хотим вернуть женщин. А вы хотите то, что есть у нас, и это для вас жизненно важно. Так что перестаньте лить воду и назовите реальную цену за возвращение женщин целыми и невредимыми.

Джекаро разразился потоком ругани.

— Я предпочту, чтобы Эвелин умерла от газа, — все так же спокойно продолжал Томми, — а не попала в руки Оборванцев. И вы знаете, что я сделаю это. — Он перешел на местный язык. — Если хоть одной женщине будет причинен вред, мы уничтожим Ран. Мы подстрелим любой самолет, который поднимется с его площадок. Мы распылим по его улицам горящий термит. Мы накроем башни газом, пока люди не начнут умирать от голода в своих противогазах!

— О чем вы говорите? — проворчал человек в одежде Рана. — Мы и так умираем от голода!

Томми мгновенно повернулся к нему.

— Мы заплатим за женщин продовольствием, — холодно ответил ему Томми, затем глаза его вспыхнули, — а потом выколотим из вас все эти глупости!

Он подал знак Хранителю Продовольствия. Это был властный жест, и, хотя Хранитель был фактически главой Совета Югна, он понял все правильно, и подтвердил предложение Томми. Человек из Рана начал что-то отвечать. Томми отвлекся, их тор-

говля его не интересовала. Глянув вниз, он увидел Эвелин, крошечную фигурку в защитного цвета одежде среди сверкающих всеми цветами радуги одеяний местных женщин. Эскадрилья самолетов прилетела сюда, чтобы победить или отомстить. Но все закончилось торговой сделкой. Томми слышал перечисления неизвестных мер веса и категорий продовольствия, которых совсем не знал, и ему было скучно. Но потом он услышал время и место обмена – ворота Югна, на третий рассвет. После этого был подан сигнал, и все три посла Рана стали готовиться перебраться на свой самолет. Но тут Джекаро в очередной раз выругался и процедил сквозь зубы:

– Местные парни верят друг другу на слово. Это их дело, но я предупреждаю, что если вы задумали какой-то обман...

Он спустился по веревке следом за остальными. После этого Хранитель Продовольствия коснулся плеча Томми.

– Наш летчик, – сказал он, – будет следить, чтобы женщин не тронули. Мы вывезем продукты за городские ворота, и после этого женщин вернут. Ран не посмеет задержать или причинить им вред. Югна держит свое слово. Даже в Ране знают об этом.

– Они не смогут сдержать слово, пока ими командует человек с Земли, – ответил Томми.

С сердцем, колотящимся у самого горла, он глядел вниз, как орнитоцер Рана спустился возле сбившихся в кучу женщин Югна. Когда из него вышли три посла, Томми услышал слабые голоса. Югна заключил перемирие, сообщили послы. Затем команда заняла места в орнитоцере, и тот тяжело поднялся и полетел на свою площадку.

– Я думаю, – с горечью сказал Томми, – что нам нужно отправляться обратно... если вы уверены, что женщины в безопасности, – добавил он, обращаясь к Советнику.

– Уверен, – ответил седобородый, – иначе я не согласился бы заплатить половину запасов Югна за их возвращение.

И он замолчал, пока флот возвращался в город. Денхэм все это время тоже молчал, глядя сверкающими глазами на Ран. Затем он заговорил хриплым голосом:

– Томми... Эвелин...

– Пока что с ней все в порядке, – мрачно ответил Томми. – За нее заплатят выкуп продовольствием. Но Джекаро хвастал, что Ран под его командованием захватит весь этот мир. И у них есть противогазы. Мы должны готовиться к проблемам после того, как женщин вернут.

Денхэм мрачно кивнул. Томми протянул руку и взял черную

пластинку у сидящего возле него человека. Затем он стал что-то рисовать на ней, дико сверкая глазами.

– Что это? – спросил Денхэм.

– В Югне есть пар под высоким давлением, – холодно сказал Томми. – Я проектирую паровые пушки. Вместо пороха в них будет использован пар. Начальная скорость будет низка, но мы можем использовать ядра большого калибра для пушечного эффекта, и дальность стрельбы будет не менее ста ярдов. Стволы, конечно, должны быть гладкоствольными.

Денхэм шевельнулся, сжав губы.

– Сначала я спроектирую противогазы, – сказал он, – а потом мы со Смизерсом сделаем все, что сможем.

Воздушный флот летел над шелестящими на ветру папоротниковыми джунглями. Томми устало объяснил свой замысел се-добородому Советнику, который тут же уловил идею, поскольку способности к механике были инстинктивно заложены в этих людях. Он создал три команды по шесть человек и передал им чертеж Томми. Пока джунгли проплывали внизу, все изучили чертеж, сделали свои наброски и показали их Томми. Когда флот опустился на посадочные площадки Югна, идея не только была понята, но уже было распланировано и производство. Это не заняло много времени у жителей Золотого Города.

Томми погрузился в работу, которую сам взвалил на себя. Он не хотел торчать в Совете. Он знал, что должно быть сделано, и принялся за работу, командуя людьми и машинами так, словно не могло даже возникнуть вопроса о неподчинении. Фактически, он уступил распоряжению Совета, который должен консультировать в зале Совета, но поскольку ему не задавали никаких вопросов, он продолжал работать, посылал за информацией и тихим голосом отдавал распоряжения, в то время как Совет заседал. Было проведено голосование с помощью машинки для подсчета голосов. В итоге Томми торжественно сообщили, что, хотя он и не уроженец Югна, его поставили командующим сил обороны города. Его умению в обращении с оружием, что было засвидетельствовано при поражении флота Рана, и способности командовать – когда он противопоставил защищенным противогазами воинам Рана угрозу голода, побудило Совет назначить его командующим. Томми принял решение почти машинально и поспешно ушел, чтобы выбрать место установки орудий.

Спустя четыре часа после возвращения флота, первое паровое оружие было готово к испытаниям. Смизерс был весь в поту,

хотя и спокойно объявил, что скоро будут готовы и другие.

— Эти парни придумали новый материал, — сообщил он. — Вместе литых снарядов они стреляют ядрами из сплава. У них нет стали, совсем мало меди, но зато они изобрели достаточно прочные сплавы. На основе вольфрама, если я еще не сошел с ума.

Томми кивнул.

— Сделайте как можно больше орудий, — сказал он. — Я собираюсь воевать.

— Конечно, — ответил Смизерс. — С мисс Эвелин все в порядке?

— По крайней мере, так было три часа назад, — мрачно ответил Томми. — Каждые три часа наш самолет летит в Ран и возвращается с отчетом. Мы собираем для жителей Рана продовольствие у наших городских ворот. Я предупредил Джекаро, что мы установили на продовольственных складах огнеметные машины. Если он устроит газовую атаку, то все равно не сможет захватить наше продовольствие. Они должны вернуть Эвелин и увезти свой выкуп, прежде чем решат вступить в борьбу, иначе сдохнут с голоду.

— Но... Разве они не могут захватить другие города?

— Мы их предупредили, — коротко сказал Томми. — Они тоже поставили на складах огнеметные машины. Они еще не сошли настолько с ума, чтобы подчиниться Рану. Но они не будут мешать Югне воевать, поскольку знают, что произойдет, если Ран одержит победу.

Смизерс хотел было уйти, но тут же вернулся.

— Мистер Р-римес, — сказал он с запинкой, — наши механики полностью поняли идеи автоматических регуляторов. Они придумали, как установить подобные на машинах, в которых я вообще не могу разобраться. Мы уже освободили от работы с машинами человек триста-четыре, и они станут управлять паровыми орудиями, как только вы их испытаете. И останется еще много свободных людей. Они начали разработку нового сплава для создания Трубы. А знаете, как быстро они привыкли работать?

— У них же нет ни стали, ни железа для магнитов, — нетерпеливо бросил Томми.

— Я знаю, — сказал Смизерс. — Я... Я пытаюсь сделать паровые цилиндры, которые возбуждали бы индукционное электричество вместо катушек. Все будет готово к утру. Но я хочу, чтобы вы сами присмотрели за передачей, мистер Римес. Если мисс Эвелин окажется в городе в безопасности, мы могли бы отправить ее по Трубе на Землю еще до начала сражения.

— Я попытаюсь все сделать, — пообещал Томми. — Я попытаюсь.

Он вернулся к паровому орудию. От него к изолированному цилиндру тянулся толстый шланг. Цилиндр был заполнен шарами из некоего сплава, которые станут выбрасывать перегретый пар. При нажатии спускового механизма вырвется чудовищное облако пара. В шести футах от дула орудия оно уже сгустится настолько, что станет видно. Появится громадное белое облако, но металлические шары продолжают свой смертоносный полет. В диаметре они были по полдюйма и должны пролететь семьсот ярдов. Дальность прицельного выстрела была не больше семи-десяти пяти ярдов, но убить они смогут ярдов за триста, а ранить и еще дальше. Со ста же ярдов они могут пробить насквозь человека.

Томми пообещали сделать за два дня сотню таких орудий с котлами. Он выбрал для них места установки. Проинструктировал, как можно быстро вывести их из строя, чтобы их не сумели захватить и обратить против своих же хозяев. Потом Томми осмотрел противогазы, которые готовили женщины, работавшие в чрезвычайной ситуации наравне с мужчинами. Он удивился, что они уже успели разработать ткань для противогазов.

На второй день все работали еще более яростно. Сказывалось изобретение Смизерса, освобождавшее много рабочей силы. На машинах было установлено уже более полутора тысяч автоматических клапанов, а значит, полторы тысячи человек были освобождены от обслуживания машин и могли защищать город. Среди этих людей было много механиков которые, под руководством Томми или Смизерса творили чудеса. Смизерс руководил ими, заменяя язык рисунками и чертежами. Денхэм собрал двадцать человек и работал с ними на вершине одной из башен. К концу второго дня из нее стали вырываться большие облака пара. Они продолжали появляться до темноты, но Томми не обращал на них внимания. Он заставлял тренироваться стрелков, организовывал патрульную службу, устанавливал огнеметы и следил за сбором продовольствия за городскими воротами. До сих пор в Ране не было замечено ничего необычного. Посыльные из Югна регулярно видели пленных женщин. Уже пришло от них сообщение, что их погрузили в большие наземные машины чтобы, под эскортом охраны, проехать по металлическим дорогам через джунгли к Югне. За ними тянулся длинный караван грузовиков, которые должны увезти продовольствие, которое даст Рану

возможность какое-то время не голодать. Все, казалось, идет по плану.

На рассвете оставшиеся самолеты воздушного флота Рана полетели над джунглями в сторону Золотого Города. Они не делали никаких угроз. Не произносили оскорблений. Они просто летели, летели и летели...

Сразу же после рассвета блеск в джунглях объявил о появлении конвоя. Курьезы разнесли эту новость. Жители Югны вышли на террасы и мостики, чтобы поглядеть. Атмосфера постепенно накалялась. К тому же, приближался воздушный флот Рана.

Медленно раскрылись большие золотые ворота. Четыре наземных машины двинулись вперед. Эскорт раниан вошел в город. Из машин выпустили половину пленных женщин Югна. Те, плача от радости, побежали в город. Эвелин среди них не было. Томми заскрипел зубами. Тут же последовало объяснение, что когда будет выплачена половина обещанного выкупа, то привезут остальных женщин.

Томми мрачно отдал приказ. В город тут же увезли половину приготовленного продовольствия. По его приказу ранианам было сказано, что остальную часть выкупа поместили под охрану огнеметных машин. Ее не отдадут, пока все пленные не будут освобождены. Это был решающий аргумент. Тут же привезли остальных женщин. Атен, по просьбе Томми, усадил Эвелин и свою жену в наземную машину и привез их в башню, из которой Томми видел все, что творилось в городе.

— С тобой все в порядке? — спросил Томми и, когда Эвелин молча кивнула, обнял ее за плечи. — Я рад, — только и сказал он. — Возьми противогаз. С минуту на минуту тут может начаться крошечный ад.

Он смотрел вниз, невольно напрягая все мускулы. У городских ворот начался беспорядок. Машины, нагруженные продовольствием, выливались из ворот и устремлялись в джунгли. Навстречу им в ворота вкатывались пустые грузовики. Они так и сновали взад-вперед.

Затем внезапно вспыхнул невыносимый свет. Раздался дикий вопль. Облако пара накрыло готовую к действию паровую пушку. Кружащий в небе воздушный флот развернулся и, как один, спикировал на город. Из самолетов полетели дымящиеся бомбы, которые тут же превратились в призматические, сверкающие всеми цветами радуги, столбы тумана. Его волна накрыла крепостные валы города. Тут же раздалось оглушительное завывание. Прятавшиеся в джунглях Оборванцы ринулись к стенам с

тростниковыми лестницами. Безумно завывая, они полезли на стены, и ринулись в город, разбрасывая вокруг газовые гранаты.

ГЛАВА X. *Битва*

В городе началось столпотворение. Глядя вниз с башни, Томми шепотом выругался. Смертоносный Туман был безопасен для защитников Югна, потому что у них были противогазы. Но он закрывал обзор. Волны нападавших прятались за ним, так что паровые орудия не могли бить прицельно, кроме как почти что в упор. Две трети нападавших являлись Оборванцами, ушедшими в джунгли из всех окрестных городов, и против такой орды Югна вообще бы не выстоял, если бы не сделал предварительной подготовки. Толпы людей побежали к воротам, сверкая на солнце золотыми жезлами. Кольцо Смертоносного Тумана сжималось, словно стремилось задушить город, но вскоре городские валы были свободны от него. А на зубчатых стенах вспухли облака белого пара. дюжина орудий сосредоточила огонь на нападающих из Рана, которые мчались из джунглей к воротам. Они летели вперед без всякого приказа, стараясь успеть принять участие в грабежах и убийствах. И тут в них ударили потоки металлических шаров. Неровный фронт наступающих был буквально сметен. Выжившие продолжали мчаться вперед прямо по раненым и мертвым. В них начали стрелять из электрических жезлов. Нападающие в судорогах падали на землю. Затем паровые орудия развернулись, чтобы ударить в спины тем, кто прорвался мимо них.

Паровые орудия прорвали шеренги нападающих в тех местах, где были установлены. Но общее наступление продолжалось, хотя и со значительными потерями, но все еще наступавшие превосходили по численности защитников. Паровые орудия то тут, то там умолкали, когда убивали обслуживающие их команды, и оказывались в тылу, бесполезные и неподвижные на крепостных валах.

Битва уже велась на городских дорогах, и, по приказу Томми, городские женщины были переведены в несколько хорошо укрепленных башен. Машины же, поддерживающие в городе жизнь, остались на какое-то время без присмотра. Сильные отряды бойцов, расставленные в стратегических точках, с непреодолимой силой бросались на разрозненные группы взбешенных Оборванцев. Но Оборванцы толпами неслись туда, где завязывались стычки. Ненависть толкала их на храбрые поступки и са-

мые отвратительные злодеяния. Со своей башни Томми увидел, как поймали человека с Югна и четверо Оборванцев буквально разорвали его на куски, точно маньяки, какими они, собственно, и являлись. Затем по ним ударила струя пара, и все четверо, дергаясь в судорогах, рухнули на останки своей жертвы. Это по ним дало очередь паровое орудие. Один из отрядов защитников сел на наземную машину, которая, сверкая золотистыми вспышками жезлов, тут же помчалась в бой. На них немедленно набросилась масса нападающих. Не снижая скорости, машина мчалась вперед. А потом вспыхнул ярчайший свет. Оказывается, на машине был установлен термитный огнемет. Она летела вперед, точно пылающий метеор, озаряемая вспышками электрических жезлов, а вокруг орали и умирали враги. Потом она въехала в облако Смертоносного Тумана, через которое было лишь видно слабое зарево, создаваемое огнеметом.

Часть города была уже захвачена, не считая отдельных паровых машин, стреляющих со стен. Оборванцы, пьяные от победы, бегали по улицам, разбивали осветительные панели, пытались выбить двери в башни. Томми увидел, как они взломали огромные ворота в одну из башен, и оттуда на них выпрыгнули большие зеленые ящеры с чудовищными лапами и зубами, подобные той, что была убита – казалось, годы назад, – на Земле. Ящеры тут же ринулись на Оборванцев. Завязалась смертельная схватка. Конечно, их перебили, но вперемешку с убитыми ящерами на мостовой остались трупы нескольких дюжин Оборванцев.

Однако, все это были мелочи. Главное сражение разыгралось под покровом Смертоносного Тумана, плотная масса которого была сконцентрирована в самом центре города. Томми мрачно наблюдал за всем этим. На город напало не меньше восьми тысяч человек. Тысячи две болтались разрозненными группками по улицам. Не менее семисот трупов осталось лежать перед городскими воротами, там, где паровые орудия смели первые ряды нападавших. Защитники понесли тяжелые потери, но защита Томми за линией крепостного вала была сосредоточена в стратегических точках, оборудованных не только паровыми пушками, но и термитными огнеметами. А из центра города неслся беспорядочный шум сражения и крики умирающих.

Затем мимо башни Томми пролетела вниз громадная летающая машина. Она упала на крыши внизу, и из нее, точно горох, посыпались люди. Томми напряг зрение. Из башни, где всю ночь проработал Денхэм, поднималось облако пара. А из обломков машины внезапно вырвался ослепительный столб огня.

– Денхэм! – пробормотал Томми. – У него там паровое орудие, и он стреляет шарами, начиненными термитом. Шары разбиваются при ударе, термит загорается. Прекрасно!

Он отправил курьера с приказом. Тот вскоре вернулся и, тяжело дыша, сунул в руку Томми клочок бумаги. На нем было поспешно нацарапано:

«Я пытаюсь сбить самолет, с которого управляют Смертоносным Туманом. После этого мы сможем перехватить управление им. Денхэм».

Томми принялся раздавать приказы. Потом бросился по пандусу вниз на улицу. Вокруг него, точно по волшебству, стали собираться люди. Самолет с одним крылом, объятый пламенем, планировал вниз. Рядом с ним другой падал отвесно, точно камень.

Томми взревел от радости, когда внезапно Смертоносный Туман начал собираться в красивый, переливающийся всеми цветами радуги, шар. Это означало, что самолет, управляющий им, сбит, и управление перехватили люди Золотого Города. Шар Тумана быстро поднялся вверх, и ситуация в центре прояснилась. Были осаждены две башни. Плотные массы захватчиков столпились вокруг них и пытались прорваться сквозь многочисленные двери. Из окон башен по ним стреляли паровые орудия. Время от времени сверкали вспышки термитных огнеметов.

Томми, ведя за собой не менее пятисот человек, врубился в толпу у башен, точно клин. Сто человек было отрезано от основной массы осаждающих башни и почти мгновенно уничтожена, в то время, как задние ряды клина сыпали в гущу врага электрические заряды. Из дверей башен выскочили защитники и напали на захватчиков с другой стороны. Томми нашел Смизерса в его мастерской. Лицо у него было в грязи, сквозь которую пробили светлые дорожки струйки пота.

– С мисс Эвелин все в порядке? – тут же спросил Смизерс.

– В порядке, – пробурчал Томми. – Она на верхнем этаже башни, я оставил там сто человек охранять ее.

– Вы еще не видели, какую я сделал Трубу, – спокойно сказал Смизерс. – Паровые генераторы прекрасно заменили катушки. Идея сработала. Можно запускать Трубу хоть сейчас. Она в том же подвале, где была Труба Джекаро.

И он открыл стрельбу из винтовки в гущу толпы, нападавшей на башни. Томми оставил ему пятьдесят человек заблокировать дорогу и снова повел свой отряд прямо в массу Оборванцев, перемешанных с жителями Рана. Его люди уже поняли тактику.

Они отсекали часть толпы и свирепо набросились на нее. Раздались дикие крики. Из толпы в паре мест взметнулись струи термитного пламени. Это Денхэм со своей башни начал стрелять из парового орудия термитными снарядами по нападавшим. Затем раздался рев пара, и в пятидесяти футов от отряда Томми затормозил колесный грузовик. На нем было установлено паровое орудие, и теперь его команда открыла огонь в самую гущу захватчиков.

Толпа таяла на глазах. Паровое орудие на башне, посылающее очереди термитных снарядов, паровое орудие на грузовике... А облако Смертоносного Тумана, еще недавно прикрывающее их, поднималось все выше в небо, прямо к зениту, и уже походило на стремительно тающую жемчужную капельку.

Нападение на Югну было безумным. Но еще безумнее стало отступление, когда люди пытались убежать из крошечного ада, разверзшегося перед ними. Люди бежали в дикой панике, побросав оружие и не слыша ничего вокруг, кроме собственного воя. Томми охотно остановил бы резню, но не было никакой возможности вовремя доставить стрелкам на крепостном вале нужные команды. Беглецы опять лезли на стены, уже стремясь выбраться из города, а очереди из паровых машин косили их целыми рядами. И даже в тех, кому удалось выбраться наружу и кто, вопя, неся к джунглям, летел град выстрелов. Из восьми тысяч человек, напавших на Югну, уцелела едва ли пятая часть.

Погоня продолжалась. То тут, то там в городе раздавались звуки отдельных стычек. Денхэм спустился с башни с бледным лицом, поскольку увидел, какая в городе началась бойня. Пришла Эвелин, сопровождаемая сильной охраной. Появился гордо усмехающийся Атен, словно он лично победил всех врагов. И когда Эвелин протянула дрожащую руку, чтобы коснуться руки Томми, над их головами пронеслась какая-то тень, и послышался треск автоматной очереди. Только гораздо позже Томми понял, что получил с полдюжины мелких ранений. А тогда он крикнул: «Джекаро!» и инстинктивно бросился в ту сторону, куда улетела тень.

Самолет направился к той самой площади, на которой еще недавно шло кровопролитное сражение. Он даже не приземлился, а наискось врезался в землю, и из него выскочили пассажиры, в грязных и разорванных костюмах, которые некогда были сшиты лучшими портными Земли.

Защитники Югны побежали к ним, но раздалась пара автоматных очередей, несколько человек упало, остальные отпрянули

и спрятались за укрытия. Гангстеры побежали, не прекращая стрельбу, нырнули в туннель и исчезли.

– Там Труба! – взревел Смизерс. – Они бегут к Трубе!

Он бросился было вперед, но Томми схватил его за руку.

– Они войдут в вашу Трубу, – коротко сказал он. – Она похожа на ту, через которую они попали в этот мир, и они подумают, что это она и есть. Ну и пусть себе бегут!

Смизерс дернулся, пытаясь вырвать руку.

– Но они же вернутся на Землю! – закричал он. – Они же опять получат свободу!

Из-за двери, через которую убежали гангстеры, послышался хлопок, похожий на выстрел. Томми мрачно улыбнулся.

– Они уже ушли в Трубу, – сказал он. – И взорвали ее за собой. Но... Я еще не успел рассказать вам. Ваши ученики соединили паровые генераторы, которые использовались вместо катушек. Вы осмотрели их и забраковали пару генераторов. Они чем-то не понравились вам. Но ваши ученики забыли об этом и оставили их наряду с остальными.

Смизерс издал странный звук.

– Да-да, так и было. Вместо четырех изгибов под прямым углом там оказалось шесть. И вы второпях включили пар, не заметив этого. Я не знаю, сколько измерений существует в нашей вселенной. Мы знаем о пяти, но их может быть любое число. Так что Джекаро и его люди не вернулись на Землю. Бог знает, где они очутились. Может, где-то за миллионы миль в космосе. Но Земля теперь в безопасности. Она избавилась и от гангстеров, и от Смертоносного Тумана.

Томми повернулся и тепло улыбнулся Эвелин. Вид его был ужасен, хотя он не осознавал этого. Он был весь в крови, ожогах и ранах. Но он не обращал внимания на такие мелочи, наслаждаясь победой.

– Мне кажется, Эвелин, – просто сказал он, – что мы заслужили доверие Золотого Города, и что больше никто не посмеет предложить отравить Землю ядовитыми газами. На ближайшем же заседании Совета мы убедимся в этом. А затем, мне кажется, мы сможем заняться личными делами. Ты – первая земная девушка, которую поцелуют в Пятом Измерении. Так давай же, посмотрим, отличаются ли чем-нибудь здешние поцелуи...

И снова был зал Совета в правительственной башне Золотого Города Югна. Снова странные скамейки возле стола из черного дерева – хотя из мест, которые раньше были заняты, два те-

перь пустовали. Снова за скамейками охранники, а дальше толпа зрителей-посетителей, граждан Югна, посещающих заседания Совета. На сей раз аудитория была необычной. Многие носили повязки, были ранены, с переломами и прочими травмами, полученными во время сражения. Но как только вошел Томми, по залу пронесся радушный шепоток. На нем была туника и бриджи Золотого Города, поскольку собственная одежда пострадала во время последних передряг и ремонту не подлежала. Седобородый Советник поглядел на своих товарищей, и все встали. Потом Совет разом опустился на скамейки.

Дальше все пошло своим чередом. Хранитель Продовольствия сообщил, что выкуп, заплаченный Рану, был возвращен после сражения. Хранитель Архивов доложил с нескрываемым удовлетворением в голосе о числе врагов, убитых во время битвы. Он также добавил, что потери Югна составили всего лишь один к десяти. И еще добавил с нажимом, что, благодаря нововведениям, от прежних работ были освобождены две тысячи человек, и это еще только начало. Дежурство при машинах уже уходит из списка занятий первой необходимости. Затем глаза присутствующих обратились на Томми. Все ждали его отчета. Томми поднялся с места.

– Я был Командующим обороной, – медленно начал он, – в этом сражении. Я дал вам новое оружие. Два моих товарища сделали еще больше. Теперь ваши машины будут все меньше и меньше нуждаться в присмотре, по мере развития тех идей, которые они вам подали. Есть весьма обоснованная надежда, что один из моих товарищей поможет вам создать устройство для ультразвуковых колебаний, которые станут оружием против самих джунглей. Моя же работа закончена. Но я опять прошу вас подружиться с моей родной планетой Земля. Я прошу, чтобы не было больше никаких мыслей о войне. Я прошу, чтобы все то, что вы получаете от нас, было передано другим городам на вашей планете для их успешного выживания. А поскольку больше не будет войны, я слагаю с себя полномочия Командующего обороной.

Среди зрителей пошел ропот, начавший постепенно повышаться до криков. Седобородый Хранитель Продовольствия улыбнулся.

– Есть предложение, чтобы должность Командующего Силами Обороны стала постоянной, – негромко сказал он.

Он достал коробку и прикоснулся к определенному ее месту. Затем передал ее следующему Советнику, затем следующему,

и так далее. Она прошла вокруг стола, затем повторила свой маршрут, но теперь лишь каждый просто поглядел на нее сверху.

– Теперь вы навсегда становитесь Командующим Силами Обороны, – сказал седобородый Томми. – Ну, а теперь отдайте приказ, что ваши требования должны автоматически становиться законами.

Томми беспомощно поглядел на него. Внезапно он увидел Атена, стоявшего на заднем плане и счастливо улыбавшегося ему. Собравшиеся здесь жители Югна проревели нечто вроде одобрения.

– Ладно, но что это значит? – спросил Томми.

– Уже много лет, – нелюбезно ответил ему человек с ястребиным лицом, – у нас не было Командующего Обороной. У нас не было никаких войн. Но сейчас мы видим, что это необходимо. Мы выбрали вас единогласно. Командующий Обороной, – фыркнул он слегка вызывающе, – обладает властью, которая когда-то была у древних королей.

Томми сел и откинулся на спинку странно похожего на скамейку стула, прищурившись. Это упрощает ситуацию. Не будет больше никаких опасностей для Земли. У Денхэма и Смизерса будут развязаны руки, и они без помех смогут помочь здешнему народу, а Денхэм изучит то, что уже открыли местные науки, и это будет иметь неоспоримую ценность для Земли. А может, удастся наладить постоянные контакты с Землей, не опасаясь никаких войн. И даже возможно...

Внезапно Томми улыбнулся, широко, но немного насмешливо.

– Хорошо, я проживу здесь какое-то время. Только сначала расскажите, а как здесь заключаются браки?

(Astounding, 1933 № 1)

THRILLING WONDER STORIES

15¢

FALL
ISSUE

BUY WAR BONDS
AND STAMPS
FOR VICTORY!

A THRILLING
PUBLICATION

The
**ETERNAL
NOW**
*An Astonishing
Novel*
By **MURRAY
LEINSTER**

**THE LAST
MAN IN
NEW YORK**
*An Amazing
Novel*
By **PAUL
MAC NAMARA**

ВЕЧНОЕ «СЕЙЧАС»

ГЛАВА I. *Машина бесконечности*

Здесь был солнечный свет. Были цвета. Были звуки. Они стояли в совершенно обычном кабинете совершенно обычным днем совершенно обычного мира. В соседней комнате работала машинистка. В воздухе стоял гул, который постоянно бывает в любом большом городе, гул движения и жизни.

– Доктор Бретт, это моя племянница мисс Хант, – сказал дядя Лоры. – Мне кажется, она будет...

Рука Гарри Бретта сомкнулась на руке улыбающейся ему девушки. На ощупь рука была очень приятна, и девушка была очень симпатичной...

Каждым атомом своего тела он почувствовал невыносимую боль. Это походило на удар, поразивший его с головы до пят. У него возникло чувство бесконечного падения и сильного холода. Глаза оказались закрыты, поэтому он открыл их и сел прямо, не в силах дышать от изумления.

Он был не в офисе Берроуза и Лоусона в здании на Сорок Второй улице. Он находился в полулежащем положении в чем-то напоминающем пляжное кресло. Хотя это было вовсе не пляжное кресло... Он был на свежем воздухе, совершенно не похожем на свежий воздух... Явно в городе, хотя это не было похоже ни на один город, какой он когда-либо видел. Первым делом Гарри подумал, что умер, и это было преддверием иного мира. Нечто вроде места ожидания возле Стикса.

Вокруг все было серо, тихо, и не было никаких теней. Но первый ошеломленный миг прошел, и он увидел, что находится в чем-то напоминающем террасу возле пентхауза, в какой-то невозможной вселенной. Повсюду был редкий серый туман, а поблизости виднелось вздымающееся вверх здание. Оно было серым, как и все остальное. Виднелся ряд окон, но все они были закрыты непрозрачным серым материалом вместо стекла. Гарри увидел, что здание окружено чем-то вроде живой изгороди из растений, напоминающих самшит, но они тоже были серые, а листва не отбрасывала ни малейшей тени. Невдалеке было вьющееся растение с серыми листьями, серым стеблем и серыми цветами. Однако, в воздухе не было ароматов. Вообще не было никаких запахов. И все это вместе пугало.

Было достаточно одной тишины, чтобы заболели барабанные перепонки. Гарри откашлялся, и собственные звуки в горле показались ему раскатами грома. Вокруг стояли дома. И все. Ни движения. Ни жизни. Никаких звуков. Не было даже обычного шелеста ветерка.

Гарри ушипнул себя – было больно. Он пошевелился, и под ним заскрипела подушка. Он встал, и были отчетливо слышны его шаги. Казалось, он создавал потрясающий грохот, когда прошелся по террасе, чтобы недоверчиво взглянуть за ее край.

Случайно он задел рукавом одно из растений. Раздался звук рвущейся ткани. Гарри был поражен. В серых безмолвных сумерках без теней он не мог быть совершенно уверен в своих глазах. А глаза говорили ему, что он порвал куртку о хрупкий куст. Гарри зажег спичку, чтобы получше осмотреть это растение. Оно стало еще больше походить на ненастоящее. Но все же было настоящим!

Он прикоснулся к листу и не поверил своему осязанию. Лист был неподвижен. Он был такой же твердый, как каменная стена. Он был даже тверже железа. Гарри не мог согнуть его. Он нажал изо всех сил, но лист даже не шелохнулся. Когда он коснулся земли под растением, пальцы почувствовали неровности.

Гарри выпрямился, что-то недоверчиво пробормотал и, пройдя вперед, заглянул через край террасы. Серый туман скрывал землю внизу. Скрывал и небо. Но Гарри, казалось, смутно видел контуры здания, стоящего напротив.

Спичка обожгла ему пальцы. Он подул на них и осмотрел. Его кожа тоже была мертвенно-серой, как и все остальное. Она была мягкой, естественно морщилась, но походила на серый мрамор. Он зажег вторую спичку – в ее свете рука была обычного цвета.

Внезапная мысль забилась у него в голове: «Масс-обнулитель! Масс-обнулитель!» Он осмотрелся, и горло его стало сухим, как пепел. Ужасное подозрение росло в его сознании. Что-то сродни безумию. Четыре года он работал над теорией, что масса не является врожденным, неизменным свойством материи. Он доказал это, но наткнулся на такие ужасные, смертельно опасные последствия, что не решился провести эксперименты и уничтожил свой аппарат. А этот серый мир вокруг являлся доказательством, что кто-то другой сделал то же самое открытие.

У него возникло чувство, будто кровь в венах превратилась в лед. Холод пронизал все его тело. Серый мир, неподвижные рас-

тения – это не могло быть ничем иным. Не могло быть никого, кто захотел бы сделать такое. Ведь это было безвозвратно.

Затем он услышал звук, первый звук, который издал не он сам. Звук походил на сдавленное восклицание. Гарри повернулся и увидел на террасе второе пляжное кресло. На нем пошевелилась и снова вскрикнула какая-то серая фигура.

Тогда доктор Гарри Бретт зажег третью спичку. В ее свете серость превратилась в разные цвета, а серая фигура оказалась Лорой Хант, с которой он минуту назад обменялся рукопожатием, как раз перед тем, как оказался в этом странном мире.

– О, Боже! – в ужасе воскликнула девушка. – Где я? Что случилось?

– Я н-не... не совсем уверен... – забормотал Гарри. – Стараясь не верить своим глазам. А вы ничего не знаете?

Он был не совсем искренен. На самом деле, он знал, где находится. По крайней мере, *когда* находится. Но, милосердия ради, он должен скрывать от нее это как можно дольше.

– Н-нет... – Голос девушки дрожал. – Не может быть подобно-го места! – Она замялась. – Мы что... умерли?..

– Пока еще нет, – сказал Гарри, пытаясь пошутить.

Но самому ему было не до шуток. Однажды он запустил в клетку, стоявшую в поле действия масс-обнулителя, живую мышь, включил машину и тут же снова выключил.

Мышь в клетке стала кучкой пыли с рыхлыми остатками костей и полосками красной ржавчины. Это подсказало ему, почему первые машины самоуничтожались, мгновенно ржавели, пока он не стал их делать из хромированного металла. Во всем было виновно устранение массы из объекта и реальное значение формулы Эйнштейна для массы и времени объекта, перемещающегося со световой скоростью. Никто не подумал применить эту формулу, Гарри и сам наткнулся на это случайно, в поисках совершенно другого. А теперь...

– Мы не мертвы, – сказал он, стараясь, чтобы голос его не дрожал. – Я чувствую себя вполне нормально. Думаю, мы должны попытаться узнать, что же произошло. Нас как раз познакомили друг с другом, когда это случилось, – добавил он, видя по глазам девушки, что она близка к истерике от страха. – Ваша фамилия Хант, не так ли?

– Да, Лора Хант. А вы – Гарри Бретт, ученый. Вы можете что-нибудь сделать?

– Я собираюсь попробовать, – сказал Гарри, хотя понимал, что

надежды на это нет. — Сначала я хочу осмотреться. Желаете подождать здесь?

— Я... — девушка осмотрела мертвенно-серое, туманное окружение. — Нет! Я пойду с вами!

Спичка опять обожгла Гарри пальцы и погасла. Лора вскрикнула.

— Да, я похож на призрака, — сказал ей Гарри. — И вы, кстати, тоже. Посмотрите на руки.

Девушка снова вскрикнула, увидев серый, как камень, цвет ее кожи. Гарри зажег очередную спичку. В ее свете руки снова стали нормальными.

— Это все свет, — сказал Гарри. — В этом мире вообще нет цвета.

— Вон там есть, — слабым голосом сказала девушка.

Из серого дверного проема, открывавшегося в серую комнату, через которую был виден серый вестибюль, лился неяркий желтый свет. Сердце Гарри забилося. Он знал, что надежда умирает последней. Был лишь один человек в мире, который вообще знал о масс-обнулителе Гарри Бретта. Это был профессор Олдос Кэйбл, которого злило работать помощником Бретта, и который люто ненавидел Гарри, потому что Гарри достиг того, чего профессор никогда не имел. Больше не было никого, кто мог бы сотворить такое или, по крайней мере, хотел бы этого.

— Не думаю, что свет зажгли специально для нас, — произнес Гарри, — но, наверное, стоит туда пойти.

Он взял девушку под руку и повел к двери, из которой шел свет.

— Я... Наверное, я просто сошла с ума, — дрожащим голосом заявила Лора. — Этого же просто не может быть!

Гарри ничего не ответил. Они вошли в открытую дверь. Больше они не были под открытым небом, но внутри было все так же, как и снаружи. Стены, пол, потолок и мебель не отбрасывали теней. Рука девушки напряглась. Все здесь светилось, даже они сами. У Лоры перехватило дыхание.

— Возьмите себя в руки! — сказал ей Гарри. — Я боюсь не меньше вашего.

На самом деле, он боялся гораздо больше нее. Он знал, что произошло. Эйнштейн постулировал, что существуют врожденные отношения массы и времени, так что если какой-нибудь материальный объект — например, космический корабль, — при-

ближается к скорости света, то масса его становится бесконечно большой, а время останавливается. То, что покажется экипажу такого корабля секундой, для остальной вселенной будет столетиями или тысячелетиями. Сейчас же, наоборот, масса стала не бесконечно большой, а уменьшилась до нуля!

На полу возле прихожей лежал фонарик. Он был включен, его луч освещал часть комнаты, и там, куда падал свет, комната казалась совершенно нормальной. Коврики, мебель. За туалетным столиком сидела женщина и подкрашивала себе губы.

— Прошу прощения, — едва вымолвила Лора Хант. — Вы можете мне сказать?..

Женщина не шевельнулась. Она была неестественно неподвижна. Неподвижна, как камень. Гарри шагнул вперед и коснулся ее плеча. Оно было словно каменное. По лбу у него заструился пот.

— Что же это? — дрожа, спросила Лора.

— Это именно то, чего я боялся, — мрачно сказал Гарри. — Вот только этот фонарик не должен работать, но он работает. Давайте — ка посмотрим его!

Он коснулся фонарика, и тот шевельнулся. Тогда Гарри поднял его. Этот был совершенно обычный фонарик на сухих

батарейках.

– Возможно, его здесь оставили, чтобы заставить меня надеяться, – мрачно сказал он. – Как это ни смешно, но мне приходится принимать факты. Пойдемте со мной!

Он повел лучом фонарика. Везде, куда падал кружок света, светящиеся, призрачные стены и потолок выглядели нормальными. Коврики? Гарри пнул один ногой. Коврик был тверд, как железо, ни одно волокно его даже не шевельнулся. Гарри поморщился, ушибив об него ногу.

– Все для того, чтобы мы какое-то время надеялись, – мрачно сказал он. – Давайте осмотрим все остальное.

Девушка крепко держалась за него, когда Гарри прошел в холл.

– Вы знаете, что произошло? – спросила она.

– Увы, да, – ответил Гарри. – Я разрабатывал теорию, что масса не должна быть неотъемлемой частью материи. Эйнштейн заявлял, что у объекта может быть бесконечная масса. Количество вещества не меняется, но масса меняться может – как и скорость течения времени. Вот я и задался вопросом, а что бы произошло, если можно было бы уменьшить массу почти до нуля. И я нашел ответ!

Они прошли через холл в открытую дверь. Фонарик осветил дверцы лифта. Гарри нажал большим пальцем кнопку вызова. Но кнопка не двинулась. Тогда он выключил фонарик.

Мерцающее желтоватое свечение очертило контуры лестничной клетки. Этажом ниже стояла на ступеньке обычная свечка, засунутая в бутылку.

– Все понятно, – с горечью сказал Гарри. – Это устроил Кэйбл. Больше некому. Он был моим помощником и помогал в экспериментах. Я создал машину, которая уничтожает массу в пределах своей досягаемости. Она работала, но мне не понравилось то, что я узнал. Эйнштейн утверждал, что у объекта может быть бесконечная масса и нулевое время...

Они осторожно стали спускаться по ступенькам. Гарри оперся о перила и увидел внизу шарики желтого света. Указатели, которые должны были направить их в нужное место.

– Я обнаружил способ сделать массу нулевой, – сказал он девушке. – Не совсем нулевой, но близко к тому. При этом я обнаружил, что скорость движения времени становится почти бесконечно великой! Обратная сторона формулы Эйнштейна. Если

сделать у космического корабля – или человека – нулевую массу, то для него пройдут столетия или тысячелетия, вмещенные в обычную секунду. Именно это и произошло с нами. Мы живем сейчас, примерно, в сто миллионов раз быстрее обычного. Мы могли бы прожить здесь всю жизнь и умереть от старости – а на часах в обычном времени не пройдет и секунды.

Девушка споткнулась. Они подошли к свече в бутылке, Гарри держал фонарик так, чтобы освещать несколько ближайших ступенек.

– Но как это могло произойти?

– Все мой помощник, – мрачно ответил Гарри, – Кэйбл! Он завидовал тому, что я получал потрясающие результаты, а сам он не мог провести ни одного оригинального исследования. Когда я понял, на что способен мой аппарат, то все прекратил. У него были такие возможности, что страшно и подумать. И я не принял во внимание, что Кэйбл тоже разбирается в нем. Очевидно, он самостоятельно скопировал мой аппарат, и мы оказались здесь потому, что он обработал им нас. Во всяком случае, это единственная возможность, какую я могу пока что вообразить. Есть, однако, некоторые странности...

Он замолчал. Девушка заметно дрожала. Они дошли до основания лестницы. Впереди виднелся желтый свет. Он струился из открытой двери и освещал часть холла и абсолютно твердого, абсолютно неподвижного лифтера в униформе. Гарри стиснул зубы и направился к освещенной двери. Наиболее вероятно, что его заманивают сюда, чтобы он прочитал сообщение, напомнившее ему о кучке пыли, в которую превратилась мышь во время его эксперимента, и в которую вскоре должен превратиться доктор Гарри Бретт.

Он вошел в дверь, готовый к любым насмешкам и издевательствам. Но увидел стол, освещенный сотней свечей, понатыканных повсюду в различных сосудах. За столом сидел профессор Олдос Кэйбл и трясся от ненависти над грудami каких-то вычислений и диаграмм, разбросанных по столу.

– Привет, – с иронией сказал Гарри. – Ну, и зачем вы привели нас сюда?

Кэйбл заскрипел зубами. На лице его была явственно видна смесь ненависти и ужаса, но яростная ненависть была сильнее страха.

– Вы знаете, где находитесь! – хрипло сказал он.

– Могу высказать неплохое предположение по этому поводу, –

хладнокровно ответил Гарри.

– Тогда найдите способ вернуться, – жестко произнес Кэйбл.
– У меня это не вышло!

ГЛАВА II. *Игрушки для господина*

За дверью позади стола была двухэтажная квартира, полная людей. Кэйбл отчаянно пытался решить проблему, когда прибыли Гарри и Лора Хант. Теперь же он подвел их к внутренней двери, весь трясаясь от душившего его гнева, и распахнул ее.

– Вот он, – со злостью заорал Кэйбл. – Расскажите ему, что происходит!

И он втолкнул Лору внутрь. Гарри ничего не оставалось, как броситься за ней. Дверь тут же закрылась. Профессор Олдос Кэйбл остался снаружи, стискивая кулаки.

За дверью была большая комната, и в ней находилось не менее дюжины человек. Среди них было четыре-пять мужчин, главным образом, моложе Кэйбла, остальные были женщины разных типов, но в основном, худощавые, интеллигентного вида. Правда, была среди них одна пышная рыжая красотка. У всех собравшихся было одно общее – глаза, полные ужасом, близким к безумию.

Пластинка на патефоне закончилась, и музыка смолкла.

– Ради Бога, поставьте ее снова! – отчаянно выкрикнул кто-то.

Один человек поставил иглу на начало пластинки, и снова раздалась бессмысленная мелодия, у которой было лишь одно достоинство – она создавала шум. Гарри сразу все понял. Эти люди пробыли здесь долго, несколько недель по их времени. А в этом мире царила абсолютная тишина, тишина и неподвижность. Время остановилось. Движение остановилось. Люди на улицах слабо светились в серых сумерках. И попавшие сюда почти обезумели от ужаса.

К Гарри подскочил молодой человек с подергивающимся лицом.

– Вы Б– Бретт? – заикаясь, спросил он. – Профессор К-Кэйбл сказал, что вы вытащите нас отсюда! Вы – доктор Б-Бретт?

Гарри кивнул. Молодой человек сделал глубокий вздох.

– Тогда помогите нам! – пронзительно закричал он. – Мы все тут сходим с ума! Профессор Кэйбл уже сумасшедший! И мы все станем с-сумасшедшими!

Напряженное молчание было сломлено. Крикнула какая-то

девушка. Комната наполнилась голосами. Все столпились вокруг Гарри, трогали его, гладили по спине, что-то лепеча. У всех нервы были на пределе, все тряслись от страха. Казалось, что все одновременно впали в истерику. Гарри оттолкнул Лору Хант себе за спину.

– Замолчите, – резко сказал он. – Замолчите и... возьмите себя в руки!

Но это не оказало никакого эффекта. Лепет и бормотания переросли в дикий шум. Гарри начали дергать. На него вопили. Ему что-то пытались рассказать. Он был в центре массового нервного срыва. Это было оглушительно, невнятно, ужасно.

Гарри был потрясен, увидев, до чего может довести людей страх.

Дверь позади Гарри раскрылась. В ней показалась высокая, худощавая фигура Кэйбла. Его никто не заметил, но он тут же перевел внимание на себя.

– Тихо! – взревел он во весь голос.

Крики немедленно прекратились. Наступила мертвая тишина, в которой раздавался лишь шелест доигранной до конца пластинки на патефоне. Люди, которые только что вели себя, как бешеные, съезжились при виде Кэйбла и, казалось, утратили дар речи. Они попятились в разные стороны. Но продолжали переводить полные ужаса взгляды с Гарри на Кэйбла и обратно.

– Отвечайте на его вопросы, – рявкнул Кэйбл. – Расскажите все, что он захочет узнать. Делайте, что он вам скажет. Но только тихо и по очереди.

На Гарри он так и не взглянул. Просто шагнул назад и закрыл за собой дверь. Наступила испуганная тишина. Гарри почувствовал на своей руке чью-то дрожащую руку. Это была Лора, бледная, с широко раскрытыми глазами. Он похлопал ее по руке.

– Успокойтесь! – тихонько сказал он. – Я не видел ничего подобного, но здесь все выглядит лучше, чем я ожидал.

Теперь он понял, почему очнулся на уличной террасе неизвестной квартиры. Кэйбл обезумел от ярости, потому что не мог обойтись без Гарри. Он поместил Гарри наверху и заставил его спускаться по лестнице, отметив зажженными свечками ему дорогу, потому что ему была невыносима сама мысль общаться с ним. Если Гарри проснется и поймет, что оказался в мире, где время остановилось, то Кэйбл сможет избежать долгих объяснений.

И теперь, заманив его к этим несчастным людям, он по-преж-

нему пытался избежать беседы один на один с человеком, которого ненавидел, ограбил и которому так завидовал. Сам он, вероятно, мог бы объяснить все в десять раз понятнее и проще, но он так ненавидел Гарри, что сделал все, если бы это сделали за него другие. Поэтому Гарри должен был узнать все необходимые сведения из вторых рук.

Гарри повернулся и сурово оглядел находящихся на грани истерики людей.

— Сядьте! — скомандовал он. — Я только что оказался здесь. Я знаю, что именно здесь случилось, но должен знать, как это произошло, чтобы все прекратить. Садитесь и отвечайте на вопросы.

Он предполагал, что за люди находятся перед ним. Это был тип людей, который польстил бы тщеславию профессора Кэйбла — а тщеславие у него было громадное и жадное. Кэйбл был блестящим студентом, и ему пророчили блестящее будущее. Потом он стал самым молодым профессором физики в Америке. Но его репутация оставалась прежней и ничуть не росла. Он был слабым преподавателем из-за высокомерного, надменного поведения по отношению к своим ученикам. Профессор Кэйбл не внес ничего оригинального в исследования, кроме претенциозных статей, объявляющих о чрезвычайно важных открытиях, которые никто никогда не проверял. В конце концов, его попросили с должности из-за попыток получить признание за обман с несуществующими открытиями. Фактически, он был непригоден для оригинальной, независимой работы, но тщеславие не позволяло ему согласиться с этим. Он вполне годился для работы под чьим-нибудь руководством, и был весьма полезен в качестве помощника Бретта. Тем не менее, теперь Кэйблу удалось все испортить!

— Я подозреваю, что большинство из вас и раньше знало профессора Кэйбла, — сказал Гарри. — У вас был своего рода кружок, не так ли?

Это было так. Чей-то дрожащий голос поведал один факт, затем другой голос рассказал о другом. И через несколько минут у Гарри была часть общей картины.

Вечера Кэйбл проводил в окружении людей, восхищающихся его претензиями на громадный авторитет и престиж гениального ученого. Он буквально питался их восхищением и одновременно был раздражен своим зависимым от Бретта положением.

Успех исследований Бретта с масс-обнулителем наполнял его неистовой завистью, потому что сам он не мог придумать ничего подобного. И когда Гарри с сожалением решил, что результаты его опытов слишком опасны и их нельзя продолжать, Кэйбл не видел причин осторожничать.

Он хвастался перед своими поклонниками масс-обнулителем так, словно это было его изобретение. Он рисовал картины мира, в котором все остановилось, и даже солнечный свет из желтого превращался в красный, потом какое-то время можно было видеть в рентгеновских лучах, а позже в призрачном свете космического излучения. Поскольку течение времени неимоверно ускорялось, то Кэйбл сказал, что там установится призрачный серый свет, свет бесконечно коротких колебаний, которые и являются тяготением. И он изобразил такой мир, как возможную поездку в машине, которую, по его словам, он сам создал.

Один из его поклонников процитировал «Новейший уско-ритель» Уэллса и стал рассуждать о возможностях, которые подобное устройство дало бы преступникам. Кэйбл рассказал, что человек в таком чудовищно ускоренном темпе времени может видеть предметы, перемещающиеся слишком быстро для обычного восприятия. Например, летящая пуля ему показалась бы неподвижной. Даже вспышка молнии двигалась бы очень медленно. Но собственные его усилия были бы слишком краткими, чтобы воздействовать на любые объекты, остающиеся в нормальном течении времени. Ему будет казаться, будто ничто, передвигающееся медленнее мили в секунду, вообще не шевелится. Для того, чтобы сдвинуть с места ниточку за такую малейшую долю секунды, ему бы потребовалось неимоверно большое усилие. Поэтому он ничего бы не смог украсть и никого не сумел бы убить.

– Для этого, – продолжал объяснения Кэйбл, – ему пришлось бы воспользоваться вторым аппаратом и поднять темп времени предмета, которого он хотел украсть, или человека, которого хотел убить, до уровня его собственного.

Затем он решил действовать. Вероятно, это было самой блестящей мыслью Кэйбла за всю его жизнь. Он уже построил собственный масс-обнулитель. Кэйбл знал, что он действует, преобразуя энергию массы в энергию скорости времени. Он еще не испытывал его, но был уверен, что аппарат будет работать лучше, чем аппарат доктора Гарри Бретта, из-за «улучшений», которые Кэйбл сделал в его устройстве. Теперь, вдохновленный

своими идеями, он создал второй масс-обнулитель. Войдя в зону действия первого аппарата, Кэйбл взял с собой второй. Включил первый, и солнечный свет покраснел и умер. Чуть погодя он увидел тускло-серые туманные сумерки, являющиеся тяготением, превращенным невероятным темпом времени в свет.

Запинаясь, нервничая, перескакивая с пятое на десятое, люди рассказали все это Гарри Бретту в гостиной, где они жили совместным табором. Они не могли объяснить все лучше, но Гарри сам догадался о недостающих деталях.

Кэйбл включил второй аппарат. Он мог пройти через весь неподвижный город, а когда окутывал полем второго аппарата объект, находящийся в нормальном времени, — а этот объект, разумеется, не мог ему ничем помешать, — и нажимал выключатель, то объект переходил в ускоренный темп времени и становился доступным Кэйблу. Так он открывал любые двери, проникал в банки и ювелирные магазины. Он собрал себе громадные украденные сокровища. Но это все было не то, потому что Кэйбл жаждал восхищения. Окружив себя сокровищами, он желал бури аплодисментов.

Тогда он нашел одного члена своего кружка, разумеется, застывшего и неподвижного, как и весь остальной мир. Он создал вокруг него поле — это оказалась пышная рыжая красotka, — и она очнулась в мире серых сумерек. Ее звали Рут Джонс. Была она начинающим репортером. Возможно, у Кэйбла была идея добиться с ее помощью известности и славы. Но девушка тут же впала в истерику от ужаса. Однако, она не отходила от него, потому что Кэйбл был единственным живым существом в кошмарном мире смерти. Сам он ничего не боялся — потому что был дураком, — и ее страх заставил его почувствовать себя сильным и отважным. Потом он нашел остальных своих поклонников. Они очнулись, чтобы оказаться в мире без времени, мире вечного «сейчас». Все были напуганы, и послушно ходили за Кэйблом, потому что лишь он мог забрать их обратно в нормальный мир.

Какое-то время Кэйбл был в восторге от своего положения. Он был хозяином всех сокровищ Земли. На всем земном шаре не было ни единой вещи, которую он не мог бы забрать, если бы пожелал. Он был хозяином жизни тех, кого пробудил здесь. Пища? Везде была масса еды, но серой, слабо светящейся, если на нее не падал нормальный свет. Но и тогда ее нельзя было взять или съесть. Даже водой нельзя было напиться. Пока Кэйбл не ис-

пользовал второй масс-обнулитель, чтобы превратить ее снова в жидкость. Его жертвы не могли бросить ему вызов. Они могли лишь заискивать перед ним ради жизни и средств к существованию.

— Шикарно, должно быть, он проводил тут время, — мрачно сказал Гарри Бретт. — Человек, свихнувшийся от тщеславия. Но вы кое-что упустили. Откуда здесь столько драгоценностей?

Действительно, всюду, где только можно, были драгоценности, ими были обвешены даже мужчины. Все тревожно посмотрели друг на друга. Но доктор Гарри Бретт был теперь их

единственной надеждой. Поэтому они рассказали ему, что Кэйбл время от времени щедро раздавал им сокровища. Он был владельцем всех сокровищ мира и мог позволить себе и им стать богатыми. Карманы и сумочки у всех были набиты драгоценными камнями и деньгами. Но они готовы отдать все это, лепетали они, чтобы снова увидеть солнечный свет и услышать, как говорят окружающие.

— Не сомневаюсь в этом, — сказал Гарри. — Но почему он не может вернуть вас?

Все смолкли и со страхом уставились на закрытую дверь. Но, в конце концов, все ему рассказали. Кэйбл согласился вернуть их в обычный мир. Они всей толпой пошли в область действия его первого аппарата. Все были богаты, но волновались и нервничали. Всякий раз, когда Кэйбл хмурился, их переполняла паника. Наконец, он присоединился к ним и щелкнул выключателем.

И ничего не произошло! Вообще ничего не изменилось. С тех пор Кэйбл работал бешено, лихорадочно. Дюжину раз все собирались у первого аппарата, но не возвращались в нормальный темп времени. Они оставались в этом мире, где время стояло, в мире, где царило вечное «сейчас».

Это было давным-давно. Ужасно давно. Аппарат прекрасно работал, чтобы переводить вещи из обычного темпа времени в этот, но обратно не действовал!

— Выходит, он построил аппарат, перенес сюда себя, а затем и всех вас, но не может вернуться, — с иронией сказал Гарри. — Довольно глупо, не так ли? Наконец, он был вынужден доставить сюда меня. Но я в этот момент пожимал руку девушке, поэтому он перенес нас обоих. Вот ведь дурак!

Дверь снова открылась. Появилась темная, худая фигура Кэйбла. Было ясно, что он слышал каждое слово. Его приверженцы съезжались. Кэйбл весь трясся от гнева.

— Вы говорите, что я дурак? — прорычал он. — Прекрасно. Тогда идите и начинайте работать. На сей раз я здесь босс, а вы работаете на меня. Или вы заставите работать этот аппарат, или я прикажу, чтобы эти люди начали поджаривать вас на медленном огне, пока вы не сделаете это. Они выполняют все, что я им прикажу. Иначе я уйду и оставлю их здесь!

Гарри увидел панику, горящую в глазах поклонников Кэйбла. Остаться здесь — означает ужасную смерть. Если Гарри потерпит неудачу, они повинуются любому приказу Кэйбла. Гарри снова пожал плечами.

— Естественно, я попытаюсь заставить работать ваш аппарат, — презрительно сказал он. — Я хочу вернуть мисс Хант в нормальное время, и этих бедняг тоже. Но я сомневаюсь, что вы захотите присоединиться к ним.

— Верно! — заскрипел зубами Кэйбл. — Вы совершенно правы. Я так и сделаю. Идите и принимайтесь за работу.

ГЛАВА III. *Деспот-убийца*

Профессор Кэйбл, доктор Гарри Бретт и Лора Хант шли по улице, больше походившей на кошмарный сон. Можно было узнать в ней Парк-Авеню, но лишь по железным рельсам, заросшим травой, посередине ее. Шаги гулким эхом отдавались от тротуара. Они прошли мимо превратившегося в серый камень человека, похожего на скульптуру, прекрасную и в то же время ужасную, потому что это все же была не скульптура, а живой человек. Вблизи ужас усиливался еще и тем, что он вообще не отбрасывал тени. Потом они прошли мимо женщины с ребенком, Затем обогнули трех молодых девушек с красивыми ногами. И у всех них не было теней.

На дороге были автомобили, но издали они казались просто сгустками тумана, пока к ним не приближались. А вот тогда они превращались в какие-то пародии на машины. Вообще казалось, будто весь мир серого тумана был одной гигантской пародией. При приближении туман превращался в камень, а при удалении вновь становился туманом.

Но серые скульптуры были не камнем, а живыми людьми, превратившимися в камень. И то, что это была когда-то знакомая Парк-Авеню, придавало нелепости, потому что люди слабо светились, а туман светился ярко, и возникало чувство, словно они идут во сне какого-то злого демона. Все казалось нереальным из-за отсутствия теней. Все казалось ужасным, потому что все светилось странным внутренним светом. И от всего несло серым ужасом из-за гробовой тишины и тумана.

Профессор Кэйбл свернул с Авеню и повел их путем, который они не смогли бы запомнить. Все шли молча. Кэйбл выглядел переполненным яростью. Человек с его бешеным тщеславием, который проявил себя дураком, не мог забыть, что его называли дураком перед его же жертвами.

Внезапно он опять свернул, провел их по двум лестничным пролетам вниз и отпер тяжелую дверь. Чиркнул спичкой и зажег

свечи. В их свете интерьер комнаты изменился из неясной серой пещеры до весьма запущенной мастерской. Возможно, это был магазинчик, где что-то производили, или ювелирная мастерская, где занимались огранкой камней. В углу стоял мощный сейф. У стены был токарный станок, приводимый в движение ножной педалью и инструменты для работы по металлу.

— Вот место, где я работал, — хрипло сказал Кэйбл. — Я сделал еще два масс-обнулителя, потому что не мог найти никаких неполадок в первоначальных. Но они тоже не работают.

Он вытащил руку из кармана. В ней оказался пистолет.

— Я собираюсь запереть вас здесь, — жестко заявил он. — На окне решетка. Дверь вы выбить не сможете. Я буду носить вам еду. Я приготовил для вас все. Вот один из масс-обнулителей. Он переводит вещи в наш темп времени, но в обратном направлении почему-то не действует. Узнайте, почему.

И он заскрипел зубами от гнева.

Гарри осмотрел знакомый предмет на стенде. Аппарат был не хромированным, как у Гарри, но это не имело особого значения. Устройство Кэйбла было просто небольшим металлическим футляром с медным переключателем на крышке — у моделей Гарри переключатель был на длинном гибком шнуре. Это же была простая штучка с парой странно изогнутых металлических трубок, между которыми и находилась область обнуления и которые ограничивали радиус действия аппарата. Для него требовалось удивительно мало энергии. Гарри подозревал, что этот аппарат просто создает условие, при котором статическая энергия массы преобразуется в кинетическую энергию скорости временного потока. Он лишь бегло осмотрел обнулитель Кэйбла.

— Я узнаю, в чем загвоздка, а затем вы меня убьете, — сухо сказал он. — Ну, разумеется! Два человека не должны знать, как делать такие штуки. Это слишком опасно. Но я тоже попытаюсь убить вас, Кэйбл. Я прямо заявляю об этом, потому что пока вы не посмеете убить меня.

Кэйбл зарычал и отступил к двери с пистолетом наготове. Тяжелая дверь закрылась за ним. Щелкнул замок. Эту дверь действительно нельзя было выбить, потому что сверху и внизу она была укреплена тяжелыми металлическими полосами.

Гарри взял свечу и поднес ее к окну.

— Действительно, здесь решетка, — сказал он Лоре Хант. — Я думаю, он принял меры к тому, чтобы я не смог прорубить стены или пол, даже если сумею перевести их в здешний темп време-

ни. А пока что проверим обнулитель.

Гарри сел на рабочее место и аккуратно вскрыл медный футляр, в котором была электронная схема. Он небрежно осмотрел ее, затем тихонько присвистнул. Лора невольно облизала пересохшие губы.

– Что с нами будет? – спросила она. – Я все еще чувствую себя словно во сне, в ужасном кошмаре.

– На деле все еще хуже, – ответил Гарри. – Если Кэйбл вернется в обычное время с обнулителем, который будет работать в обоих направлениях, то настанут плохие времена. Он сможет похитить любую девушку и убить любого человека, не оставив никаких следов. Я думаю, что с его манией превосходства он закончит попыткой терроризировать весь мир, чтобы стать... Бог знает кем! Может быть, императором!

– Но он же не сможет!..

– Он может сделать хорошую попытку, – мрачно сказал Гарри. – Есть одна уловка, с помощью которой он смог бы разрушать целые города. Практически, он мог бы разрушить всю страну. Надеюсь, что он не догадается об этом.

Затем Гарри сказал: «Гм-м...» и снова взглянул на футляр обнулителя. Затем поставил крышку на место. Осмотрел инструменты на рабочем столе. Взглянул на ряд флагов с химикатами. Потом поднес к ним обнулитель и щелкнул выключателем. Полчаса он трудился, создавая в одной из флагов странную смесь химикатов. Потом сделал паузу, взял клочок какой-то бумаги и положил в карман.

Затем он отставил флагу, взял обнулитель, снял с него выключатель и поместил его на гибком шнуре, подсоединив тот к аппарату. Проверил контакты и повернулся к девушке.

– Лора, вы могли бы встать туда на секунду? – небрежно спросил он.

Она пошла к месту, на которое Гарри указал взглядом. Внезапно он исчез из ее поля зрения. Девушка вздрогнула.

– Прошу прощения, – сказал Гарри у нее за спиной. – Все в порядке.

– Что вы имеете в виду?

– Вы встали на это место, и я включил аппарат, – сказал ей Гарри. – Вы вернулись в нормальное время и стали застывшей и серой, как и все здесь. Затем я вернул вас обратно.

– Нет! – с тревогой воскликнула она. – Я ничего не

почувствовала.

— Вы пробыли в нормальном времени очень недолго, — коротко сказал Гарри, — поэтому не успели ничего ощутить.

Говоря, он что-то делал с обнулителем.

— Значит, мы можем вернуться в нормальный мир? — в отчаянии спросила Лора. — Так, может, уйдем, прежде чем он вернется?

— Вы же опять здесь, — сказал Гарри. — Потому что я вернул вас сюда. Так же сделает и он. Я пошлю вас туда, когда сумею обезопасить, но я не могу оставить в покое этого психа с работающим масс-обнулителем! Я должен ликвидировать его...

Загremели засовы двери. Лора вскрикнула. Гарри действовал с быстротой молнии. Он полил жидкостью из одной фляги на носовой платок. По комнате распространился острый запах аммиака. Гарри сунул платок девушке в руку, стремительно наклонился к ней и прошептал:

— Кэйбл все время подслушивал нас из-за двери. Поднесите платок к носу. Приготовьтесь бежать.

Заскрежетал, поворачиваясь, ключ. Гарри взял флягу, в которой делал какую-то смесь, потряс ее, плотно закрыв большим пальцем горлышко.

Распахнулась дверь, и в ней появился Кэйбл. Он весь трясся от ненависти. Пистолет его был направлен на Гарри.

— Значит, вы ликвидируете меня, да? — заорал он. — Вы наладили обнулитель, а теперь хотите ликвидировать меня? Ну, нет...

Фляга в руках Гарри начала тихонько шипеть. Палец его побелел от усилий, с какими он затыкал ее горлышко. Затем он отпустил палец. Раздался хлопок, вылетела тонкая струйка зеленоватого пара. Она ударила прямо в лицо Кэйбла, которое тут же передернулось от боли.

Кэйбл бросился назад. Пистолет гулко выстрелил в ужасной тишине города.

— Вперед, — напряженным голосом рявкнул Гарри. — И закройте платком лицо!

Гарри схватил Лору за руку и потащил мимо сгибающегося и задыхающегося Кэйбла. Втолкнул ее в вестибюль. Снова взревел пистолет, от выстрела, казалось, лопнули барабанные перепонки. Тут же прогремел третий выстрел.

Все тело Гарри содрогнулось от удара пули. Но он пихнул Лору к лестнице и сам побежал за нею по ступенькам. Их шаги

казались громом, пока их не заглушил ужасный шум сверху.

– Хлор, – задыхаясь, сказал Гарри. – Я предполагал, что он будет подслушивать за дверью. Для этого он и оставил вас со мной, чтобы мне было с кем говорить. Вас защитил аммиак, а я все это время не дышал. Плохо то, что газ все–таки не убил его.

Они преодолели лестницу и, выбежав на улицу, понеслись по открытому месту и скрылись в сером тумане. Пистолет с грохотом стрелял из окна у них над головами. Но Кэйбл задыхался и не мог прицелиться. Хлорный газ, который Гарри получил из соединения аммиака с серной кислотой, должно быть, жег, как огнем, ему легкие. Было маловероятно, что он умрет, но в течение часа, а то и больше, у него будут проблемы с дыханием. По этой причине Кэйбл не мог попасть в Гарри и Лору, хотя отчаянно стрелял по ним, пока не опустошил магазин пистолета.

Гарри тащил Лору вперед, пока не стало ясно, что никто за ними не гонится. Тогда он остановился. Он выглядел серой фигурой в мире серого тумана, а Лора была второй такой же фигурой. Гарри достал из кармана фонарик и посветил на себя. Тут же он превратился в живого человека.

– Все-таки он разок попал в меня, – мрачно сказал Гарри. – Нельзя было останавливаться, но у меня по-прежнему течет кровь. Лора, вы можете взять носовой платок и перевязать меня?

Кровь бежала довольно сильно, но, сделав тугую повязку вокруг руки, Лоре удалось остановить кровь.

– По-настоящему, вам нужен врач, – нервничая, сказала она.

– Справимся и без него, – ответил Гарри. – Надеюсь, пуля не попала в кость. А боль я перетерплю.

Они стояли на обширной площадке из полупрозрачного асфальта. Вокруг была ужасная тишина, и такая неподвижность, какой никто еще в мире не видел. Неподвижны были не только люди и транспорт. Неподвижен был даже ветерок. Даже голуби не летали над улицей. Не было даже насекомых. И не слышалось вообще никаких звуков.

– Теперь у него есть аппарат, который вы наладили, – сказала Лора. – Он может вернуться в нормальное время и оставить нас здесь умирать!

– Это он так думает, – усмехнулся Гарри. – Но посмотрите сюда!

Он показал девушке предмет, который унес из мастерской Кэйбла, спрятав его под пальто и обернув изолированные провода вокруг талии. Это был масс-обнулитель.

– Давайте посмотрим, будет ли теперь смеяться профессор, – сказал Гарри.

ГЛАВА IV. *Новый аппарат Гарри Бретта*

Сопровождаемый девушкой, Гарри шел по улицам, пока они не пришли в доки. Вода была покрыта неподвижной рябью и напоянала стекло. Гарри достал из кармана монетку, подбросил ее – когда она упала на воду, то подпрыгнула и зазвенела.

– Нам не нужен паром или мост, – заметил Гарри. – Река застыла крепче, чем любой холодной зимой.

Они осмотрели большой склад. В комнате сторожа нашли фонарь. Гарри включил обнулитель и перевел фонарь в ускоренное время. Фонарь осветил комнату, и его свет упал на коробку с завтраком сторожа. Гарри перевел и ее в свое время. Там был термос с кофе и бутерброды. Лора с жадностью съела их.

– Кажется, у меня появилась надежда, – призналась она. – Кажется, если ваша рана не слишком тяжелая, мы еще выберемся отсюда.

– Конечно, выберемся, – ответил Гарри.

Но рана болела. Ужасно болела. Пуля прошла через мышцы чуть ниже локтя и, возможно, отскочила от кости. Руку она не сломала, но Гарри потерял много крови.

Он стал чувствовать боль, когда прошел первоначальный шок.

Они нашли лестницу, ведущую вниз к воде, спустились по ней и, освещая дорогу фонариком, пошли через Гудзон. Гарри знал, что у Кэйбла не будет ни малейшего шанса отыскать их, как только они найдут убежище в домах Нью-Джерси на другом берегу реки. Но вокруг все было странным до крайности. Когда вокруг них сомкнулся туман, они не видели ни одного объекта материального мира. Фонарь освещал поверхность воды, иначе было бы невозможно идти. Но им казалось, что они висят над резервуаром, заполненным жидкостью. Вся же остальная вселенная была лишь серым туманом.

Они шли, шли и шли по скользким, застывшим волнам. Прошло много времени, прежде чем Гарри начал шататься и оступаться от слабости, вызванной потерей крови. Горячий кофе помог, но Гарри все равно чувствовал упадок сил.

– Мне казалось, что мы сумеем идти по прямой, ориентируясь по ряби воды, – с трудом сказал он. – Они подсказали бы нам направление, так как мы не видим, куда идти. Но я

ошибался. Мы заблудились.

Лора подставила ему под мышку плечо. От этого Гарри пронзила волна боли. Он прошипел сквозь зубы. Девушка обняла его за талию, и они двинулись дальше. Практически, она чуть ли не тащила его на себе, но они продолжали двигаться.

– Остановитесь, отдохнем, – сказал, задышавшись Гарри. – Послушайте. Если мы не найдем берег, вы возьмете обнулитель и пойдете одна. Рано или поздно вы доберетесь до земли. После этого не пытайтесь вернуться за мной. На это нет никакой надежды. Простонайдите себе убежище. Есть места, которые Кэйбл и его люди и не подумают обыскивать. Например, трущобы. Тогда встаньте в зону действия обнулителя и включите его. Если они вас не найдут, то все будет в порядке. Вы просто вернетесь в нормальное время. Проблема Кэйбла была в том, что он изменил кое-что в аппарате, не понимая, что делает. Форма аппарата помогала ему работать. Когда Кэйбл поместил выключатель на корпус вместо того, чтобы оставить его на шнуре, то изменил его действие. А я снова сделал удлинитель с выключателем, как было раньше, и аппарат стал работать в обе стороны...

– Я не оставлю вас! – отчаянно выкрикнула Лора. – Возможно, я сумею помочь!

Она взмахнула фонарем. Свет упал на твердую поверхность под ногами, проявились какие-то тени.

– Стоп! – резко сказал Гарри. – Держите фонарь. Тени! Это след лодки! Если мы пойдем по нему, то сможем держаться верного направления.

Вспыхнувшая надежда придала им обоим силы. Они прошли пятьдесят ярдов. Сто. Застывшие водовороты постепенно росли и становились более крутыми. Затем они увидели шлюпку, которая и оставляла пенный след. Это был лишь серый силуэт на серой воде в сером тумане. Шлюпка, скорее, напоминала вырезанную из льда фигурку. Выглядела она неподвижной и заброшенной.

Но когда на нее упал свет фонаря, она мгновенно утратила призрачность и стала обычными досками с грязной поверхностью. Они прочитали ее название: «Сара Дж. Лумис, Нью-Йорк».

Самым трудным оказалось преодолеть последние несколько ярдов до нее. Гладкая, как зеркало, поверхность воды превратилась у шлюпки в округлые насыпи, по которым было ужасно скользко идти. Но, в конце концов, они преодолели и этот барьер

и добрались до шлюпки. Гарри собрал последние остатки сил и, с помощью Лоры, перевалился через борт на палубу.

Дверь каюты была открыта. Лора, дрожа, перевела при помощи обнулителя койку в ускоренный темп времени. Одеяла и матрац перестали быть твердыми и неподвижными, а стали достаточно мягкими. Лора помогла Гарри улечься как следует. Когда все завершилось, он был почти в обмороке.

— А теперь, — сказала Лора, — поглядим, что я могу сделать для вас.

Она зажгла фонарь, стоявший в каюте, и ушла со своим фонарем и обнулителем. Примерно через двадцать минут она вернулась с горячей водой и полотенцами. И противовоспалительными средствами.

— Теперь я стала специалистом по работе с обнулителем, — бодро заявила она. — На шлюпке есть все. Печка на жидком топливе, и обнулитель заставил ее работать. Вода в цистерне и еда в холодильнике. Я перевела все это в наше время. А когда я перевяжу как следует вашу рану, приготовлю что-нибудь поесть.

Они остались на шлюпке, оказавшейся буксирным катером, на время, которое, разумеется, по-настоящему и измерено-то быть не могло, но какое было эквивалентно нескольким дням. Лора трудилась без усталости. Гарри был ужасно слабым, и поначалу его лихорадило. Он повторил ей свои инструкции на случай, если что-то пойдет не так.

— Но, Гарри, в конце концов, с обнулителем мы всегда можем вернуться в наше время, — с тревогой сказала Лора. — Вряд ли нас здесь разыщут.

Гарри мрачно покачал головой.

— Моя жизнь не так важна, чтобы спасти ее любым способом. Послушайте, дорогая моя! Кэйбл превратился в настоящего маньяка. Теперь, попав в ловушку в вечном сейчас, он буквально сходит с ума от злости. Вы понимаете, что он может натворить?

Лора кивнула.

— Он может похищать людей, как сделал со своими бедными друзьями, — сказала она. — Но вам требуется врач, вы пока что ничего не можете сделать, так что я не понимаю, почему вы должны беспокоиться о Кэйбле.

— Дело даже не в похищениях, — возразил ей Гарри. — Возьмем, например, радиоактивные вещества. Период полураспада радия равен примерно двум тысячам лет. У урана он гораздо длиннее. Предположим, что Кэйблу придет в голову поквитаться с обыч-

ным миром, в котором он всегда был никем? Допустим, он принесет в ускоренное время радий. Что тогда произойдет? Радий на три градуса выше окружающей среды. Он всегда нагревается. А что, если его уровень времени будет ускорен так, что период полураспада станет долей секунды обычного времени?

– Радия ведь очень мало, – слабым голосом произнесла Лора.

– А много и не нужно. Представьте, что будет, если радий принести в этот мир. Для нас это была бы смерть. Но в нормальном мире, если бы для его полураспада потребовалась всего секунда, то температура радия стала бы примерно три миллиарда градусов. Железо испаряется при температуре в три тысячи градусов. Радий стал бы в миллион раз горячее, чем требовалось бы для того, чтобы испарить железо. Металл, камень, кирпич – все превратилось бы в сверкающий пар, испускающий космические и рентгеновские лучи высокой мощности. Это был бы такой взрыв, по сравнению с которым взрыв тонны динамита выглядел бы детской хлопушкой. Но мне кажется, – мрачно добавил Гарри, – что наш темп времени гораздо быстрее. Так что радио потребовалось бы гораздо меньше секунды, чтобы уничтожить себя и все вокруг.

Лора содрогнулась.

– Или он мог использовать уран, – продолжал Гарри. – Это, кажется, не так уж плохо. Но в мире на каждый грамм радия существуют тонны урана. Если Кэйбл принесет критическую массу урана в наше время, то взрыва не произойдет. Уран будет распадаться достаточно неторопливо. Потребуется год, чтобы он полностью прошел превращение. Но урана в мире можно отыскать тоннами. Кэйбл мог бы перевезти его в Нью-Йорк, и тогда никто не смог бы даже приблизиться к этому городу. Его излучение не остановили бы никакие металлические щиты. Радиация сделала бы радиоактивным сам воздух на сотню миль вокруг. Один вдох сжег бы вам легкие. Эта же радиация стерилизовала бы тех, кого не убила. А умеренные дозы вызвали бы мутации, и стали бы рождаться младенцы-уроды!

Лаура схватила Гарри за руки.

– Я все поняла! – воскликнула она. – Вы не можете рисковать всем этим!

– Да, не могу, – кивнул Гарри. – Как только я вернусь в обычное время, то уже не сумею вернуться именно в это «сейчас», если меня не притянут сюда. Если я останусь в обычном вре-

мени даже на секунду – сколько здешних лет это составит? Нет, я должен остаться здесь и бороться с Кэйблом. – Лицо Гарри стало суровым и упрямым. – Я наберусь сил. Завтра мне уже станет лучше. Я соберу новый масс-обнулитель, который вернет всех вас в обычное время и сможет нейтрализовать любой обнулитель, который попытается утащить вас обратно сюда. Так что, вернувшись в обычное время, вы там и останетесь.

На следующий день Гарри действительно поднялся, хотя сложно говорить о днях и часах на неподвижном буксире в серой тишине, лишенной малейших изменений. Гарри оборудовал себе рабочее место в машинном отделении и работал там с инструментами и материалами, которые перевел в ускоренное время. Члены команды, стоявшие как естественно покрашенные статуи, которые так любили древние греки, стали казаться ему знакомыми. Однажды, работая, он вдруг усмехнулся и повернулся к Лоре.

– Мне уже кажется, будто я знаком с этими людьми, – сказал он. – Они столько времени стоят вокруг. Забавно, что они так и не узнают обо мне. Надеюсь, когда-нибудь я возьму им то, что мы тут натворили.

– А что мы им сделали? – озадаченно спросила Лора.

– Вообще– то мы их грабим, – с сожалением ответил Гарри. – И будем грабить. И они после будут очень озадачены. Например, эта печь. Мы перевели ее в наше время. Повар в это время просто повернулся к ней спиной. А когда он повернется обратно, то не сможет понять, почему его печь внезапно превратилась в грудку ржавой пыли – ведь пока она не вернется в обычное время, то будет ржаветь Бог знает сколько столетий. Койки, на которых мы спим. Там не будет ни одеял, ни матрасов, останется лишь пыль. Холодильник станет грудой ржавого железа. Продукты превратятся в пыль вообще без всякого запаха. Надеюсь, что я оплачу позже все эти повреждения. Но все равно они беспокоят экипаж. Мне не хочется портить все эти вещи, но я без них не обойдусь!

Он сделал два миниатюрных масс-обнулителя. Когда они были закончены, Гарри проверил их и добавил устройства, автоматически противодействующие любому другому обнулителю.

За шесть интервалов между приемами пищи – способ измерять время не хуже других, – Гарри так же переоборудовал большой обнулитель. Один из маленьких аппаратов он спрятал под одеждой Лоры, лишь незаметно вывел наружу проводок с вы-

ключателем.

– Теперь пойдем в Нью-Йорк, – сказал он ей. – Лора, как только мы доберемся до берега, вы спуститесь в станцию метро или спрячетесь в какой-нибудь телефонной будке и вернетесь в обычное время. Теперь Кэйбл не сможет вернуть вас сюда, даже если найдет. А я останусь тут и займусь им!

Но Лора улынулась и отрицательно покачала головой.

– Мой дорогой! – сказала она, нежно глядя на Гарри. – Почему вы думаете, что я собираюсь сбежать?

– А почему же нет? – не понял Гарри. – Вы можете предложить что-то другое?

– Я собираюсь остаться с вами! – решительно заявила Лора. – Неужели вы считаете, что я покину вас в опасности после того, как столько выхаживала и лечила?

Глядя на нее, Гарри попытался нахмуриться, но у него это не получилось.

– Я не думал, что вы будете такой упрямой, – признался он. – Гм-м... Но вы все равно в безопасности. Одно нажатие выключателя, и вы вернетесь в обычное время, откуда ни я, ни Кэйбл не сможет вас выдернуть назад. Так что можете... остаться со мной, если хотите. Но если вы останетесь, то я могу захотеть... н-ну, поцеловать вас...

Он придвинулся к ней и коснулся ее плеча, неуверенно улыбаясь. Она подалась навстречу ему, глаза ее блестели.

И время для них совсем остановилось, пока они не отодвинулись друг от друга.

– Интересно, почему же я не делал этого раньше? – пробормотал Гарри. – Пойдем, девочка. Пора нам покончить с Кэйблом, чтобы мы могли явиться в муниципалитет – в обычное время, моя дорогая, – и принять участие кое в какой процедуре.

Они покинули катер и двинулись через туман к нью-йоркскому берегу. Не без труда, но они нашли его и сошли с глади воды на сушу. Первоначальная идея Гарри отыскать место для работы где-нибудь в Нью-Джерси, была отринута после находки катера. Эта находка оказалась удачной, так как Гарри мог использовать инструменты, которые так просто мог и не найти.

– Сначала нужно пойти на Парк-Авеню, где обосновался Кэйбл, и поглядеть, что там происходит, – сказал Гарри Лоре, когда они оказались на суше. – Нужно также узнать, как там его друзья.

– Но как вы узнали, Гарри, в каком именно здании на Парк-А-

веню это было? — озадаченно спросила Лора.

— Адрес был на коврике у лестницы. Как вы помните, я пользовался тогда фонариком. Шикарный жилой дом. Без всякого названия, только адрес.

Он осветил фонариком уличный знак, так что сквозь серость проступили цифры. Теперь они поняли, где находятся, и быстро пошли вперед. У Гарри в кармане был револьвер, который они нашли на катере, Лора тоже была защищена, но атмосфера сумрака, ужаса и тишины действовала на них. Слепые окна, дома. Не отбрасывающие тени, туман и мертвая тишина. Особенно тишина!

— Мне страшно, — прошептала Лора.

— Мы уже пришли, — так же тихо ответил Гарри. — Вот эта дверь.

Они осторожно вошли в серую светящуюся пещеру, как выглядел теперь вестибюль, который в предыдущий раз они видели при свете свечей. Теперь свечей не было, но они услышали какие-то звуки. Это где-то истерично рыдала женщина. Низкие, хриплые всхлипывания, которые становились все выше и выше, пока не смолкли, словно у нее окончательно перехватило горло. Затем наступила тишина, но тут же рыдания возобновились, монотонные, неудержимые. В этих рыданиях слышалось отчаяние, ужас и растущее безумие.

Гарри включил фонарик. Он осветил открытую внутреннюю дверь и фигуру пышной рыжей красотки, репортерши Рут. Она была крепко привязана к стулу так, что не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой. Луч фонарика превратил ее в единственный реальный объект в призрачном мире. Глаза ее были широко распахнуты, на лице написан ужас.

Когда свет фонарика упал на нее, она завопила. И немедленно со всех сторон ей начали вторить крики и всхлипывания. Это был настоящий бедлам, невнятный хор дюжины голосов. Гарри резко повернулся, освещая фонариком вестибюль, и увидел остальных членов кружка Кэйбла. Все были обмотаны веревками так, что напоминали коконы. Наружу торчали только головы. Лица этих мужчин и женщин были безумными. Они что-то кричали Гарри, хрипло проклинали его, умоляли о чем-то такими жалкими голосами, которые могли растрогать и камень.

Лора прижалась к молодому ученому. От происходящего воя у него самого поползли по спине мурашки. Он вздрогнул и осветил фонариком себе лицо.

Наступила внезапная, полная, недоверчивая тишина. Затем все опять заорали, и, хотя тон голосов стал иным, он был не менее отчаянным.

Трясущимися от гнева пальцами Гарри зажег спичку. Кругом стояли свечи. Они не догорели, а были погашены, оставив этих несчастных беспомощными в серых сумерках, чтобы они видели друг в друге лишь серые призраки, и сходили с ума от ужаса. Кэйбл оставил их здесь страдать в наказание за то, что они стали свидетелями его поражения от Гарри.

Он принялся освобождать ближайшего пленника. Когда первая жертва могла уже сама закончить распутывать свои веревки, перешел к следующему. Рыжеволосая девушка упала без чувств, когда попыталась подняться со стула, к которому была так долго привязана. Лора зажигала свечи, пока комната не была полностью освещена. К этому времени Гарри уже освободил всех и мрачно сказал:

– Я нашел способ вернуть вас в обычное время. Раз и навсегда. Кэйбл больше не сможет утащить вас сюда. Но мне нужна кое-какая помощь. Кэйбл может причинить огромный ущерб, если его не остановить. Кто поможет мне поймать его?

Но все эти люди были не в себе и сломлены ужасом, через который прошли. Они что-то истерично лепетали и игнорировали просьбы стать добровольцами. Они лишь отчаянно умоляли, чтобы их вернули в нормальный мир.

В конце концов, Гарри собрал их посреди комнаты, поставив вплотную друг к другу, чтобы они все попали в поле действия аппарата. Обнулитель, который он дал им, не позволит вернуть их обратно в мир ускоренного времени. А за то время, что они сделают первый вдох, здесь пройдет неизмеримо много столетий.

– А теперь внимательно выслушайте, – твердо сказал Гарри. – Есть кое-что, что вы обязаны сделать, как только вернетесь. Конечно, вы захотите выбраться из этого здания. Вероятно, у вас возникнет трудность объяснить, как вы вообще попали сюда. – Он прямо взглянул на них, но они были слишком измучены, перенервничали и хотели только убраться из мира вечного «сейчас». – Но, – продолжал Гарри, – хотя устройство Кэйбла не сможет вернуть вас обратно из обычного времени, мой аппарат может сделать это. Поэтому, как только вернетесь, немедленно разбейте его. Если вы не сделаете это, произойдет катастрофа!

Он стали лепетать какие-то обещания и пришли в такой ужас,

что вернувшись, скорее всего, выполнят его приказ.

Тогда Гарри нажал выключатель.

ГЛАВА V. *Счет оплачен*

Наступила мертвая тишина. После криков и бормотания она была внезапной, как удар. Пестрая группа людей застыла посреди рыданий и жестикуляции, с искаженными гримасами лицами. Они вернулись в нормальное время – туда, откуда Кэйбл уже не смог бы перенести их обратно своим аппаратом. У Гарри мелькнула мысль, что больше они, вероятно, не станут восхищаться никакими учеными. Рыжеволосая Рут была в такой истерике, что казалось маловероятным, станет ли она когда-нибудь писать или хотя бы читать любые новости. Но оставались еще важные дела, которые нужно закончить.

– Кэйбл все еще на свободе, – мрачно сказал Гарри. – Наверное, он думает, что мы с вами где-нибудь спрятались и воспользовались аппаратом, который я наладил. Он наверняка считает, что мы вернулись в обычное время. Поэтому он выместил свой гнев на людях, которые видели его поражение, и попытается сквитаться со всем миром из-за своего непомерного тщеславия. Возможно, он охотится за нами. И если ему придет в голову мысль принести в это время уран или радий, это разрушит Землю.

– Что же вы собираетесь сделать? – спросила Лора.

– Найти его! – жестко ответил Гарри. – Я собираюсь отвести вас в офис, где все началось. Там я верну вас в обычное время, затем разыщу Кэйбла. Если я найду его, то вернусь в нормальное время. Если же нет, то мне не хотелось бы думать, что может тогда последовать.

И он вздохнул.

– Вы думаете, он может быть в той маленькой мастерской? – спросила Лора.

– Посмотрим, – ответил Гарри. – Я нашел на его рабочем столе фирменный бланк. Возможно, это адрес мастерской.

Так оно и оказалось. Они прошли сквозь серый туман по ужасному городу. Нашли проход, поднялись по лестнице и отыскали дверь, которая оказалась незапертой. Гарри включил свет и оглядел то, что осталось на рабочем столе. Там валялись куски резиновой изоляции и обрезанные провода.

– Это доказательство того, какой я дурак, – с горечью сказал

Гарри. – Он знал, что я решил проблему возвращения в нормальное время. Он слышал, как я сказал вам это. Поэтому, когда мы убежали, он не погнался за нами, а осмотрел то, что осталось на моем рабочем месте. Вот я идиот! Он нашел провода и изоляцию. Он понял, что я перенес выключатель обнулителя на гибкий провод, и догадался, что дело лишь в этом!

Ярость наполнила Гарри. Это было яростное раскаяние, потому что, если Кэйбл вернется в нормальное время, то сможет сделать новые обнулители и в любое время попадать в этот призрачный мир, чтобы безнаказанно творить невообразимые преступления. И все это было результатом того, что Гарри разработал аппарат, уничтожающий массу.

Гарри стонал и ругался сквозь зубы, когда Лора внезапно схватила его за руку.

– Гарри! Что это?..

В неподвижном городе послышался звук, звук в мертвой тишине. Это было гудение, сначала очень слабое...

– Этого еще не хватало! – воскликнул Гарри. – Автомобиль! – Он недоверчиво прислушался. – Да, автомобиль! Он решил, что мы вернулись в нормальное время. Теперь он тоже может вернуться, когда ему вздумается. Он наказал всех, кто видел его униженным, и... теперь понимаете? Скорее всего, он загрузит машину награбленным и выедет куда-нибудь из Нью-Йорка. Вернется в нормальное время за сто-двести миль отсюда. Я должен схватить его немедленно. Идите в офис своего дяди и нажмите выключатель аппарата.

Последние слова Гарри сказал уже через плечо, выскакивая из мастерской, где сперва он, а за ним уж и Кэйбл решили проблему возвращения из этого странного мира замершего времени. Он бежал через серый туман, огибая призрачные неподвижные фигуры, в которые превратились живые люди.

Шум машины усилился, на секунду смолк, а затем взревел еще громче. Гарри понял, куда направляется Кэйбл. Конечно, туда, где он оставил связанными свои жертвы, потому что туда они притащили собранные богатства. Именно там он мог бы легко собрать их с наименьшими усилиями. И, конечно, человеку с манией величий доставило бы удовольствие еще раз увидеть связанных, беспомощных, сходящих с ума от страха людей.

Гарри притаился в нужном месте и ждал, сжав челюсти и стиснув в руке револьвер, найденный на буксирном катере. Лицо

его было мрачным. Машина остановилась. Гарри услышал, как хлопнула дверца – это вылез невидимый в тумане Кэйбл. Привычка была так сильна, что, даже считая, что он единственный человек на планете, живущий в вечном «сейчас», Кэйбл захлопнул за собой дверцу машины. Он вошел в здание. Гарри увидел тусклый желтый свет его фонарика и двинулся вперед.

Чтобы отрезать Кэйблу путь к отступлению, Гари сначала прошел к машине, открыл дверцу и протянул руку к ключу зажигания, но того не оказалось. По привычке Кэйбл забрал его с собой, когда уходил. Гарри включил на секунду фонарик, чтобы удостовериться, что ключа нет на месте. Заднее сидение было завалено награбленными вещами, а на переднем лежал обнулитель. Кэйбл использовал его, чтобы собрать вещи, но здесь аппарат ему бы не понадобился.

Гарри достал обнулитель из машины и привязал его к плечу проводом. Затем услышал в здании какие-то звуки. Он представил, как Кэйбл ошеломленно увидел горящие свечи, озарявшие вестибюль, тогда как он оставил свои жертвы одних в серых сумерках, как Кэйбл нашел веревки, валявшиеся на полу, и своих людей, застывших неподвижно, словно железные статуи, когда они вернулись в обычное время, как Кэйбл лихорадочно включил обнулитель, чтобы перенести их обратно в этот темп времени. Но у него, разумеется, ничего не вышло. Гарри услышал, как он что-то гневно выкрикнул, почти проревел, и разобрал в этом реве отдельные грязные ругательства.

Секунду спустя Кэйбл ринулся к двери на улицу. Скорее всего, он побежал за своим обнулителем, оставшимся в машине, чтобы вытащить обратно сбежавших, и выместить на них свою злобу. Это показывает, как трудно найти точку, где тщеславие переходит в безумие. Единственный проступок, совершенный кем-либо против Кэйбла, было открытие, что Кэйбл дурак, но этот проступок пробудил в нем маниакальную жестокость!

– Стоять! – холодно рявкнул Гарри из тумана. – Руки вверх!

Кэйбл остановился, затем взревел с неописуемым гневом. Серый туман раскололи вспышки выстрелов. Кэйбл стрелял, пока не опустошил магазин пистолета. Затем он кинулся на голос Гарри. Гарри выстрелил. Кэйбл резко остановился. Но тут же побежал дальше в слепой вере, что только у него может быть здесь оружие. Гарри выстрелил еще раз, хотя не стремился попасть в него.

– Бросайте оружие, – резко сказал Гарри. – И поднимите руки!

Кэйбл закричал от бессильного гнева. Это были уже какие-то нечеловеческие вопли. Они многократно отразились от скрытых в серых сумерках высоких домов. Затем Кэйбл полез в машину. Гарри выстрелил еще пару раз. Зазвенело разлетевшееся стекло автомобиля.

– Мне нужен лишь повод, чтобы убить вас, – сказал Гарри. – Остановитесь!

Взвыл стартер, заработал включенный двигатель. Кэйбл действовал автоматически, не размышляя. Несмотря на бушующие в нем страсти, он смог безошибочно вставить ключ в зажигание и завести машину. Заскрежетала коробка передач. Машина тронулась с места. Гарри побежал к ней, но машина уже набирала скорость.

Он разрядил в нее револьвер, но машина скрылась в тумане. Свернула за угол. Гарри услышал, как завизжали тормоза, потом взревел мотор. Судя по звукам, машина направлялась на север по одной из широких авеню, идущих на север и юг. Кэйбл, даже охваченный гневом, был способен огибать неподвижные машины на дороге. Потом машина свернула на запад. Достигнув Хадсон-драйв, она могла уехать на сотни миль. Преследовать ее не было никакой возможности. Если бы у Кэйбла был обнулитель, он мог бы перекачивать бензин из других машин или на заправках. Но обнулитель был необходим, чтобы сделать бензин снова жидкостью. И рано или поздно, Кэйбл должен понять, что обнулителя в машине нет.

Гарри почувствовал сильную усталость. Затем услышал голос Лоры, отчаянно звавший в серой тишине:

– Гарри! Гарри!

Он пошел к ней.

– Со мной все в порядке, – пробормотал он. – Вы слышали выстрелы?

– Он стрелял в вас?

– Нет, но он мертв, – мгновенно солгал Гарри. – Не ходите сюда.

Он быстро пошел на звук ее голоса. Лора появилась из тумана и вцепилась в него.

– Я боялась, что вас убили, – зарыдала она.

Гарри поцеловал ее и повел отсюда.

– Мы идем в офис вашего дяди, – сказал он. – Там повернем выключатели обоих наших обнулителей...

Внезапно он остановился. Снял обнулитель Кэйбла с плеча и бросил на землю. Затем стал бить по нему каблуком и через несколько секунд превратил в грудку бесполезного железа. Затем он прошел до следующего угла и кинул останки в открытый канализационный люк. Если его когда-либо и найдут в обычном времени, то для него пройдут тысячи, если не миллионы лет, и он превратится в ржавые железки, на которые никто не обратит внимания.

Потом Гарри пошел дальше, думая о том, что произойдет за сто или двести миль отсюда. Кэйбл обнаружит, что обнулителя у него нет. Автомобиль, забитый миллионами долларов в банкнотах и драгоценных камнях, окажется без бензина. У Кэйбла не будет ни кусочка еды, ни глотка воды.

Он может шарить по городу, сновать по рынкам и магазинам, видеть и щупать продукты и воду. Но они будут для него не полезнее каменных изваяний. Он может попытаться вернуться в Нью-Йорк, где наверняка была какая-то доступная еда там, где жили его жертвы. И он уже не сможет добраться до города пешком. Бредя где-то в сером тумане, он упадет, обессилев от голода и жажды, и подняться уже не сможет... А в обычном времени кто-нибудь может заметить кучку пыли и несколько сгнивших косточек, но никто не обратит на них внимания. Так же никто не заметит насквозь проржавевшие часы или другие вещички, пришедшие в полную негодность...

Гарри надеялся, что Лора не услышала, как уезжала машина. А если бы она упомянула об этом, то Гарри попытался бы убедить ее в том, что она ошиблась. Потому что теперь уже ничего нельзя было изменить. Совершенно ничего.

— Я выбрал офис вашего дяди, чтобы перейти в обычное время именно там, потому что там мы были перед тем, как попасть сюда, и наше отсутствие даже никто не успеет заметить, — сказал он невинным тоном. — Когда друзья Кэйбла внезапно появятся в чьей-то гостиной, пойдут разговоры и слухи, а я не хочу, чтобы мы были замешаны в этом. Ведь нам же нужно спокойно добраться до муниципалитета и зарегистрировать наш брак.

Он остановился и поцеловал ее.

— А затем я знаю, чем займусь. У меня появились новые идеи насчет масс-обнулителей...

— Нет! — глухо воскликнула девушка. — Как только мы вернемся в обычное время, вы никогда не должны заниматься им.

— На этот раз все будет по-другому, — объяснил ей Гарри. —

Пока мы были на катере, я понял, как можно отрегулировать количество массы, которое можно устранить из объекта. Так что, я думаю, что могу переводить объекты в любой темп времени, в какой захочу. При скорости времени, приближающейся к бесконечной, радий или уран были бы смертельно опасны для всего мира, но если бы мы могли отрегулировать период их полураспада, скажем, в пятьсот или сто лет, то мы получили бы энергию! Ядерную энергию! И не стоило бы тогда волноваться о том, что на Земле закончатся запасы угля или нефти!

Лора остановилась. Гарри опять поцеловал ее.

— И я мог бы заработать на этом немножко денег, — скромно добавил он, — чтобы делать вам шикарные подарки. Также, я думаю, мы должны возместить ущерб, которые нанес Кэйбл с помощью придуманного мною обнулителя. Это выльется в достаточно большую сумму. И еще я хотел бы поставить ему памятник. Бедняга! Он потратил всю свою жизнь, пытаясь стать великим человеком. И если уж он послужил причиной того, что я решил проблему ядерной энергии, то почему бы не поставить ему за это памятник?

— Любимый, вы хороший, но глупенький, — сказала, дрожа, Лора.

Когда они дошли до офиса дяди Лоры, офиса Берроуза и Лоусона, Лора уже немного успокоилась и даже неуверенно улыбалась.

— Давайте встанем там же, где были, — сказала она.

Они встали, где стояли. И несколько дней или недель — а может, через тысячную тысячной секунды назад, дядя Лоры сказал: «— Доктор Бретт, это моя племянница мисс Хант».

И они обменялись рукопожатием, руки их были сомкнуты, когда все произошло.

Теперь они снова подали руки и улыбнулись друг другу.

— Контакт, — сказал Гарри.

Они одновременно нажали кнопки выключателей обоих обнулителей...

Солнечный свет. Буйство красок вокруг. Множество звуков. И воздух, полный различных запахов. Мир вокруг ожил. Они стояли в совершенно обычном офисе совершенно обычным днем совершенно обычного мира. В соседнем кабинете работала машинистка. Щелкнула дверь лифта. Воздух был наполнен гулом жилого города.

— ...моя племянница мисс Хант, — приветливым голосом ска-

зал дядя Лоры. – Я думаю, она...

Он резко замолчал. Потому что его племянница... Ну и нравы у этой молодежи, молодая женщина бросается в объятия к человеку, которого ей только что представили... Лора обняла Гарри и подняла готовое для поцелуев лицо, на котором, несмотря на бежавшие по щекам слезы, была написана радость.

– Гарри!

Доктор Гарри Бретт пылко поцеловал ее, а затем сказал серьезным, полным удовлетворения голосом:

– Нам нужно спешить! Пропустите. В четыре часа закрывается бюро регистрации браков. А мы не хотим опоздать!

(Thrilling Wonder Stories, 1944, Fall)

THRILLING FALL
ISSUE
WONDER
STORIES

15¢

A THRILLING
PUBLICATION

**POCKET
UNIVERSES**
*An Astonishing
Novelet*
By MURRAY
LEINSTER

**CALL
HIM DEMON**
A Fantastic Novelet
By KEITH HAMMOND

THE *Multillionth* **CHANCE**
An Amazing Complete Novel By JOHN RUSSELL FEARN

КАРМАННЫЕ ВСЕЛЕННЫЕ

ГЛАВА I. *Фантастическое устройство*

Пока Сантос глядел на меня со странной усмешкой на лице, я сделал то, что он меня попросил. Пока он что-то бормотал о диамагнитном устройстве, которое я должен испытать, я поднял с пола отвертку – Сантос всегда был безнадежно неопытен в своей лаборатории, – и щелкнул выключателем, на который он указал. Затем я перевел взгляд на хитроумное изобретение, стоявшее на верстаке возле окна, чтобы получше его рассмотреть. Но рассматривать было нечего. В тот момент, когда я нажал выключатель, устройство исчезло.

Я невольно открыл рот.

– Нажмите выключатель, амиго, – мягко попросил Сантос.

Я нажал – и устройство вновь оказалось на верстаке. Это была странная на вид штукавина с медным стержнем в центре, и кристаллическими прутьями и проводами, обернутыми вокруг него по какому-то сумасшедшему образцу. Было похоже, что ее проектировал Руб Гольдберг¹. Но, конечно, устройство было самым что ни на есть реальным и настоящим. Я протянул руку, чтобы коснуться его. Да, оно было настоящим.

– Мне кажется, вы видите то же самое, что и я, – сухим голосом заговорил Сантос. – Да. Так что я не сошел с ума. Или, возможно, мы оба спятили. Давайте пойдем пообедаем. У меня сегодня день большого триумфа.

– Постойте! – напряженно сказал я. – Дайте попробовать еще раз.

Я нажал выключатель. Устройство исчезло. Но теперь я не был захвачен врасплох и заметил, что с тем местом, которое оно занимало, было что-то странное. Там совершенно ничего не было видно, не было заметно никаких искажений, но почему-то глазам было больно глядеть на него.

Я кашлянул и нажал кнопку выключателя. Устройство появилось вновь, как и в предыдущий раз. У верстака Сантоса была одна из ярких дуговых ламп. В ее свете было прекрасно все видно. Устройство стояло на верстаке.

1 Руб Гольдберг – американский карикатурист и изобретатель, использующий в своих работах «безумные машины», выполняющие очень простые действия самым сложным способом (прим. перев.).

– М-минутку! – сказал я, встряхнув головой. – Этого просто не может быть! Что это, Сантос? Что, черт побери, происходит?

– Оно исчезает, – просто сказал Сантос.

Нравился мне этот маленький, странный, худой латиноамериканец.

– Оно временно прекращает существование. И я обеспокоен этим не меньше вашего.

Я нажал выключатель в третий раз. Странная штукавина исчезла. Я шагнул к верстаку, но тут же остановился.

– А не опасно попытаться потрогать ее, когда она исчезла?

– Попробуйте, – сказал Сантос и пожал плечами так, что, казалось, они коснулись его ушей. – Я уже пытался. И не сумел.

Странная усмешка появилась на его лице. Казалось, в ней была смесь изумления, поражения, гордости и одновременно глубокого удовлетворения.

Я потянулся к штукавине, которая, – я был уверен – должна была стоять там. Она могла стать невидимой – что фантастично само по себе, – но о невидимости есть разные теории. Можно, например, направить лучи света вокруг предмета, и тогда он станет невидимым.

Есть некоторые особенности нашего зрения, при которых непрозрачные предметы становятся нам невидимыми. Например, можно нарисовать две точки одна возле другой на листке бумаги, и, если поднести этот листок на определенное расстояние к глазам, то одна из точек исчезнет – до тех пор, пока не отодвинете листок подальше. Невидимость трудно вообразить, но можно признать, что она существует, и ее достаточно просто вызвать. Поэтому я протянул руку к устройству из меди, хрустальных стержней и проводов.

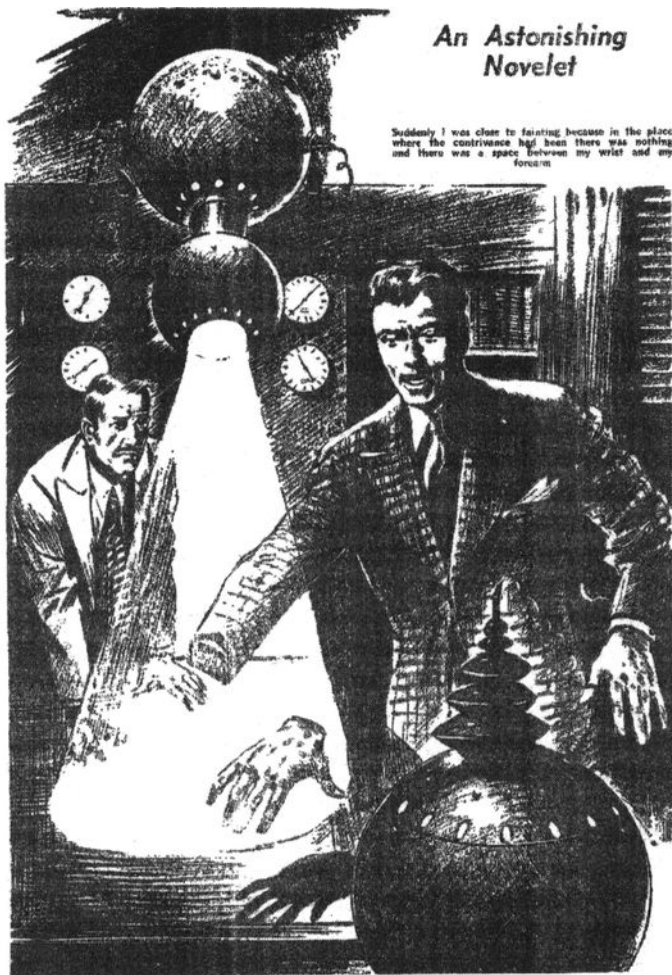
И моя рука прошла туда, где оно стояло. Но я не почувствовал ничего. Тогда я широким взмахом провел рукой по верстаку, чтобы убедиться, что на нем ничего нет – и пришел в состояние, близкое к обмороку. Потому что, как это дико ни звучало, – я не чувствовал ничего особенного, но моя рука оказалась лежащей фута на полтора дальше локтя. А между запястьем и локтем было пустое место.

Наверное, я заорал и рванулся назад. Взмахнул рукой – и она оказалась целой, как и прежде. Меня всего затрясло, на лбу выступил холодный пот.

Луис Сантос глядел на меня со странным выражением глаз.

An Astonishing Novelet

Suddenly I was close to fainting because in the place where the contrivance had been there was nothing and there was a space between my wrist and my forearm.

— Precisamente², — сказал он, кивая. — Я тоже прошел через это. Это буквально сбивает с ног. Теперь вы понимаете, что я почувствовал, когда испытал это впервые! — Он вскочил со стула. — Нам нужно пойти пообедать. Чашечка кофе успокоит ваши нервы.

Я нажал выключатель, и устройство появилось. Нажал снова, и оно исчезло, но, глядя на верстак, я почувствовал странную боль в глазах. Однако, больше я не стал пытаться сунуть туда руку.

2 Precisamente (испанский) — вот именно (прим. перев.)

– Послушайте, Сантос! – запинаясь, воскликнул я. – Это же просто немыслимо! Что это такое?

Опять он пожал плечами, и на лице его появилось странное выражение.

– Я работал над диамагнетиком, – сказал он. – Такой штуки не существует и существовать не может. Но по моей теории выходило, что если сделать то-то и то-то, то в результате я получу диамагнетик. Я проверял теорию шаг за шагом. И каждый этап проходил нормально. Вот так у меня и получилось это устройство. Я рассуждал так, что если бы оно оказалось диамагнетиком, то я доказал бы, что определенные общепринятые принципы физики являются ложными. С другой стороны, если бы оно оказалось не диамагнетиком, то были бы ложными другие общепринятые принципы физики. И я с потрясением увидел, что и то, и другое верно. Диамагнетик не может существовать. Но это устройство, тем не менее, существует. Обе теории верны. Без энергии это устройство не диамагнетик, значит, может существовать. Но когда мы подводим к нему энергию, оно становится диамагнетиком, который существовать не может, следовательно, оно временно прекращает существование. Но когда мы отключаем энергию, оно больше не диамагнетик, и может существовать дальше. Это так ошеломляет, что у меня мозга заходит за мозг.

Он снова поднялся со стула.

– Наверное, я должен рассказать тебе кое-что еще, – сказал он, и только теперь я понял, что Сантос так же взволнован и сбит с толку, как и я сам.

– У меня очень тесная компания, амиго, – продолжал он. – Был Гальвани, был Фарадей и еще несколько человек. И я теперь один из них, потому что нашел новый научный принцип. Но как-то не очень здорово обнаружить, что два принципа могут категорически противоречить друг другу и одновременно оба оказываться правильными.

Я продолжал нажимать выключатель. Странное на вид устройство то возникало, и было совершенно реальным и материальным, то исчезало из существования. Это походило на фокус. Но я хорошо помнил, как кисть моей руки плыла в воздухе на полтора фута дальше локтя, чем следовало. И время от времени вздрагивал.

Тогда Луис Сантос взял мою руку. Как я уже говорил, он был низкого роста, едва достигал мне до плеча. Был он худой, с морщинистым лицом, с неприятным на вид шрамом, который начи-

нался чуть выше воротника, спускался по шее и скрывался под рубашкой.

Взяв за руку, он повел меня к двери обедать. Я двигался словно в оцепенении. Это может прозвучать столь же банально, как упоминание о мурашках, бежавших по спине.

Я продолжал глядеть на свою руку, которая была совсем недавно отделена от моего тела. Я то и дело шевелил пальцами, чтобы убедиться, что с рукой все в порядке. Одновременно я пытался как-то убедить себя в том, что этого не было на самом деле.

Жаль, что это не принесло успеха.

По национальности Сантос был хондагванцем из небольшой республики Хондагва немного южнее Эквадора. Он был латино-американцем – и родным его языком являлся испанский, насколько я мог судить, – поэтому трудно ожидать, что латино-американец может быть ученым.

Когда вы думаете о них, то на ум приходят революционеры и всякие политические деятели. Можно также поговорить о латино-американских поэтах и писателях. Но только не об ученых. Наука – это не для них.

И даже Сантос не казался мне таким уж творческим работником. Разумеется, я знал его работы. Он занимался, в основном, тем, что брал какое-нибудь новое открытие, которого наделало шумиху в научном мире, и повторял все эксперименты с немислимой дотошностью, а затем публиковал полученные результаты – которые, зачастую, развенчивали это открытие. Люди проклинали его. Но если уж он говорил, что определенный эксперимент, проведенный при таких-то условиях, дает такой-то результат, то можно было не сомневаться, что так оно и есть. По крайней мере, такая была у него репутация.

Он не окружал себя никакими тайнами, но был всем весьма неясен. Он приехал в Соединенные Штаты, получил здесь хорошее техническое образование, а затем вернулся в Хондагву. Спустя десять лет он вновь появился в Нью-Йорке, уже морщинистый, худой и какой-то иссушенный, и кропотливо принялся уничтожать труды других ученых. До сих пор он не заявлял ни о какой собственной оригинальной работе. Я не знал, что он делал эти десять лет, пока жил на родине. Он никогда не говорил об этом.

Он провел меня вниз в институтскую столовую, и мы заняли свободный столик. Со стороны мы оба выглядели так, будто увидели призраков.

– Сначала мы будем обедать, – твердо заявил Сантос. – Потом

подумаем о другом. Я боюсь той штуковины. Так что давай не станем упоминать о ней, пока не доберемся до кофе.

Но тогда я не видел особой пользы в беседе. Я видел, как исчезало материальное устройство из твердого вещества. Видел какое-то немыслимое пустое пространство, при взгляде на которое начинали болеть глаза, а когда я провел через него рукой, то она оказалась отделенной от локтя на добрых полтора фута, причем, казалось, что ничего не случилось. Я видел свои пальцы и мог шевелить ими. Конечно, с рукой не произошло ничего плохого, но я не мог обсуждать это сейчас.

– Кажется, ситуация требует отчаянных мер, – криво усмехаясь, сказал Сантос. – Я когда-нибудь рассказывал вам о своем доме в Хондагве?

Это была единственная тема, которая могла отвлечь меня от увиденного, потому что здесь крылась какая-то тайна. Я знал, что Сантос не любил говорить о родине. Но сейчас он пошел даже на это. Он знал, что нам нужно отвлечься и перестать думать о проклятом устройстве из меди, хрустали и проводов на его рабочем столе. Поэтому, помогая мне, он помог себе.

Он описал мне свой дом в Хондагве такими словами, что я буквально представил раскидистые пальмы и невероятно синее небо, и море, ласкающее пляж белого песка. Жаркие солнечные лучи и жара были причиной того, что, работая, никто не лез из кожи вон, и все были довольны. Длинная гасиенда с белыми стенами и росшим подле них жасмином, босые слуги-индейцы и веранда довершали картину.

– А вода там на вкус, амиго, совсем не та, что течет здесь из кранов, – продолжал Сантос. – Неизмеримо вкуснее. И была там улыбающаяся темноволосая девушка...

Сантос резко замолчал, но через секунду заговорил снова.

Он делал это для меня, потому, что мое психическое состояние оставляло желать лучшего, и он хотел меня отвлечь. Все мы любим читать о всяких фантастических научных устройствах в художественной литературе. Но когда мы видим подобное наяву, мозги становятся набекрень.

ГЛАВА II. *Эластичное пространство*

Сантос говорил о своих лошадях и собаках, о ленивом движении в сонном, неспешном городке Нинте, и о своем доме в столице Хондагве, который растянулся на полквартала, потому что каждый из предков делал очередную пристройку к нему, и

не было даже его общего плана. И о старинной, скрипящей, причудливой четырехместной коляске, в которой несчетные годы леди его семьи выезжали с неотложными визитами. И вот однажды темноволосая девушка...

Сантос замолчал и вытер вспотевший лоб. Затем ему удалось улыбнуться.

— Но мне кажется, сейчас вы думаете о чем-то другом, верно? — спросил он. — Я сейчас быстренько пролистаю газету.

Обслуживали в институтской столовой не быстро. Это была традиция, такая же, как мрачные коридоры. Мы ждали, пока нам принесут кофе, и Сантос взял газету, лежащую на нашем столике. Пока он проглядывал заголовки, руки его слегка дрожали. Думал он явно не о газете, но, должно быть его глаза все же фиксировали напечатанные строчки, потому что внезапно он задрожал от ярости.

Побледнев, Сантос отложил газету. Заметив, как я смотрю на него, он улыбнулся, но в глазах у него было странное выражение.

— Мне кажется, мы оба избавились от мыслей о той штуковине наверху, — спокойно сказал он. — Я прочитал в сегодняшней газете, что наш город должен посетить президент Хондагве во время дружеского визита в Соединенные Штаты. Вот это избавит меня от воспоминаний о чем угодно!

Он машинально взял кофейную чашку, часть ее содержимого выпил, а часть пролил. Лицо его было суровым и бледным.

— Теперь мне легче вернуться к размышлениям о моем диаманетике, — рассеянно сказал он. — Гораздо легче.

Но внезапно, словно не в силах больше сдерживаться, он заговорил. Голос его был горек и мрачен. И слушать его было тяжело.

Хондагве была из тех стран, в которых номинально не было демократии. Ее президент — Хосе Мануэль Гуттиэреса — правил страной уже восемнадцать лет. И в течение этих восемнадцати лет ни разу не было выборов. Никто не претендовал на то, что там были суды или честные чиновники. И что хуже всего, никто даже не притворялся, что президент не обладает полной и абсолютной властью.

Темноволосая девушка была женой Сантоса. Она привлекла внимание любителя женщин Гуттиэреса. Он вежливо пригласил ее посетить президентский дворец. Она не пошла. А затем она просто исчезла — была похищена людьми из охраны президента.

— Я был тогда на охоте, — сквозь стиснутые зубы с трудом выдавил Сантос. — Когда я вернулся и узнал об этом, то буквально обезумел. Я пошел во дворец с револьвером, и меня подстрелили

под предлогом того, что я пытался убить президента. Этого я и хотел, но не смог. Меня бросили на улице, посчитав мертвым, но я не умер... к сожалению! — добавил он. — Моя жена тоже была мертва, — безжизненным голосом продолжал он. — Когда я поправился, то стал подготавливать революцию. Было достаточно много людей, так же отчаявшихся, как и я! Целых три месяца нам удавалось держать все в тайне, собирая людей, у которых были веские основания ненавидеть Гуттиэреза. Но потом нас раскрыли. Мы стали преследуемыми беглецами. Когда поймали живыми сорок моих человек, остальные решили сдаться. Им обещали жизнь, но я сам слышал винтовочные залпы, когда их расстреливали. Какое-то время я прятался в доме поденщика. В конечном итоге, лишь двенадцати из нас удалось перебраться через границу. — Он широко раскинул руки и горько улыбнулся. — Я планировал когда-нибудь вернуться и задушить Гуттиэреза собственными руками. Уже больше тысячи человек погибли при подготовке восстания. Возможно, они не походили на примерных учеников воскресной школы, но это были настоящие мужчины. Они хотели, чтобы президент ответил за гибель людей, за насилие над женщинами, за все, что он творит в стране. А в результате, — по глазам было видно, что он издевается над собой, — я стал великим ученым! Я создал диамагнетик, амиго, штуковину, которая то прекращает существование, то появляется снова. А в это время Гуттиэрез катается по Штатам, как президент дружественной страны!

Теперь настала моя очередь попытаться отвлечь его от мрачных мыслей.

— Вероятно, после вы пожалеете о том, что рассказали мне все это, — прямо сказал я. — Поэтому, я все забуду, если вы не возобновите разговор на эту тему. Но диамагнетик не такой пустяк, как вам кажется. Когда вы вернетесь в лабораторию, я думаю, мы узнаем, в конце концов, что он очень важен, и стоит потратить жизнь на его открытие. Вы сказали, что завершили работу над ним?

— За полчаса до того, как вы пришли, — ответил он без всякого интереса. — Тогда я в первый раз включил его. Ладно. Пойдемте.

Я вернулся в лабораторию вместе с ним. Я с энтузиазмом пространялся о том, что уже обдумываю истинные свойства и применение диамагнетика. И мне удалось заставить Сантосу думать о нем.

Теперь я об этом жалею.

Когда мы вернулись в лабораторию, то первый вопрос, мучивший нас обоих, разумеется, был о том, что происходит с этой хитрой штуковиной, когда она включена и исчезает.

Мы взяли деревянную палку и ткнули ею в то место, которое он занимал. Там ничего не было, но опять произошел экстраординарный оптический эффект, о котором я уже рассказывал. Палка вылезла с другой стороны этого места, а посередине ее была большая – фута в полтора – дыра, ничто. Тогда я протянул палку через странное место, взяв ее за оба конца. При этом мои руки отделились, чего мне очень не хотелось. Волосы встали дыбом у меня на голове, потому что палка стала расти в длину, выдвигаясь, как телескопическая труба.

А посреди я видел пустое место. Картина была такая, словно я держал две палки. Но я чувствовал, что это оба конца одной палки.

Я продолжал протягивать ее, внезапно она резко сжалась до нормальной длины, пустое место посередине ее исчезло, и это снова была целая палка той же длины.

Сантос погладил шрам на своей шее, затем внезапно кивнул.

– Думаю, это объясняет все, – спокойно сказал он. – Смотрите, амиго!

Он снова стал протаскивать палку через пустое место. Как и в первый раз, палка стала на полтора фута длиннее прежнего, а посередине ее возникла пустота. Но когда Сантос стал двигать палку туда-сюда по этому странному месту, пустота между частями палки оставалась одинаковой и тех же размеров, но торчащие с обеих сторон части палки менялись, делаясь то короче, то длиннее.

Затем Сантос медленно потащил ее, пока один конец палки не исчез, и у него в руке оказалась короткая палка, торчащая из пустоты.

– Ага! – сказал Сантос. – Это все докажет.

Он раскрыл газету и опустил ее сверху на странное место. Посреди газеты возникла дыра. Газета не порвалась, просто в ней появилась дыра. Сантос поднял газету, и дыра в ней исчезла. Затем он стал опускать газету, пока дыра не возникла снова.

– Нажмите выключатель, – попросил он меня.

Я нажал кнопку. Раздался резкий, противный щелчок, и газету прорвало появившееся устройство из меди и хрусталя, а в воздух взлетело облачко мелкой бумажной пыли.

– Что и требовалось доказать, – так же спокойно сказал Сантос. – Конечно же, это оно! Как может быть иначе?

Он достал и зажег сигарету, не проявляя никакой радости или торжества от того, что нашел объяснение.

– Вы были правы, амиго, – сказал он вместо этого странным тоном. – Это очень важно. По крайней мере, это заслуживает Нобелевской премии. Я забыл, кто из великих сказал, что мы живем в безумном мире, но это так и есть. Теперь понятно, почему я боюсь этой штуковины. От нее волосы становятся дыбом.

Он невесело улыбнулся мне.

– Возможно, теперь я стану великим, всемирно известным ученым Хондагвана. Гуттиэрез пришлет за мной самолет первого класса. Пригласит меня погостить в родной стране. А потом выразит глубокие соболезнования по случаю моей кончины в автомобильной аварии через час после приземления. Вот будет забавно.

Но выглядел он при этом совсем не весело.

– Что же, черт побери, – потребовал я, – происходит в этой штуковине.

Сантос выпустил густой клуб дыма.

– Теоретически все очень просто. Два предмета не могут занимать одно место одновременно. Но здесь это вроде бы происходит. Мы говорим о парамагнитных и диамагнитных веществах так, словно существуют магнитные и антимагнитные силовые поля. Но это не так. Ведь точно также мы говорим о положительном и отрицательном электричестве. Но мы же знаем, что нет никакого положительного электричества, а есть только дефицит электронов, несущих отрицательный заряд. Точно так же, нет никакого антимагнетизма в известной нам вселенной, а есть лишь дефицит магнетронов в таких веществах, как, например, медь или висмут.

– Но вы же сказали...

– Я сказал, что создал диамагнетик, – перебил меня Сантос. – И я создал его. Но он не может существовать в нашей вселенной. Поэтому, для существования, он должен создать пространство, отличающееся от нашего, в котором он может существовать. Что он и делает. Мне кажется, многое стало ясно из экспериментов, которые мы только что проделали.

– Да перестаньте! – возразил я. – Вы что, утверждаете, будто эта штуковина переходит в некое четвертое измерение?

– Нет, – ответил Сантос, в голосе которого внезапно пропал всякий интерес. – Не в четвертое измерение, а в замкнутую вселенную. Маленькую карманную вселенную. Точно то же делает,

скажем, атом, настолько тяжелый, что разрушает пространство вокруг себя. Но мы не можем проследить за атомом. А за моим устройством вполне можем, потому что пространство, в котором оно возникает, весьма большое.

Он сел и мрачно уставился на пустую стену. Я лишь поморгал. Все начинало приобретать смысл. Наступила долгая тишина в неряшливом помещении, которое было лабораторией Сантоса. Разные мысли мелькали у меня в голове.

Эйнштейн доказал, что пространство упругое. Диамagnetик обертывает себя иным пространством и переходит в него. Причина, по которой больно глядеть на пустое место, где он стоял, состоит в том, что глаза пытаются сосредоточиться на невозможном.

— Но ведь в этом, — сказал я, наконец, — кроется гораздо большее, чем я представлял себе, Сантос.

Сантос лишь пожал плечами. Много лет он работал без продыха, чтобы не думать о своем доме в Хондагве, о жене и трагедии, которая вылилась в кровавое восстание, когда он пытался отомстить. Возможно, он так загрузил себя работой, что уже и не вспоминал о мести. Но президент Ходагве прибудет с дружеским визитом в Нью-Йорк — единственный человек, который лишил жизнь Сантоса всякого смысла!

Я нашел пару держателей для пробирок, валявшихся на пыльном полу в лаборатории Сантоса. Положил их по обе стороны от устройства Сантоса на расстоянии фута. Затем нажал кнопку выключателя, и устройство исчезло.

Я встал позади одного держателя и взглянул поверх него на другой. Тот оказался дюймах в шести от первого. Пространство между ними исчезло, но никуда не девалось, а просто обернулось вокруг устройства Сантоса.

Я нажал кнопку, и все пришло в первоначальный вид. Тогда меня пробрала дрожь.

— Сантос, — я постарался говорить спокойно, — а вам не пришло в голову, что вы теперь самый богатый человек в мире? Ведь теперь железные дороги, мосты и пароходы становятся ненужными. Как ненужными станут и шахты, если я хоть немного разбираюсь в законе сохранения энергии. Если вы сумеете заставить эту штуковину создавать собственные карманные вселенные нужных форм и размеров, то вы измените всю цивилизацию!

Как я уже говорил, он был маленьким, сухим, совершенно не внушительным человеком. Скорее, он вызывал жалость, а на

лице его была написана ненависть к человеку, который скоро станет почетным гостем страны и нашего города. Он попытался выслушать меня. Думаю, он в самом деле пытался, но затем лишь улыбнулся неестественной, жалкой улыбкой.

— Амиго, — вяло сказал он, — У меня сейчас голова не работает. Позже я обдумаю этот вопрос, но сейчас мне надо переговорить с моими старыми друзьями. Не об этом открытии, а о Гуттиэрезе, который будет теперь вдали от своего дворца и многочисленной охраны.

В голосе его даже не слышалось никакого волнения. В нем была ненависть, но ненависть настолько старая, что даже она лишилась всех эмоций, а стала такой же естественной и неизбежной, как необходимость дышать. Но тогда я этого не замечал. Я сочувствовал ему абстрактно, но мои мысли горели от возможностей, которые я видел в замкнутых вселенных, таких, какие создает его диамагнетик.

Я заставил его слушать. Наскоро рассказал о некоторых возможностях, которые первыми пришли мне на ум. Похоже, Сантос вообще не думал ни о каком практическом применении своего открытия. А я видел различные способы такого применения. И описал их ему.

Теперь я тоже жалею, что сделал это.

ГЛАВА III. *Большое, улучшенное устройство*

На следующее утро в заголовках новостей не было ни словечка о президенте Хондагва. Но это и не было важными новостями. Возможно, что-то было написано где-нибудь на последних страницах, потому что во время войны Хондагва поддерживала политику Америки и стран западной коалиции, ведущей войну с Гитлером. Она была вынуждена прервать отношения с Германией и даже попыталась очистить страну от немецких шпионов. Но это было давно, а нынешним новостям, что ее президент навестил Соединенные Штаты, не придавали значения. Написали разок — и ладно.

Тем не менее, у меня сложилась привычка читать передовицы. Возможно, потому, что в науке я имею дело с бесспорными фактами, и в противовес этому люблю почитать спорные мнения. Поэтому я прочитал вчерашнюю статью о президенте Гуттиэрезе. В ней была ссылка на письмо в «редакторской колонке».

Это письмо было подписано незнакомым мне испанским именем. Написано оно было интеллектуалом с отточенной ирони-

ей говорящего на испанском и представляло собой настоящую бомбу. Там все было разложено по пунктам. Указывалось, что Гуттиерез силой захватил власть и уничтожил в Хондагве все выборные институты. Затем упоминалось, что он двенадцать раз угрожал войной соседним с Хондагвой республикам. И добавлялось, что страна бурлит от выступлений недовольных, почти открыто поддерживаемых соседями ради их собственной безопасности.

Президент уехал – иными словами, чуть ли не сбежал, – после долгих переговоров с окружающими странами и выступающими против него элементами. Он согласился провести выборы и покинуть страну до их начала. Практически, его отъезд был признанием поражения и сложением с себя всяческих полномочий. Уехать ему позволили лишь для того, чтобы избежать ненужных кровопролитий, которые могли случиться при его сопротивлении.

В качестве доказательств приводились цитаты из газетных статей Гаваны, Боготы и других столиц испано-американских стран. Затем в письме указывалось, что во время войны в банках Хондагвы были сосредоточены немалые частные состояния лидеров обеих сторон, состояния, которые теперь никто не может востребовать.

Также там было добавлено, что личный багаж господина президента Хондагвы будет, разумеется, защищен дипломатической неприкосновенностью и пройдет таможеню без досмотра. После этого следовало изящное предположение, что посещение США доном Хосе Мануэлем Гуттиерезом не имеет никакого отношения к добросердечным отношениям между двумя странами, а всего лишь является попыткой вывезти из страны ценности, украденные или унаследованные от врагов Организации Объединенных наций.

Передовица упомянула об этом письме совершенно беспристрастно, но от визита президента Хондагвы явно воняло.

Днем я не пошел в лабораторию Сантоса. Мне пришло в голову, что, в конце концов, это было открытием Сантоса, и у меня не было никаких прав лезть в него. Но все равно я не мог думать ни о чем большем.

Если можно было уменьшить расстояние между двумя держателями пробирок на полтора фута, не передвигая ни одну из них, то можно было сделать много такого, чего невозможно добиться обычными, естественными способами. В конце концов, вся цивилизация – это набор приемов физики, которыми мы овладели.

Но нынешнее изобретение было куда важнее открытие применения пара! Оно было важнее использования электричества! В будущем его, наверняка, расценят наравне с изобретением колеса или открытием письменности. Я уже представлял изменившийся мир и даже завоевание звезд.

Да, это было открытие Сантоса и только его, и... ладно, мне удалось не тревожить его до конца дня. Но больше терпеть я не мог. По пути к институту я зашел в магазин игрушек и, чувствуя себя очень глупо, купил набор мраморных шариков.

Сантос, казалось, был рад видеть меня. Он даже поглядел на меня укоризненно.

— Вчера вы так восторгались, амиго, что я сегодня искал вас весь день, — мягко сказал он. — Мне нужна ваша смекалка и ваша изобретательность. У меня особый склад ума. Я рассматриваю любое изобретение с точки зрения его влияния на историю науки. Вы видите его возможное влияние на цивилизацию. Ваша точка зрения очень важна, и я должен знать ее.

Вчерашнего устройства больше не было на рабочем столе, но на его месте стояла парочка странных штуковин. Похоже, Сантос опять что-то конструировал.

Странное место для создания будущего Человечества, подумал я. Институтские лаборатории вообще не блещут роскошью. В них всегда тесно, стены не украшены, и они неопрятны. Но Сантос сумел внести свою лепту в увеличение общего беспорядка и бардака.

— Что вы делаете? — поспешно спросил я. — Мне нужно знать, можете ли вы создавать карманные вселенные различных форм, или они обязательно должны быть шаровидными? От этого зависит все! Почти все, во всяком случае!

Сантос кивнул на стол. Стоявшая там, похожая на клетку штуковина имела какое-то сходство с устройством, которое чуть не свело меня с ума еще вчера. Она была дюйма три в диаметре и три фута в длину. Кроме нее, было еще что-то покороче и с довольно объемистым пустым местом внутри.

— Вот это, — кивнул он на трехфутовый объект, — создает цилиндрическую карманную вселенную. А это подвижное устройство. Сегодня утром я посадил в него мышь, — показал он на устройство, над которым работал, — и перенес ее в замкнутую вселенную. Потом я освободил зверушку в награду за то, что она осталась жива. Сейчас я вношу в него кое-какие изменения, но, в целом, оно готово. А сейчас я покажу вам цилиндр... — Он подошел к рабочему столу и взял штуковину, которая больше всего

походила на цилиндрическую клетку из толстого тростника, среди которого виднелись тонкие хрустальные прутья. – Видите, – с довольным видом спросил он. – Я многое взял от прототипа, но кое-что сумел упростить. А теперь смотрите!

У него была ручка с выключателем, от которой к розетке тянулся провод. Движением пальца Сантос повернул выключатель. Клетка из тростника исчезла, исчезла полностью, кроме ручки. Сантос провел рукой по месту, где она только что находилась. Я содрогнулся. Увидев, как его пальцы отделились дюйма на три от ладони, а потом встали на место. Теперь я знал, в чем тут дело. На самом деле они не отделялись, просто так выглядело со стороны.

– Я подумал над тем, что вы предложили вчера, – сказал Сантос. – Этот цилиндр создает иное пространство. Замкнутое пространство или карманную вселенную цилиндрической формы.

Он повернул ручку, и сам вид неправильного места изменился. Конец цилиндра оказался на полу. Я подошел, и сердце мое забилося у самого горла.

Самая дикая из всех моих фантазий оказалась верна. Эта штука действительно уничтожала пространство. Пространство длиной в три фута.

Когда один конец ее стоит на полу и включен ток, то пол оказывается на три фута выше. Я ткнул пальцем в то, что казалось кружком линолеума, висящего на уровне талии.

Он был твердым на ощупь. Он существовал на самом деле. Я касался пола, не наклоняясь к нему. Я пошарил в кармане и положил на этот кружок монету.

Сантос кивнул и щелкнул выключателем.

Клетка из тростника возникла на полу, на котором, не звякая и не упав, лежала монета. Сантос опять щелкнул выключателем, и я поднял монету, не наклоняясь... и меня прошиб холодный пот.

– Именно о таком я и думал, – дрожащим голосом сказал я. – Положите эту штуковину боком на стол. Я по пути завернул в магазин и купил мраморные шарики.

Он сделал, что я просил. Трясущимися руками я согнул из картонной корытце буквой V, и вставил его острый конец в решетчатую штуковину.

Сантос включил ток. Я бросил мраморный шарик в корытце так, чтобы он покатился к острому концу. Шарик докатился до карманной вселенной – и тут же выкатился из другого ее конца.

На пересечение невидимого пространства он не потратил ни секунды, потому что там не было никакого пространства. Он

просто продолжал катиться в другом направлении.

Один за другим я катал шарики по корытцу, и они послушно меняли направление на обратное без всякого дополнительного импульса.

Я достал носовой платок и вытер вспотевшее лицо. У меня чуть постукивали зубы.

— Предположим, нужно транспортировать какой-то объект, — сказал я. — Тогда вы создаете устройство шести футов в диаметре и десять миль длиной! Один конец помещаете на Сорок вторую улицу, а другой — в Йонкерсе. Включаете его. И расстояния больше не существует. Причем этот вид транспорта не блокирует движение. Мы можем спокойно ходить через то место, где он находится. Просто занятое им пространство перестало существовать. А затем предположим, что кому-то надо попасть из Йонкерса. Он просто делает шаг и оказывается на Сорок второй улице, потому что вдоль той линии нет никакого расстояния. А теперь предположим, что вы проложите это сооружение через весь континент. Это было бы настоящее чудо!

Сантос поглядел на меня и усмехнулся. Усмешка у него была не взволнованная, а усмешка симпатии, радостная усмешка. Кажется, он больше заботился о моем энтузиазме, чем о собственной славе.

— Ах, да! — сказал он. — Все правильно. Это скоростной транспорт, который мгновенно перенесет вас в заданный пункт. Если все получится, амиго, то вы можете попасть с Сорок второй улицы не только в Йонкерс, но и куда угодно в мире. Я восхищаюсь вами!

— Со временем мы даже сможем провести его в Хондагву, — поспешно сказал я.

Улыбка его застыла, но Сантос не сказал ни слова. Он просто повернулся к своему столу и занялся работой. Лицо его заострилось и стало мрачным, потому что мое упоминание о Хондагве напомнило ему о президенте. Я перевел его ум на мысли о прошлом.

Как я жалею сейчас, что сделал это!

ГЛАВА IV. Проблема Гуттиэреса

Президент Хондагвы приехал в Нью-Йорк два дня спустя. Об этом было написано в новостях. Но не в экстренных новостях, а так, на пятнадцатой странице газеты в качестве вежливой дань главе маленькой страны к югу от Эквадора.

После этой статьи в редакцию поступило первое письмо. Обычно такие письма мало что значат, но это начало целую эпопею, которую подхватили другие газеты. Затем скандал перешел на первые полосы нью-йоркских газет и продолжался уже там.

Одна газета озаглавила статью «Палач Хондагвы в Нью-Йорке». Самая умеренная газета назвала его «Диктатором», что в наше время является не самым хорошим словом.

Тут же были раскопаны все доступные факты о правительстве Хондагвы, ясно показывающие президента фашистом, мясником, убийцей и бандитом, который только что продал своих приверженцев в обмен на то, чтобы ему разрешили убежать из страны с награбленным.

Один из сенаторов поднялся в Конгрессе и напал на правительство за то, что этому диктатору разрешили приехать в страну, хотя по закону он все еще был главой дружественного государства. Было живописное описание, как его багаж пропустили без таможенного осмотра.

Вместо небрежной заметки о визите и невесторженном приветствии мэра, его встретил целый корпус репортеров и операторов, фотографии его появились на первых полосах все газет, наряду со статьями.

Он поехал в отель «Уолдербилт», где были забронированы номера для него и его охраны, и там тут же с должным ритуалом подняли флаг Хондагвы, указывающий на его присутствие. Но история на этом не кончилась. Газеты продолжали трудиться и оповещать обо всех его действиях.

Президент оказался толстым человеком, смуглым, с самым тяжелым взглядом, какой я только когда-либо видел. Он позировал для фотокорреспондентов в форме с саблей, принимая героические позы. Очевидно, по-английски он читать не умел, и никто из сопровождающих не посмел пересказать ему, что о нем было написано.

В вечерних газетах был подробно описан «Уолдербилт», где охрана в форме настояла на том, чтобы находиться рядом с багажом и даже поехала в грузовом лифте. Были также фотографии. Один фотограф разозлил охранника до такой степени, что на фотографии запечатлелась рука на кобуре и угрюмое, угрожающее лицо.

На следующее утро утренние газеты поведали новую историю. Президент заказал для своей свиты артисток, очевидно, желая устроить вечеринку. Никто не появился, и он устроил скандал. И тут, очевидно, кто-то все же собрался с духом и рассказал

ему, какие материалы печатали в газетах, и он замолчал, как моллюск. Двадцать четыре часа он провел в своих апартаментах, не высовывая из них носа и ничего не заказывая, очевидно, опасаясь, что об этом напишут в газетах.

Но внимание к нему не ослабевало. Были вновь напечатаны фотографии вооруженной охраны, стерегущей его багаж. Из Хондагвы как раз поступили сведения о дефиците бюджета, и недостающие средства тут же приписали ему.

Затем в газетах последовали рассуждения о том, сколько он мог выкачать из страны за время своего владычества, и задавались риторические вопросы, а сколько миллионов долларов он вывез под прикрытием дипломатической неприкосновенности и сколько раздал, чтобы ему позволили выйти сухим из воды.

Выборы, которые должны были определить его преемника, еще не прошли, а Хондагва, судя по сообщениям, уже превратилась в сумасшедший дом. У власти стояло временное правительство, которое игнорировало правовой статус Гуттиэреса, и все покидавшие страну лодки и суденышки были полны соратниками президента, пытавшимися убежать от возмездия.

Я вошел в лабораторию Сантоса с некоторыми материалами, которые он попросил принести. Там я нашел еще шесть латиноамериканцев, слушающих, что он говорит им по-испански. Когда я вошел, все повернулись ко мне с напряженными лицами, но Сантос познакомил нас — у всех были испанские имена типа Кальдерон, Ибарра и так далее, — и они расслабились. Тогда он принялся экспансивно рассказывать мне:

— Это мои старые друзья и товарищи по оружию, амиго. Мы потеряли связь друг с другом, но появление Гуттиэреса в Нью-Йорке, заставил нас снова собраться вместе. Из-за газетной шумихи мы решили, что с ним что-то должно произойти. Американское правительство, конечно, заберет его богатства. Вероятно, он будет арестован и выдан Хондагве как обычный преступник. Хотел бы я быть там, когда до него доберется толпа!

Лица остальных шести человек стали совершенно бесстрастными. Не хотел бы я, чтобы кто-нибудь так ненавидел меня!

— Мы встретились здесь, чтобы поспорить о политике, — с явным удовольствием продолжал Сантос. — Так же я пригласил их, чтобы продемонстрировать свое открытие. Боюсь, что они считают его колдовством, но мне очень хочется похвастаться перед своими соотечественниками.

Я передал ему то, что принес, в основном, маленькие бата-

рейки, которые раньше использовались для портативных раций. В настоящее время их трудно достать. И Сантос начал свое шоу.

Он показал все, что я уже видел, а затем продемонстрировал кое-что новенькое. Очевидно, он прекратил работать над тем, что я видел, и сделал новое устройство – диамагнетик или как его там назвать? – которое во включенном состоянии создавало вокруг себя карманную вселенную – и могло растягиваться. Оно походило на ручной пантограф и было фута три в длину, но могло раздвигаться и становиться раз в пять длиннее. И по всей длине оно было завернуто в чужое пространство. Вот его-то Сантос нам и показал.

– Мне почти что стыдно за него, – извиняющимся тоном сказал он мне. – Это устройство с радостью приобрел бы любой грабитель.

Он нажал выключатель, и устройство исчезло. Лишь место, где оно прежде было, стало каким-то неправильным, потому что, как я уже объяснял, мы не можем представить себе иное пространство. Сантос что-то сделал с его ручкой, и устройство растянулось и стало тоньше, протянувшись через всю лабораторию.

Тогда Сантос сунул руку в один его конец – и, когда кисть вылезла из другого конца, взял что-то. Он показал то, что взял, и, вынув руку из устройства, положил себе в карман. Затем повернул устройство к полу. Оно прошло сквозь пол, как прежде сквозь газету, Сантос через устройство что-то взял из лаборатории на нижнем этаже и перенес к нам. Затем он вдвинул похожее на прут устройство внутрь электрической лампочки и положил туда четвертак. Сделав это, он убрал устройство и нажал выключатель.

Что вы думаете? Четвертак оказался в совершенно целой электрической лампочке. Этого было достаточно, чтобы заставить вас со стоном схватиться за голову. Но друзья Сантоса только посмеивались и хлопали друг друга по спине. Сантос глядел на них со странной усмешкой на лице и теплотой в глазах.

Затем они внезапно поднялись и вышли друг за другом. Сантос помрачнел.

– Я знаю, вы думаете, что они ведут себя по-детски, но это – мои старые товарищи, – извиняющимся тоном сказал он. – Их счет к Гуттиэрезу не меньше моего. Заставить их удивиться, даже на короткое время, очень трудно.

Я ничего не ответил, лишь протянул ему пакет с батарейками для портативных раций, которые уже давно не производят.

– Я достал батарейки, которые вы просили, – сказал я и тут же добавил: – Послушайте, Сантос! Я готов кое с кем связаться, вы продемонстрируете им все это, но для начала должны подать хотя бы заявку на патент. Сделайте это, и я гарантирую, что у вас будет сколько надо денег для начала большого бизнеса.

Сантос поглядел на меня, задумчиво прищурившись.

– *Виено!* Но скажите, как вы собираетесь использовать мое изобретение?

– Во-первых, больше не будет никаких трудностей, – искренне ответил я. – Люди живут в переполненных городах лишь для того, чтобы легче было добираться до работы и обратно. С вашим открытием исчезнет само понятие расстояний. Не будет больше метро. Не будет озлобленности, которая возникает у людей в толпе. Не нужно будет вообще жить всем в куче, в этом исчезнет необходимость. Во-вторых, больше не будет шахт. Вы сможете легко протянуть ваше устройство к рудным жилам, как протянули его в лабораторию Добсона под нами, и руда окажется все равно что на поверхности. Горной промышленностью можно будет заниматься при солнечном свете. И больше не будет ненависти между странами, если можно будет просто войти через дверь куда угодно, и каждый день множество людей будет видеть, что в других странах живут такие же люди. И я думаю, что не станет деградировавших, продажных чиновников, когда люди увидят, что могут с легкостью обходиться и без них. Это всего лишь часть того, где можно будет применить ваше изобретение. Это...

На лице Сантоса вспыхнула настоящая улыбка, глаза его стали теплыми и дружелюбными.

– *Виено!* Достаточно! – сказал он и импульсивно пожал мне руку. – Вы настоящий друг, амиго, и должны принять участие во всем этом. Но сначала есть кое-что, всего лишь одно небольшое дельце, а затем я буду в вашем распоряжении. Вы принесли батарейки. Превосходно! Самому бы мне их не удалось найти.

Казалось, он был удивлен тому, что я нашел такие батарейки, какие он просил. Их действительно было трудно найти, потому что их уже перестали выпускать.

Но если хотите знать, из всех ошибок, что я сделал в этом деле, батарейки были самой большой, и я до сих пор об этом жалею. Если бы я не принес их в тот день, все могло бы закончиться хорошо.

Сантос исчез на целых восемь дней. Он не появлялся ни в институте, ни в своей лаборатории. Я не знал, где он жил, но достал его адрес и пошел туда. Хозяйка сказала мне, что он упа-

ковал сумки и куда-то уехал. Предупредил, что его не будет примерно неделю.

Уехал он один на такси, а она должна была забирать почту до его возвращения. Я быстренько написал записку:

«Я ломаю голову, не понимая, куда вы вдруг уехали. Свяжитесь со мной, как только вернетесь. Вы необходимы, чтобы построить такой мир, в каком я хотел бы жить».

Я подписал записку и оставил ее хозяйке.

Прошло восемь дней, прежде чем он позвонил мне. И все эти восемь дней я провел в нервном возбуждении.

Вы помните, что в то время писали газеты? Как они устроили настоящее пиршество на костях президента Хондагвы? И, вероятно, вы помните, чем все закончилось — согласно газетам.

Там было написано почти все, а упущенное вы можете дополнить, согласно тому, что я вам рассказал.

Шумиха вокруг Гуттиэреза становилась все громче и конкретнее. Корреспонденты чуть ли не толпами полетели на самолетах в Хаондагву, и впервые за восемнадцать лет тамошнее население осмелилось сказать правду. Это было самое свирепое тоталитарное правительство в мире после Гитлера, не считая правления коммунистической партии.

Но в Хондагве никакой партии не было. Была лишь кучка бандитов, которые захватили власть и держали народ в страхе, давили его и в буквальном смысле слова обескровили.

От привезенных оттуда материалов у людей встали волосы дыбом. И стало ясно, что Гуттиэрез заключил сделку, чтобы спасти свою шкуру и награбленное, а в его багаже, защищенным дипломатической неприкосновенностью, лежали не только народные деньги, но и сбережения нацистов. Газеты тут же взвились до небес, требуя, чтобы с него сняли дипломатическую неприкосновенность и досмотрели багаж.

Затем известная фирма латиноамериканских банкиров заявила, что им была доверена крупная сумма, составляющая много миллионов долларов, для того, чтобы использовать ее на благо Хондагвы и ее населения.

Все ненадолго замолчали, затем взвыли с новой силой. Выходит, Гуттиэрез пытается откупиться частью своего награбленного, чтобы сохранить остальное?

Нью-йоркские газеты всегда славились скандальным характером, и в этом им не было равных. Тогда латиноамериканские банкиры заявили, что деньги были им переданы не самим Гуттиэрезом, а комитетом хондагванских эмигрантов, которые были

политическими эмигрантами и являлись самыми злейшими врагами Гуттиэреза.

И тут действительно все взорвалось. Президент Хондагвы вылез из своих апартаментов в «Уолдербилте». Администрация гостиницы услышала стрельбу, которую затеяли его охранники, и разбежалась, как кролики. Разумеется, они испугались!

Гуттиэрез хрипло ревел, что его ограбили. Он шел по коридорам отеля с револьвером в каждой руке, и, с пеной во рту, пытался найти грабителей.

ГЛАВА V. Сантос сравнивает счет

АМЕРИКАНСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ, наконец-то поймали Гуттиэреза, который, задыхаясь, лиловый от гнева, клялся, что его багаж украли из номера, прямо под носом у охранников. Он кипел и бурлил, безостановочно ругался и был весь в пене.

Багаж его был доставлен в номер неповрежденным. Он сам проверил это. Возле него день и ночь стояли на страже по два охранника, потому что он не доверял никому. И когда обнаружилась пропажа, охрана была тут же обыскана в его присутствии.

Но из багажа исчезло все до последнего песа, что он привез с собой, и он в ярости ревел, сколько там было миллионов, но ему никто не верил до тех пор, пока не обнаружилось, что указанная им сумма полностью совпадает с той, что была передана банкам для развития Хондагвы. Латиноамериканские банкиры заявили с солидным видом, что это простое совпадение, которое они не собираются комментировать.

Гуттиэрез не успокаивался. Он был уничтожен, дискредитирован, ограблен и опозорен, но жаждал возмездия. Он требовал, чтобы полиция и ФБР нашли грабителей и передали их ему.

ФБР вежливо согласилось исследовать его багаж, и возникла другая трудность.

Гуттиэрез в ярости открыл им все чемоданы и переносной сейф! Но, исследовав их, ФБР обнаружило некоторые документы, которые Гуттиэрез явно не хотел никому демонстрировать. Разумеется, то, что в них было, уже и так стало всем очевидно, но там упоминались некоторые люди – вовсе не хондагванцы, – и из этих документов стало ясно, почему эти люди отважно пытались защитить Гуттиэреза от «клеветы в газетах». ФБР все это очень, очень заинтересовало, но к Гуттиэрезу они относились весьма вежливо.

Его оставили в номере под охраной американской полиции,

для гарантии, что ему не станут досаждают. Охрана была еще и для того, чтобы он не покидал номера, ни один, ни со своими телохранителями.

А на следующий день, несмотря на стоявшую у дверей охрану, Гуттиэрез был найден мертвым. Весьма мертвым. Совершенно мертвым. Никто не слышал никакого шума, но вид Гуттиэреза был страшен, лицо его искажала гримаса суеверного ужаса. Однако, умер он не от испуга. Он был просто кем-то убит.

Все эти события заняли неделю. А на восьмой день мне позвонил Сантос. Я взял такси и помчался в его лабораторию. Там я сразу же заметил, что выражение его лица изменилось. Оно стало каким-то мягким и бесконечно спокойным. Таким спокойным, что я с удивлением взглянул на него. Сантос улыбнулся мне.

— *Hola, miu mio amigo!* — бодро сказал он. — *Que hay?*

Я кашлянул. Внезапно до меня дошла вся правда, и я сел на стул, чувствуя слабость в коленях.

— Вы в последнее время так много говорили по-испански, что забыли — я не знаю его. — Я помолчал. — Ну, теперь вам лучше?

Он кивнул, встревоженно наблюдая за мной.

— Нет, — мрачно сказал я, — я не собираюсь ничего сообщать полиции. Зачем это мне? Я знаю, что сделал Гуттиэрез. Но вы слишком рисковали! Вас же могли убить. Вы понимаете, что вы — единственный в мире человек, который умеет делать диамагнетики?

— И это важно? — с горечью в голосе спросил Сантос.

— Это чертовски важно! — воскликнул я. — Вы не имеете никакого права рисковать жизнью.

— Не было никакого риска, — заверил он меня. — Жена-американка одного из моих друзей сняла номер двумя этажами ниже, так что все было безопасно.

— Вы воспользовались своим изобретением, — сердито сказал я. — Вы взяли раздвижное устройство, чтобы вытащить с его помощью содержимое чемоданов и перенести их к себе в номер. Вы уничтожили пространство. На полученные деньги вы организовали фонд помощи развития Хандагвы. Жители Хондагвы станут получать прибыль с денег, принадлежавших ранее немецким нацистам...

— Это не прибыль, — сказал Сантос. — Деньги пойдут на развитие школ, медицины, на социальную помощь, о которой в моей стране давно все забыли.

Должно быть, выражение моего лица подсказало ему, что я об

этом думал.

— А где-то среди его вещей оказался чистой воды компромат, — продолжал я. — А после того, как президент убедился, что воры все забрали, вы подкинули его ФБР.

— Естественно, — спокойно ответил мне Сантос. — Все должны получить по заслугам. Я не люблю негодяев.

— Выходит, вы боретесь с ними при помощи суперворовской техники?

Я ничего не сказал об убийстве Гуттиэреса. Это было не мое дело. Но я понял, почему на его мертвом лице застыло выражение такого суеверного ужаса. Он видел, как прямо из воздуха появились лица людей, каких он когда-то оскорбил и кого давно считал мертвыми. И они что-то сказали ему, прежде, чем он умер.

— Вы использовали суперворовскую технику, — с горечью повторил я. — Вы рискнули самой ценной жизнью в мире — своей жизнью!

В его кривой улыбке пряталась нежность. Сантос был тощим маленьким латиноамериканцем, но он нравится мне и знал это.

— Вы критикуете меня, — с сожалением проговорил он. — У вас иная точка зрения, амиго. Вы думаете о тех, кого никогда не знали, и даже о тех, кто родится уже после вашей смерти. Я же думаю о том, что кажется важным для меня. Но ваша точка зрения совершенно нормальна. — Он говорил так, словно спорил с самим собой. — Я планирую один дополнительный эксперимент, — продолжал он. — Я должен проделать его, прежде чем запатентовать свое открытие. Я уверен, что он совершенно безопасный. Теоретически я доказал это. Но все равно я приму кое-какие заранее продуманные предосторожности.

— Что, черт побери, вы собираетесь сделать? — с жаром воскликнул я.

Он объяснил, и я разбушевался. Но он лишь усмехался, пока я бегал взад-вперед по лаборатории и напоминал ему, что он человек, а не подопытная мышь, и, идя на такой риск, он, практически, предает будущее. Но он лишь усмехнулся и повторил, что примет все меры безопасности. Очень тщательно продуманные.

На следующее утро я получил от него записку:

«Амиго! Чтобы не заставлять вас тревожиться, я проделаю этот эксперимент сегодня вечером. Как вам уже известно, я хочу сам переместиться в ту область пространства, которая становится замкнутой вселенной под действием диамагнетика. Для этой цели я сделал диамагнетик, достаточно большой,

чтобы я весь поместился в область его действия. Работать он будет на батарейках, которыми вы меня снабдили. Внутри я смонтировал выключатель, который включу и тут же выключу. Так что ничто не успеет навредить мне. Я посылал туда мышь, и она осталась жива-здорова, хотя я держал ее в замкнутой вселенной, насколько ей хватало воздуха. Но это еще не все предосторожности. Я написал всю теорию диамагнетика и точные инструкции для его изготовления.

Я оставил эти записи в ящике стола, но боюсь, что вы стали бы упрекать меня за беспечность. Поэтому я вложил рукопись в маленький генератор карманной вселенной на одной батарейке. Часы выключат ток ровно завтра в полдень. Таким образом, я придумал еще одно применение диамагнетика, о котором вы не подумали. Это сейф с абсолютной защитой!

Если меня не окажется в лаборатории, когда вы приедете, то ровно в полдень вы сможете забрать мою рукопись. Но я буду там, и мы отправимся вместе обедать.

Чтобы вы уж совсем не смогли упрекнуть меня в беспечности, остальные диамагнетики я захвачу с собой.

И если со мной все же что-то случится, я прошу вас продолжать строить тот счастливый мир, о котором вы мне говорили. Но все будет в порядке. Жду вас к обеду.

Ваш преданный друг!»

Разумеется, я тут же поехал в лабораторию. Не знаю почему, но я был весь в холодном поту. И Сантоса там не оказалось...

Перед рабочим столом находилось большое пустое пространство, на которое было больно смотреть. Оно было достаточно большим, чтобы в него мог поместиться Сантос. Устройство явно работало, и Сантос почему-то не выключил его. Если бы он воспользовался энергией от розетки, то я сам мог бы выдернуть штепсель. Но он почему-то использовал батарейки. И отключить его снаружи не было никакой возможности. Как и проникнуть туда. Он находился в замкнутой вселенной. Карманной вселенной, как он назвал ее.

Что касается второго приспособления, которое он сделал для опытов на мышах, то оно стояло на столе и тоже не отключилось в полдень. С тех пор прошло три месяца. Ни одной батарейки не хватило бы поддерживать работу этого устройства целых три месяца. Они бы давно уже кончились.

Разумеется, можно было доказать, что эти две карманные вселенные существуют. И если когда-нибудь устройства отключатся, то можно будет изучать их и переменить лик всего мира. Но

мне от этого не легче.

Хондагва получила много денег для социального развития – ведь это небольшая страна, и каждый миллион долларов имеет там большое значение.

Но Сантос!.. Черт побери, он мне нравится! И пока он не выйдет из своей карманной вселенной, никому не будет пользы от его открытия! И в мире нет никакого способа, чтобы отключить это устройство...

Но когда-нибудь он выйдет оттуда. Он собирался оставаться там всего лишь полсекунды, а прошло уже три месяца, и, разумеется, у него не было с собой ни припасов еды, ни воздуха. Но он выйдет оттуда. В батарееке на диамагнетике не могло быть столько энергии, но устройство все еще работает, хотя прошло три месяца.

Поэтому, я не считаю, что часы устройства остановились или Сантос погиб.

И он, и его рукопись находятся в карманных вселенных. Но нам не известна ни одна константа такой замкнутой вселенной.

Например, мы не знаем, сколько еще месяцев, лет или столетий должно пройти в нашей вселенной, пока в той пройдет полсекунды.

И В ДАЛЕКОМ БУДУЩЕМ ТАЙНА КАРМАННЫХ ВСЕЛЕННЫХ БУДЕТ КОГДА-НИБУДЬ ВНОВЬ ОТКРЫТА ЧЕЛОВЕКОМ!

(Thrilling Wonder Stories, 1946, Fall)

THRILLING WONDER STORIES

THRILLING
NARRATION

THIS ISSUE

**WHITE
TASTROPHE**
An Amazing Novelet
By ARTHUR J. BURKS

FEATURING

**SEA
KINGS
OF
Mars**
A Complete Novel
By LEIGH BRACKETT

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ ПРОФЕССОРА МУНЦА

Никто бы и не подумал написать о мистере Греббе, а также о профессоре Мунце, если бы их жизненные пути не пересекались самым удивительным образом. Мистер Гребб был крупным грубым человеком с грубыми манерами и большими грубыми порами на широком носу. Он водил грузовик с пивом для пивоваренной компании «Аякс», и самым большим его желанием было накопать что-нибудь на Джо Хэлликса, главе службы доставки в «Аяксе», который являлся его боссом.

Профессор Мунц, с другой стороны, был неимоверно застенчивым научным мышонком с соответствующей внешностью, автором «Математики множественных временных линий», который тут же спрятался в норку, когда обнаружил, что становится известным. В своем сложном труде он встревоженно рассматривал экспериментальные данные в области параллельных линий времени, другие физики стали поговаривать, что у него есть будущее, и тогда он сбежал.

Профессор Мунц не умел общаться с людьми. Но им хотелось узнать об его экспериментах. Никто до сих пор не экспериментировал со временем. Никто не знал, с чего начать, и все оставалось абстрактной теорией. Но профессор Мунц проводил какие-то эксперименты. Остальным физикам не терпелось узнать о них поподробнее, но профессор скрывался от них, мучаясь от застенчивости.

Так обстояли дела. Казалось, самым наименее вероятным человеком, кого могло коснуться дело всей жизни профессора Мунца, был мистер Гребб. А уж мистеру Греббу ничье дело всей жизни не могло бы показаться наиболее ничтожным, чем дело профессора Мунца. Но жизнь вообще полна парадоксов, а уж теория множественности линий времени прямо-таки кишит ими. Поэтому...

Мистер Гребб проснулся, когда будильник затрезвонил у самого уха. Не открывая глаз, он сонно протянул большую, волосатую, похожую размерами на окорок руку и швырнул пронзительно орущие часы через всю комнату. Но будильник был очень прочный. Он продолжал надрываться, лежа в дальнем углу, оскорбленный и помятый, и стаканчик звонка согнулся так, что в его звоне появились какие-то распутные нотки. Но звонил он

вызывающе. Звонил пронзительно. Звонил неустанно. Звонил с явственной насмешкой.

И его звон постепенно проникал в сон, в то, что мистер Гребб называл мозгом. И постепенно до него дошло, что надо вставать. Что за окном яркое солнце. Что долг призывает его на службу в пивоваренную компанию «Аякс». А уж в связи с компанией мистер Гребб вспомнил о Джо Хэлликсе, и громко фыркнул.

Мистер Гребб открыл один налитый кровью глаз. И почувствовал растущий в груди гнев. Открыл другой глаз. Гнев рос стремительно. Он выругался вслух и про себя при воспоминании о Джо Хэлликсе, который пообещал урезать ему зарплату, если он будет и впредь опаздывать. Будильник продолжал глумливо трезвонить.

Мистер Гребб встал с кровати и ожесточенно откашлялся, затем стал одеваться. Спал он в нижнем белье, так что этот процесс не занял много времени. Он просто натянул штаны, скользнул в цветастую фланелевую рубашку и обулся. Потом он спустился на завтрак, с негодованием глядя вокруг.

Хозяйка меблированных комнат сделала ему кофе, даже не пожелав «доброго утра». Поставила на стол ступку блинов и нарезанную толстыми пластами колбасу. Мистер Гребб ел основательно и неряшливо. Прикончив блинчики с патокой, он облизал тарелку. Допил большую кружку кофе. Начинался очередной мрачный день.

— Мистер Гребб... — сказала хозяйка с надеждой в голосе.

Он нахмурился, затем вспомнил, что уже внес плату. Тогда он расслабился и достал сигарету, казавшуюся очень маленькой в его волосатых пальцах.

— Да? — наконец буркнул он.

— Я тут подумала, не могу ли спросить вашего совета, — продолжала хозяйка. — Я ничего не понимаю в технике, мистер Гребб, и подумала, что вы-то должны в ней разбираться, раз водите грузовик.

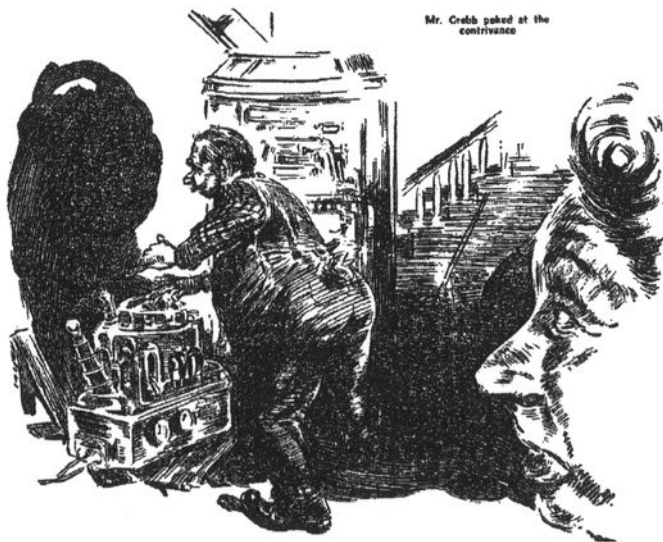
Мистер Гребб ухмыльнулся.

— Квартирant, который жил до вас в комнате, мистер Гребб, — продолжала она, — был очень милым человеком. Но он попал под автобус, уворачиваясь от грузовика, и его увезли в больницу, где он и умер. Приехала полиция и забрала его вещи, чтобы оплатить больничные счета, а остальное отдать родственникам. Не знаю уж, что они с ними сделали. Я так нервничала из-за его смерти, что даже не вспомнила, что он остался мне должен за

целую неделю, и даже думать не подумала о ящике, пока вчера не спустилась в подвал и не увидела его.

Мистер Гребб погладил рукой живот и немного ослабил брючный ремень.

— Ну? — ободряюще сказал он.

The Life-Work of PROFESSOR MUNTZ

By MURRAY LEINSTER

— У него был ящик, который он попросил разрешения держать в подвале, и я забыла рассказать об этом полиции. Но он остался мне должен за неделю. Поэтому вчера, когда я увидела этот ящик, я поглядела в щелочку внутрь. А там оказалась какая-то штуковина. Вот я и подумала, что попрошу вас взглянуть на нее. Если эта штука ценная, то я передам ее полиции, они продадут ее и, возможно, возместят мне его долг.

— Ха! — сказал мистер Гребб. — Это полицейские-то? Да они все ворюги! Оставьте эту штуку себе и пользуйтесь ею на здоровье. Для чего она предназначена?

— Понятия не имею, — ответила хозяйка. — Вы бы не посмотрели ее, мистер Гребб?

– Давайте, – милостиво ответил мистер Гребб. – Если она хоть что-нибудь стоит, то я знаю, где ее можно продать.

На самом деле, ничего он не знал. Он просто прикинул, что поспрашивает знакомых и найдет кого-нибудь, кто знает, где продать все, что угодно, не отвечая ни на какие вопросы, и он также прикинул, что хозяйка поверит ему на слово, когда он скажет, за сколько ее продал. Что означает для него срубить по-легкому доллар-другой. Эта мысль согревала.

– У меня найдется пара свободных минут, – великодушно сказал он. – Давайте посмотрим.

Он последовал за хозяйкой по хрупкой лестнице в подвал. И увидел ящик. Он даже не потрудился прочесть наклейки на нем, иначе бы узнал, что этот ящик адресован профессору Элдосу Мунцу, живущему на такой-то улице в таком-то доме. И, разумеется, ему и в голову не пришло, что тут замешана «Математика множественных временных линий». К тому же он понятия не имел о глубокомысленных рассуждениях о природе пространства, времени и реальности. Хозяйка включила верхний свет, и он разорвал упаковочную бумагу, в которую был обернут ящик.

Там было много проводов. Две-три радиолампы. Катушки трансформаторов и приборы со стрелками, измеряющие миллиамперы, киловольты и тому подобное.

Он окончательно сорвал упаковку и увидел, что это шутовина не фабричного производства. На ней не было табличек, к ней не была приложена инструкция. Все провода торчали наружу, хотя некоторые были изолированы. У мистера Гребба создалось неопределенное впечатление, что это какое-то самодельное радио. Он почувствовал разочарование.

Наверху позвонили в дверной звонок.

– Мне нужно открыть дверь, – сказала хозяйка. – А вы пока что посмотрите его, мистер Гребб.

Она поднялась по лестнице. Мистер Гребб печально покачал головой. Это явно не было тем, что можно продать с прибылью для себя. Но тут он увидел шнур с вилкой. Он достал его и сунул в розетку, находящуюся тут же в подвале.

Ничего не произошло. Поскольку в устройстве было несколько кнопочных выключателей, мистер Гребб потыкал пальцем в парочку для пробы. И опять-таки ничего. Ни музыки, ни возмущенного голоса, рекламирующего очередной фиговый дезодорант «Риико» и обещающий вернуть деньги, если ваши друзья почувствуют ваш запах. Устройство оставалось немым и беспо-

лезным. Мистер Греб не заметил, что стрелка, измеряющая миллиамперы, перешла на цифру 20, а на приборе с киловольтами дошла до 19,6.

Он повернулся и с шумом пошел наверх, чувствуя разочарование. Выходит, не удастся срубить легкие доллары, которые означали бы, что удача повернулась к нему лицом. Как к Джо Хэлликсу, когда он стал боссом.

— Сейчас у меня нет времени как следует в этом разобраться, — сказал он хозяйке. — Я займусь им вечером.

Он надел шляпу, ветровку и вышел через парадную дверь. На крылечке лежала утренняя газета. Он поднял ее и сунул в карман. Газета принадлежала хозяйке, но она не видела, как он ее взял. А в автобусе было удобно читать.

Мистеру Греббу пришлось бежать, чтобы добраться до угла вовремя. Он подумал о Хэлликсе, который закатывает скандал всякий раз, как он опаздывает на работу. Мистер Гребб тяжело дышал не столько от бега, сколько от негодования при мысли о существовании людей, подобных Джо Хэлликсу, который уволил бы его при первой же возможности.

В автобусе он достал газету.

Пока он читал, то ничего не заподозрил. Он понятия не имел, что его газета была уникальной. Фактически, это была самая замечательная газета в мире. Она являлась прямым результатом 20 миллиампер и 19,7 киловольт на приборах в устройстве, стоящем в подвале дома его квартирной хозяйки.

В газете было написано, что «Гробовщик» Джо победил «Козлолицего» Джима в соревнованиях по борьбе вчера вечером. Так же там было сказано, что в последней ночной игре «Рейнджеры» одержали победу со счетом 6:3. Еще газета поведала, что «Каррибы» с легкостью выиграли гонки со счетом 7:2. Все это не добавило радости мистеру Греббу. Он свернул газету и засунул в щель между сидениями. Мысли его снова вернулись к несносному Джо Хэлликсу.

Когда он уже вышел из автобуса, кондуктор бросил газету в коробку для мусора, которую опорожнил в конце маршрута в мусорный бак, и газета была утрачена навсегда. Что было весьма прискорбно, потому что во всех остальных экземплярах утренней газеты говорилось, что «Козлолицый» Джим победил «Гробовщика» Джо, что «Пилоты» выиграли у «Рейнджеров» со счетом 5:3, в четвертьфинальной гонке победителем оказался «Лунный телец» со счетом 3:2. Так же были иными зарубежные новости. В политических сообщениях имелись тонкие измене-

ния, а финансовая колонка была весьма специфичной. Но мистер Гребб этого не узнал.

Весь день он водил грузовик, трижды поспорил с клиентами, дважды – с Джо Хэлликсом, и чуть было не подрался со своим другом, который настаивал, что победил «Козлолицый» Джим. Особенно мистер Гребб разозлился, когда друг показал ему в качестве доказательства газету. Это был тот же выпуск той же газеты, что он читал в автобусе, но говорилось в ней совсем другое. Мистер Гребб посчитал, что это какой-то грязный трюк.

На самом деле, газета была результатом аппарата профессора Мунца для экспериментов с множественными линиями времени. Но мистер Гребб слыхом не слыхивал ни о каком профессоре Мунце, а слышал разве что о квартиранте, который попал под автобус, уворачиваясь от грузовика. И конечно, он слыхом не слыхивал о множественности временных линий, и, уж тем более, даже вообразить не мог эксперименты в этой области.

Но многие выдающиеся ученые дорого бы дали, чтобы почитать ту газету, а устройство, стоящее в подвале, можно было продать любому из полудюжины научно-исследовательских институтов за десятки тысяч долларов. Но мистер Гребб не мог этого даже предположить, поэтому лег спать в очень мрачном настроении.

На следующее утро будильник опять вырвал его из сна, и мистер Гребб спустился вниз, полный горестных мыслей о судьбе, которая заставляет его подниматься спозаранку, да еще дала ему в боссы Джо Хэлликса. Хозяйка не осмелилась обратиться к нему даже после того, как он наелся.

Мистер Гребб распахнул парадную дверь. На крылечке лежала газета. Он наклонился, чтобы поднять ее, и как раз в этот момент ему прямо в лоб прилетел свернутый рулончик еще одной газеты. Мистер Гребб подскочил и хмуро огляделся в поисках мальчишки-разносчика, который зафитилил в него лишней газетой, но в поле зрения не было никого. Газета, казалось, материализовалась прямо из воздуха. Мистер Гребб проворчал проклятия глупым мальчишкам, которые взяли за привычку прятаться, и пошел к автобусной остановке.

На этот раз сегодняшняя газета его не обманула. Ее пророческие комментарии спортивных мероприятий не вызвали у него возражений. Но у него возник яростный спор с Джо Хэлликсом. Начальник отдела доставок опять наехал на него. Мистер Гребб пришел в ярость и весь день ругался себе под нос. Когда он вер-

нулся домой, хозяйка встревоженно сказала:

– Мистер Гребб, вы видели газету?

Он что-то невнятно проворчал.

– В ней есть статья о мистере Мунце, – сказала хозяйка. – Ну, о том жильце, что снимал вашу комнату и был сбит грузовиком. В газете его называли профессором Мунцем и утверждали, что он живет здесь! Но мне же сказали полицейские, что он умер в больнице. Я уж не знаю, что и думать.

Мистер Гребб смутно вспомнил о вчерашней газете, в которой были написаны ложные сведения. Но в сегодняшней газете все было написано, как есть. Правда, газету, которая появилась из пустоты, он не читал. У него, однако, не возникло никаких теорий по этому поводу. Он просто проворчал:

– Да не верьте вы этим газетам. В них вечно печатают всякую чухню!

Учитывая его вчерашний опыт, это было оправданное замечание. Он даже не подумал об устройстве в подвале. И очень жаль, потому что все, кто разбирается в «Математике множественных временных линий» и кто узнал бы об устройстве или газете, мог бы даже расцеловать и мистера Гребба, и хозяйку пансиона.

Теория о множественных линиях времени говорит о том, что существует много вариантов будущего, то есть много реальностей настоящего. Если возможна дюжина различных будущих одновременно и они реальны, то у нас нет никаких причин сомневаться в том, что существуют различные варианты настоящего.

Теория гласит, что не существует никаких доказательств, что настоящее – то единственное, какое мы видим вокруг себя, – является единственным. Реальность может быть множественной, и если мы бросаем монетку решая, в зависимости от того, как она упадет, жениться на Мэйбл или на Хелен, то существует два варианта будущего, в которых овеществляется каждый из вариантов выбора, а следовательно, могут быть и два варианта настоящего, в которых мы бросаем монетку.

Таким образом, из этого следует, что раз уж профессор Мунц оказался перед автобусом, то в одном варианте будущего он был им сбит, а в другом успел отпрыгнуть. Так что человек, который разбирался бы в работе Мунца и знал об устройстве в подвале, немедленно пришел бы к заключению, что газета прибыла из той линии времени, в которой профессор Мунц уцелел.

Но мистер Гребб и думать не думал о подобных вещах. Вместо этого он за ужином живописал, на какую часть лошади по-

хож Джо Хэлликс, и подробно объяснил, как Джо Хэлликс перепутал все поставки и маршруты, чтобы его, мистера Гребба, готовы были обвинить в потере четырех бочонков пива. А позже он отправился в таверну, выдул полдюжины пива и еще больше озлобился, размышляя над несправедливостью мира.

На следующее утро было облачно, когда он вышел из парадной двери. На крыльчке лежала газета, а в маленьком дворике было большое мокрое пятно, и брызги даже залетели на крыльцо. Мистер Гребб поднял газету, подумал, какой черт баловался тут шлангом, когда, похоже, собирается дождь. Затем раздался шлепок, и перед мистером Греббом прямо из пустоты упала еще одна газета. Он с негодованием поискал взглядом мальчишку, но тот, очевидно, был невидимкой. Потому что никакого мальчишки не было. Газета прилетела из ниоткуда.

Мистер Гребб поднял ее и воинственно вышел на улицу, чтобы найти разносчика газет и научить его, как надо работать.

У мистера Гребба был не аналитический ум. Когда происходило что-то, чего он не понимал, он тут же начинал злобно считать, что какой-то умник пытается провернуть непонятные махинации. Но, не увидев никого, он направился к автобусной остановке.

В автобусе он развернул одну из газет. И со скукой просмотрел заголовки статей. Затем сунул ее между сидениями, и закипел, вспомнив о четырех бочонках, в потере которых его пытались вчера обвинить.

Затем он развернул вторую газету, забыв о первой. Заголовки были иными. Он поморгал, подумал и достал первую газету. Название было идентичным. Дата была идентичной. Мелкие заметки были идентичными. Но вот заголовки крупных статей не просто отличались, а в корне противоречили друг другу. В одной статье на первой полосе говорилось, что уголовный процесс закончился оправданием леди, которая зарубила мужа бойскаутским топориком. В другой было сказано, что она признана виновной и собирается подавать апелляцию.

Разумеется, мистеру Греббу не пришло в голову, что присяжные могли бы подбросить монету, и в одной случае она упала бы орлом, а во втором – решкой. Он просто с негодованием уставился на эти статьи. Потом проверил внутренние страницы. Они тоже отличались и противоречили друг другу. Несколько заметок были одинаковыми, и даже рекламные сообщения были одними и теми же, но два экземпляра одной и той же газеты с одной и

той же датой, описывали одни и те же события так, словно они произошли в различных мирах.

Что на самом деле и было. По крайней мере, на различных линиях времени. В одной газете описывались в общих чертах события в мире, в которых, образно говоря, все монетки упали орлом, а в другом мире они неизменно падали решкой. Результаты игр с мячом были различные. Результаты гонок – одних и тех же гонок, – различные.

Мистер Гребб неистово порвал в клочки обе газеты, костеря на все корки вероломство газет вообще и этой в частности.

Но больше в тот день ему некогда было думать о ней. Снова был поднят вопрос о четырех бочонках. От мистера Гребба потребовали объяснений. Лиловый от ярости, он принялся реветь. Следствие вел, разумеется, Джо Хэлликс. Но кроме него был представитель бухгалтерии пивоваренной компании «Аякс», который принялся задавать оскорбительные вопросы.

Мистер Гребб взревел в ответ. Он водит грузовик по назначенному маршруту, а ошибки в накладных его не касаются. От клиентов жалоб не поступало, не так ли? Они получили то, что заказывали и что было загружено к нему в грузовик. А если Джо Хэлликс где-то напортачил, то это не его, Гребба, вина. Он загружает столько пива, сколько ему говорят. А эти четыре бочонка...

Он был весь в испарине, когда выехал с пивоваренного завода с новым грузом. Хорошо он прочистил тому бухгалтериишке уши! Тот считал себя умником, да? Сказал, что станет перепроверять все прежние поставки. Да черт с ним! Пусть проверяет все, что захочет!

Но все равно мистер Гребб волновался. А когда он волновался, то ругался и вел грузовик с большей дерзостью и энергией, чем обычно. Он был полон гнева. Система доставки была сложной и запутанной. Он никогда ее не понимал, но он и не пытался понять. Он просто делал свою работу, которая была достаточно простой. Он поставлял пиво. И теперь был настроен воинственно и взбудоражено.

В пансион он вернулся необычно сердитый. Парень из бухгалтерии снова приставал к нему, но теперь речь шла не о четырех бочонках. Была выявлена недостача еще двух днем ранее, одного за день до этого и три еще на день раньше.

Бухгалтер разговаривал с ним резко. Угрожающе. Пока что у него нет доказательств, сказал он, но все выглядит очень странно. Слишком много сведений о пропавшем пиве. Бухгалтер заявил, что именно мистер Гребб спутал и нарушил все поставки,

чтобы нельзя было определить, сколько пива исчезло. Возможно, шестьдесят-семьдесят бочонков, но, может, это длится уже много месяцев...

Мистер Гребб той ночью отправился в свою любимую таверну, где всем поведал свое мнение о Джо Хэлликсе. Джо Хэлликс специально подстроил это ему! Джо Хэлликс нарочно перепутал все поставки, чтобы создать ему проблемы. Джо Хэлликс мелкий человечиска, и жаль, что он не слышит, что говорит о нем мистер Гребб...

Тем временем в подвале дома, где он снимал комнату, устройство из катушек, проводов и радиоламп стояло всеми забытое. Но стрелка на крошечном приборе указывала на двадцать миллиампер, а стрелка на другом регистрировала девятнадцать и шесть десятых киловольт.

И в определенном месте в определенном направлении от этого устройства прошел ливень, а место это было размером не более двадцати футов в диаметре. И дождь шел только там, больше нигде его не было. Все выглядело так, будто этот круг диаметров в двадцать футов связан с какими-то иными погодными условиями – или с иной линией времени, так что дождь там шел независимо от окружающей реальности.

Естественно, никто этого не увидел. Была ночь, и на мокрое пятно некому было обратить внимание.

Однако в нескольких сотнях миль от этого места были люди, которые поняли бы все, если бы только узнали об этом. Эти люди хорошо изучили «Математику множественных временных линий», и пока мистер Гребб яростно изливал свою душу в таверне за углом своего пансиона, один выдающийся математик делал обращение к научному обществу.

– Исчез профессор Мунц, – с сожалением объявил он, – и это его исчезновение явный результат его чрезмерной застенчивости. Однако, ссылки на экспериментальные данные в его работе принесли свои плоды. Он вел речь о межпространственном напряжении, ведущем к тенденции соединять неодинаковые линии времени. Затем он заявил, что получил экспериментальные доказательства, противоречащие его уравнениям. Тщательная проверка уравнения выявила одну маленькую ошибку, и когда она была исправлена, эксперименты полностью подтвердили математические выводы. Можно не сомневаться, что его экспериментальные доказательства появились в результате исследования реальных потоков времени, которые являются параллельными,

но не совсем сходными с той реальностью, которая нам известна. Но что это значит? Это значит, что если мы опоздали на поезд в нашей реальности, то где-то существует реальность, в который мы все же успели сесть на этот поезд. Если в нашей реальности существует вор, которого не сумели поймать, то в другой реальности он допустил ошибку, которая привела к его поимке.

Известный ученый продолжал свою речь в двухстах милях от того места, где мистер Гребб орал, рассказывая своим компаньонам о делишках Джо Хэлликса.

На следующее утро мистер Гребб вышел заспанным и угрюмым. У него даже почти что пропал аппетит, так что съел он всего лишь двенадцать блинчиков и лишь по привычке вытер последним тарелку. Он был не в духе. Если будет доказано, что шестьдесят – семьдесят бочонков пива пропали из-за его нежелания лезть в бухгалтерские дела и проверять накладные, то он попадал в сложное положение. А если это парень из бухгалтерии проверит накладные за последние шесть месяцев и обнаружится еще большая недостача – дело запахнет керосином. Мистер Гребб готов был расплакаться от гнева и страха перед тюрьмой.

Но он вышел из парадной двери и, следуя устоявшейся привычке даже в такое напряженное время, наклонился забрать газету, которую оплачивала его хозяйка и временами жаловалась, что вечно ее не доставляют. Но как только он наклонился за газетой, последовал звучный шлепок, и вторая свернутая газета попала ему прямо в обтянутый штанами зад.

Он взревел, схватил газеты и выскочил на улицу, чтобы отомстить за такое неуважение. Но нигде не было видно никакого разносчика газет. Газета материализовалась прямо из воздуха над двадцатифутовым кругом, над которым вчера шел дождь, хотя кругом было сухо.

Мистер Гребб грозно промаршировал к автобусной остановке, грубый, приведенный в бешенство здоровяк. Хмурясь, он влез в автобус. На следующей остановке рядом с ним появилась толстая женщина. Она впиалась в него взглядом, потому что он и не подумал уступать даме место. Он развернул газету, и на глаза ему тут же попался заголовок небольшой статьи:

«РАССЛЕДОВАНИЕ НА ПИВОВАРЕННОМ ЗАВОДЕ «АЯКС».

Дальше было написано, что за последние шесть месяцев, из регулярных торговых каналов ушло на сторону более четырехсот бочонков пива, которые были приобретены недобросовестными покупателями, желающими сэкономить на налогах.

Возникли подозрения о пропаже, и вчера бухгалтер, проводивший проверку, совершенно случайно заглянул в выдвижной ящик стола начальника отдела доставки, где хранились канцелярские принадлежности. И там он без труда нашел плохо спрятанные, небрежно подделанные накладные на доставку товара за прошлые недели и месяцы, а также заранее приготовленные накладные за будущий квартал. Под давлением улик Джо Хэлликс признался в том, что воровал пиво последние шесть месяцев, и был арестован.

Мистер Гребб тупо глядел в газету. Все это было вероятно, даже очень близко к правде, но не верно. Ничего подобного вчера не произошло. Когда он уходил с пивоваренного завода, бухгалтер по-прежнему откровенно подозревал в краже его.

И внезапно мистер Гребб широко раскрыл рот. Ум его никогда еще не был ясен, он просто не умел рассуждать. Но в газете было написано то, во что ему хотелось бы верить, поэтому он немедленно решил, что Джо Хэлликс именно это и сделал.

Его мгновенно переполнило агрессивное торжество. Газета выскользнула из рук и упала на пол автобуса, где ее тут же затоптали, так что, в итоге, она, непригодная для чтения, попала в мусорную коробку. Но мистер Гребб даже не шевельнулся. Итак, во всем виновен Джо Хэлликс! И он обвинял в пропаже пива абсолютно честного водителя грузовика – самого мистера Гребба!

Он, преисполненный достоинства, проследовал на склад, где нашел в кабинете начальника доставки самого Джо Хэлликса, бухгалтера и еще двоих человек самого зловещего вида.

– Послушайте, Гребб, – хмуро сказал бухгалтер. – Я проработал здесь всю ночь. За последние шесть месяцев пропали четыреста бочонков пива! У всех накладные в порядке, кроме как у вас. Что вы на это скажете?

Мистер Гребб шумно засопел.

– Я знаю, – взревел он, – знаю, почему в моих накладных всегда путаница! Знаю, почему Джо Хэлликс вечно пытается сделать меня козлом отпущения! Любой водитель вам скажет, что я хороший парень, и любой из них подтвердит, что Джо Хэлликс – мошенник!

Бухгалтер попытался его прервать, но рев мистера Гребба было трудно перекрычать.

– Посмотрите у него в столе! – ревел он в праведном гневе. – Вы найдете там незаполненные поддельные накладные! И найдете целую кучу использованных! Прямо здесь, в этом ящике

стола!

Он ткнул похожей на волосатый окорок рукой прямо в стол Джо Хэликса.

Джо Хэлликс попытался презрительно рассмеяться, но у него это вышло фальшиво. Мистер Гребб слишком точно указал место, где он держал поддельные накладные для удобства работы и еще потому, что никто не догадался бы их там искать. Это было слишком внезапно, слишком шокирующе и слишком уж невозможно.

Джо Хэлликс попытался со смехом отмахнуться от него, но на лбу у него выступил пот. И когда бухгалтер, быстро взглянув на его посеревшее лицо, наклонился, чтобы выдвинуть ящик стола, Джо Хэлликс впал в панику, и двум зловещего вида мужчинам пришлось позаботиться о нем...

Мистер Гребб вернулся вечером в пансион в настроении негодующего триумфа. Он был так счастлив, как никогда в жизни. Джо Хэликса разоблачили и увезли в тюрьму, и при этом доказали, что он, мистер Гребб, невинен, как младенец. Кроме того, о том полбочонке пива, который в прошлом месяце ему удалось загнать налево, никто теперь и не вспомнит.

Он был великолепен, восхищаясь своей невинностью. За ужином он рассказал обо всем хозяйке, только не стал упоминать о газете. Он так и не понял, что происходило с этой газетой, поэтому просто выбросил ее из головы. Хозяйка слушала его с восхищением.

— Я всегда знала, что вы умны, мистер Гребб, — с полной убежденностью сказала она. — Именно потому и спросила вас об этом устройстве в подвале. Когда вы найдете время лучше осмотреть его, мистер Гребб?

— Да это все ерунда, — отмахнулся мистер Гребб. — Просто радиоприемник, который пытался построить какой-то сумасшедший. К тому же, оно не работает.

— Жаль, — сказала хозяйка. — А я-то позволила ему столько времени занимать подвал.

— Я унесу его отсюда, — великодушно сказал мистер Гребб. — Пара пинков, и оно развалится на части, так что я могу с легкостью вынести его и оставить на тротуаре для мусорщиков.

Он так и сделал в порыве сердечной доброты. В высоких научных кругах до сих пор ломают голову, куда же девался сам профессор Мунц и его экспериментальный аппарат, о котором упоминалось в «Математике множественных временных линий». Некоторые выдающиеся ученые все еще надеются, что

профессор появится, преодолев свою ужасную застенчивость. Но это мало вероятно, учитывая то, что он был сбит автобусом, когда отскочил от несущегося автобуса. По крайней мере, на этой линии времени. Вероятно, на другой все закончилось иначе. Но жизнь и теория множественных линий времени полны парадоксов.

Парадокс этой линии времени состоит в том, что никто так и не подумает о связи мистера Гребба с профессором Мунцем, хотя их жизни удивительным образом пересеклись друг с другом. Грузовик, от которого отпрыгнул профессор Мунц, вел именно мистер Гребб, и когда профессор попал под автобус, мистер Гребб переехал в его освободившуюся комнату, и именно мистер Гребб пинками разломал устройство, являвшееся делом всей жизни профессора Мунца, и вынес обломки к мусорным бакам.

Но и профессор Мунц оказал влияние на жизнь мистера Гребба. Именно его устройство перенесло с другой линии времени газеты, которые помогли мистеру Греббу разоблачить подлека Джо Хэлликса. Фактически, именно дело всей жизни профессора Мунца поспособствовало тому, что мистер Гребб по-прежнему водит грузовик для пивоваренной компании «Аякс».

(Thrilling Wonder, 1949 № 6)

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика.....	3
---------------------	---

ПРОГУЛКИ В ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ...

КАТАПУЛЬТА ПЯТОГО ИЗМЕРЕНИЯ. Повесть.....	5
The Fifth-Dimension Catapult (Astounding, 1931 № 1)	

ТРУБА ПЯТОГО ИЗМЕРЕНИЯ. Повесть.....	59
The Fifth-Dimension Tube (Astounding, 1933 № 1)	

...И В ИНЫЕ МЕСТА

ВЕЧНОЕ «СЕЙЧАС»	127
The eternal now (Thrilling Wonder Stories, 1944, Fall)	

КАРМАННЫЕ ВСЕЛЕННЫЕ.....	161
Pocket Universes (Thrilling Wonder Stories, 1946, Fall)	

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ ПРОФЕССОРА МУНЦА.....	187
The life-work of professor Muntz (Thrilling Wonder Stories, 1949 № 6)	

Читайте в
следующем томе:

«Древние марсиане» (сборник о Марсе)

In the dim Water Temple, where the dead gazed down on the
dead. This must be the day, should he give an account to the
terrible Lord or chance the sentence of Terrible Thousands?

I know! But he said "I am waiting for death" and he thought the great place in a well-lit room.

VENGEANCE ON MARS!

by D. B. LEWIS

HAVE YOU EVER SEEN A MARTIAN? He is a
very different creature from any
we know. He is a man made of
stone and metal, with a head
that is a perfect sphere. He
is a creature of the future, and
he is a creature of the past.

It is the day, the day of the day, the day of the day.

МЮРРЕЙ ЛЕЙНСТЕР

Прогулки в
пятое измерение